

детектив - собылье

Елена
Михалкова

ДОМ ОДИНОКИХ
СЕРДЕЦ

Елена Михалкова
Дом одиноких сердец
М.: Эксмо, 2007

Елена Михалкова

Дом одиноких сердец

«Смерть ходит за мной по пятам так непринужденно, что временами мне даже становится смешно. Нет-нет, никакой старухи с косой и прочей бессмысленной атрибутики вроде черной мантии до пола. Скорее кружевной зонтик или букетик цветов... со вкусом подобранный плащ... Поэтому иногда мне кажется, что на меня в солнечный день падает тень. Или запах цветов, почти неуловимый, появляется где-то совсем близко. Или шуршание плаща раздается на совершенно пустой лестничной клетке. В такие секунды я резко начинаю ощущать смысл слов, которые бездумно произношу, – например, лестничная клетка. И я внутри лестничной клетки, за решеткой. Не хватает только дрессировщика, который войдет с кнутом и выведет меня на арену.

Жаль, что я не верю в Бога, – так было бы гораздо легче. И еще жаль, что мое дело останется незаконченным. Если только мне не удастся найти человека, который закончит его за меня.

Но тут возникает небольшая моральная дилемма, правда? Ведь если я все-таки найду его, то дама с букетиком, под кружевным зонтиком, в хорошо пошитом плаще будет ходить уже за ним. С одной стороны, не очень хорошо. С другой стороны, для меня к тому времени это не будет иметь ровным счетом никакого значения.

А раз так – нужно его найти».

Глава 1

Даша гуляла по лесу, с наслаждением вдыхая упоительный запах сосен и травы. Август выдался холодным и дождливым, и Даша с грустью думала о том, что коротким летом не удалось в этом году полностью насладиться. Но сегодняшний день был ласковым и теплым. «Счастье какое, – вздохнула Даша, вертя в руках пахучую сосновую веточку, – в кои-то веки не нужно Прошку мыть». Словно услышав ее мысли, Проша обернулся и посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом.

– Иди, иди, – махнула ему Даша. – Нечего меня гипнотизировать. Еще пять минут – и домой!

Проша гулко гавкнул, повернулся и неторопливо засеменял по росистой траве. Еще некоторое время Даша глядела ему вслед, одновременно размышляя: на завтрашнее утро назначены занятия, которые нужно хорошенько распланировать.

Впереди раздался собачий бас, быстро выведший ее из задумчивости. «Опять бомж», – решила Даша и ускорила шаг. Но Проша, обычно от души облаивавший любого человека, от которого пахло спиртным, неожиданно замолчал. Обогнув кусты, она увидела, что пес стоит на тропинке, наклонив голову и изучая человека под корявой раскидистой сосной.

– Не бойтесь! – крикнула Даша еще издали, разматывая на ходу поводок. – Он не кусается.

– А я, сударыня, прекрасно вижу, что он не кусается, – ответил звучным голосом человек под сосной. – По-моему, вполне благовоспитанный пес флегматичного темперамента.

Даша подошла поближе и теперь смогла разглядеть обладателя звучного голоса. Это был высокий сухопарый старик в сером костюме, на вид лет семидесяти, с пушистыми белыми усами над верхней губой и гладко выбритым подбородком. Подойдя к нему, Даша уловила легкий запах одеколона, мгновенно вызвавший воспоминания из далекого детства: она маленькая сидит у деда на коленях, замороженно рассматривая сказочную, волшебную шкатулку. По крышке шкатулки скачут

три коня с развевающимися гривами – белый, черный и красный, а за ними, в шкатулочной дали, встает изумрудный лес. Шкатулка черная, гладкая, пахнет лаком, но внутри – какое разочарование! – лежат всего лишь скучные маленькие книжечки в красных и зеленых обложках, какие-то документы да пара запасных ключей от входной двери.

Воспоминание в долю секунды промелькнуло в Дашиной голове, пока она рассматривала старика с пушистыми усами.

– А вы хорошо разбираетесь в собаках? – спросила она, улыбнувшись. Старикан ей понравился.

– Я хорошо разбираюсь в хозяевах, – усмехнувшись в усы, ответил тот. – Иногда, знаете ли, достаточно увидеть хозяина, чтобы рассказать о характере его пса.

– Не может быть, – рассмеялась Даша.

– Может, сударыня, уверяю вас, может. Вот, например, иногда в дальней части парка, там, где детская площадка – знаете? – я встречаю мужчину с двумя таксами. Вы, может быть, их тоже видели.

Даша неопределенно кивнула, с интересом ожидая, что незнакомец скажет дальше. Хозяин такс жил двумя этажами ниже ее, и о характере его псов она имела полное представление.

– У такс ведь обыкновенно какой характер? Правильно, независимый и самолюбивый, – продолжал старик. – Так вот, с этими двумя таксами я близко не знаком, но готов заложить свою вставную челюсть, что они совершенно инфантильны и подавлены хозяином. Более того, и чувство юмора, присущее многим представителям этой чудной породы, у них отсутствует. Вот не улыбаются они – и все!

Даша подозвала Прошу и наклонилась над его ошейником, стараясь скрыть удивление. Старик на редкость точно описал обеих несчастных животин, которые были так забиты хозяином, что боялись гавкнуть лишний раз. Хотя вполне возможно, пришло ей в голову, что старик просто хорошо знает всех троих.

– А вот сейчас вы подумали, я вижу, – раздался у нее над ухом голос, – что я с собачками и раньше встречался и с их хозяином также. Нет-с, уверяю вас, не встречался и близко не общался. Так что вы ошибаетесь на мой счет.

Даша подняла глаза на старика, и выражение ее лица было такое, что тот расхохотался.

– Сударыня, я не читаю мысли, – покачал он головой с довольной усмешкой.

– Но тогда как же... – растеряннo начала Даша.

– Как я узнал? Немного наблюдательности, вот и все. Собственно говоря, у большинства людей мысли идут по стандартному варианту – удивление, недоверие, потом настороженность. И вы не явились исключением.

– Просто вы так точно описали, – пробормотала Даша, смутившись. – Вот я и подумала...

– Не стоит извиняться, – великодушно махнул рукой старик, хотя она и не думала этого делать. – Между прочим, по любой собаке точно так же можно определить и характер ее хозяина, но об этом мы с вами побеседуем в другой раз. Да, прошу меня простить великодушно: я же не представился. С вашего позволения – Петр Васильевич Боровицкий.

Он слегка поклонился Даше и, взяв ее руку, галантно прижался к ней губами. Оторопев от неожиданного и непривычного для нее жеста, Даша только почувствовала, как мазнули по руке пушистые усы и еще сильнее пахнуло старым, давно забытым запахом мужского одеколona.

– Даша, – выговорила она. – То есть Дарья Андреевна.

– Разрешите, Дарья Андреевна, предложить вам небольшую прогулку по парку, – предложил Петр Васильевич. – Если, конечно, вас не слишком обременит в качестве спутника такая трухлявая развалина, как я.

Даша совершенно искренне запротестовала, причем сразу против всего: и против «обременит», и против «трухлявой развалины», но тут заметила искорки в глазах старика. «Елки-палки, да он ни секунды в моем согласии и не сомневается! – поняла она вдруг. – И развалиной себя не считает, и вообще вертит мной, как захочет!» От такой мысли Даша рассмеялась, непринужденно, как хорошего знакомого, взяла старика под руку, и они пошли по парку. За ними семенил довольный Проша, радуясь, что хозяйка не будет его дергать ближайший час. Тут он был совершенно уверен.

К концу прогулки Даша узнала о своем новом знакомом довольно много. Петр Васильевич оказался журналистом и писателем, собиравшим материал для новой книги. Он сообщил Даше название нескольких уже опубликованных своих книг, но ни одной из них она не читала и

поинтересовалась, о чем же будет новая книга. И тут выяснилось кое-что для нее неожиданное.

– Вы, наверное, видели пансионат в глубине лесопарка? – спросил Петр Васильевич и, узнав, что Даша не видела, очень удивился.

– Понимаете, мы в этом районе только третий месяц живем, – объяснила Даша. – Купили здесь квартиру. Много лет снимали жилье и вот наконец купили собственное. Поэтому я еще не весь лесопарк обошла, а только один кусочек.

Тогда старик рассказал, что пансионат, раньше называвшийся «Прибрежный», несколько лет назад выкупили в частную собственность. Новые владельцы организовали там дом престарелых.

– Типичный частный дом престарелых, – рассказывал Петр Васильевич, постукивая тростью при каждом шаге. – Название сохранили прежнее, и теперь полностью он именуется так: Патронажный пансионат «Прибрежный». Стариков там проживает немного, около тридцати человек, и чуть ли не столько же обслуживающего персонала. Так вот, директриса его – на новом русском языке она именуется управляющей – разрешила мне бывать у них, практически беспрепятственно, и я изучаю стариков, живущих там, беседую с ними, а после по беседам пишу свою книгу. Приезжаю сюда три раза в неделю и с утра до обеда, как правило, присутствую. А когда у них начинаются медицинские процедуры, гуляю для моциону по здешнему прекрасному парку. Вот, собственно, и все.

– А почему вы выбрали именно этих стариков? – поинтересовалась Даша. – Почему бы не беседовать с любимыми? Или просто найти в самой Москве подобный дом, и неподалеку от того места, где вы живете? Все-таки ехать сюда к нам не близко.

– Ну что вы, что вы, – покачал головой Петр Васильевич. – Мне нужен именно этот дом, и никакой другой. Дело в том, что контингент тут несколько специфический – люди, которые либо сами были очень состоятельными до того, как попали в пансионат, либо имеют весьма небедных родственников. В двух-трех известных мне в самой Москве частных домах престарелых поселяют стариков исключительно в обмен на квартиру, понимаете? А здесь все не так. Здесь они платят ежегодно – или за них платят, – и ни о каких квартирах речи не идет. А вы догадываетесь, в какую сумму обходится проживание в таком доме?

– Догадываюсь, – хмыкнула Даша. – Наверняка в очень и очень немаленькую.

– В том-то все и дело! И родственники, отправляющие своих близких в сие богоугодное заведение, вполне могли бы найти другой вариант – сиделку нанять, например. Но они выбрали «Прибрежный» – все по разным причинам. В раскрытии этих причин и заключается мой, так сказать, охотничий азарт. Потому что за каждой, уважаемая Дарья Андреевна, скрывается чья-то судьба, а нет ничего увлекательнее, чем писать о судьбах.

Петр Васильевич остановился, прищурясь, взглянул на нее.

– Как-нибудь я покажу вам, чем занимаюсь, – пообещал он. – А пока – разрешите откланяться. Чрезвычайно был рад знакомству.

Он церемонно поклонился, взмахнул тростью и неторопливо пошел по дорожке, ведущей к реке. Даша некоторое время смотрела ему вслед, потом подозвала Прошу и заторопилась к дому, огибая маленький прудик, чтобы срезать дорогу. Давно пора было возвращаться.

Человек, сидевший на скамейке у пруда, встал и внимательно посмотрел на нее, когда она проходила рядом, но Даша не обратила на него внимания. И пес, огромный мастино неаполитано, чуть прихрамывающий на переднюю правую лапу, тоже пробежал мимо. Человек вздохнул с облегчением – собак он панически боялся, а вот таких громадных, тяжелых, с гладко лоснящейся шкурой и внимательным, чуть ли не человеческим взглядом из-под нависающих бровей – в особенности. Потом ему пришло в голову, сколько может стоять такая вот прихрамывающая корова, и он злобно сплюнул вслед стройной светловолосой женщине в зеленой куртке.

«Жадная стерва! Откуда она появилась и когда он успел с ней познакомиться, да так, что я ничего не заметил? Хотя неважно. Понятно, что давно – иначе не бродили бы под ручку, как юные придурки. Знаю я таких баб – только дай им богатого мужика, они из него выжмут все соки, а потом пойдут искать следующего. По-хорошему, их всех нужно убивать! Не, ну всех – это типа утопия, а вот с одной разобраться вполне можно. Только собака мешает. Собака, собака... Что же придумать с собакой?..»

Вечером, кормя уставшего и голодного Максима ужином, Даша рассказала ему о своем новом знакомом.

– Писатель? – переспросил Максим с набитым ртом. – Известный?

– Да нет, по-моему. По крайней мере, я ничего не читала.

– А, ну тогда неинтересно! Вот если бы ты с живым классиком познакомилась, тогда да! И он бы с тебя и Олеськи писал литературные портреты, увековечивая для потомков.

– Кто писал? – подала из соседней комнаты голос Олеся, которая давно должна была спать, но не спала, а слушала разговор родителей. – Я тоже хочу, чтобы меня нарисовали.

– Спи давай! – прикрикнула на дочь Даша. – Нарисуют тебя, не волнуйся, еще нарисуют. Но знаешь, Максимушка, – она уселась за стол и задумалась, вспоминая, – он так своеобразно разговаривает – со всякими старинными «позвольте», «разрешите предложить». И даже «ну-с» вставляет иногда! Но получается у него совершенно органично. Наверное, из-за возраста. И вообще, он весь такой интеллигентный... в хорошем смысле.

– То есть бывает интеллигентный еще и в плохом? – заинтересовался Максим. – Ну-ка, ну-ка, поподробней...

– В плохом – это когда человек не умеет постоять ни за себя, ни за кого-то другого, – неуклюже объяснила Даша. – Такой несколько карикатурный персонаж, но довольно часто встречающийся. Ну вот как Владик твой, например, – бездна эрудиции, а при том патологический трус. Петр же Васильевич, мне кажется, при необходимости даже подраться сможет.

– Если не рассыплется, – кивнул Максим, дожевывая третью котлетку. – Ну, в общем, тебе теперь есть с кем общаться, кроме твоих несчастных детишек. Кстати, ты к кому завтра едешь?

– К Барсукову, – вздохнув, ответила Даша. – С самого утра.

– Ах ты моя бедная, – пожалел ее Максим. – Будешь барсучонка учить букву «р» выговаривать? Рассказывать про Карла, экспроприировавшего у несчастной Клары единственную память о курортном романе?

– Ну тебя! – Даша забрала у супруга пустую тарелку и начала ожесточенно тереть ее под водой. – Тебе смешно, а мне страдания. И никакую не «р» – как раз она у него поставлена. Ладно, не хочу даже думать об этом.

Максим встал и сочувственно погладил ее по спине.

– Давай я посуду помою, что ли, – предложил он. – Из сострадания к твоим завтрашним мучениям.

Даша насмешливо хмыкнула, но от раковины отошла.

На следующее утро, трясясь в автобусе, она настраивалась на предстоящий урок. Даша была частным логопедом и занималась со всеми детишками подряд, то есть бралась и за самые сложные случаи.

Стать логопедом ей помогла чистая случайность. Даша трудилась переводчиком в одной из многочисленных московских фирм и была почти довольна своей работой, а самодур-шеф был почти доволен ею. До тех пор, пока Даша не высказала собственное мнение об идеях его молодой любовницы, работавшей в соседнем с Дашиным отделе. Любовница, как все прекрасно знали, была круглой душой, и ее многостраничный труд по критериям оценки деятельности переводчиков был набором бессмыслиц, прямо-таки умилительных потому, что ни одного иностранного языка сама юная Светочка не осилила.

Дашина точка зрения стала известна сотрудникам, и за глупую откровенность она вылетела с работы так быстро, что толком не успела ничего понять. А потом последовала поездка в Турцию, куда Дашу на последние деньги отправила мама и где та познакомилась с будущим мужем. Когда они поженились и Даша забеременела, ей стало не до работы, да и Максим не возражал против того, чтобы во время беременности любимая жена сидела дома, варила супы, гуляла и не нервничала (за время их общения в Турции он убедился, что его Даша отличается крайней впечатлительностью, и очень опасался, как бы эта ее особенность не повлияла на развитие еще не родившегося ребенка).

Даша и не волновалась, прекрасно себя чувствовала все девять месяцев, а в положенный срок родила здоровую девочку, которую назвали Олесей. Неприятности начались позже: Олеся не заговорила ни в три года, ни в три с половиной, а когда наконец начала произносить слова, то выдавала невнятный набор звуков. Ужаснувшись, Даша начала таскать дочь по всем специалистам, каких только нашла, но после полугода бессмысленно потраченного времени убедилась: помочь девочке сможет только она сама.

Даша записалась на логопедические курсы, читала по ночам статьи в Интернете, покупала

медицинские книги, искала статьи на английском и сама переводила их. И занималась, занималась, занималась с Олесей. Попутно нашла еще четырех мам с похожими проблемами, и они обменивались опытом, вместе размышляли, что бы придумать новое для обучения своих детей.

В шесть лет Олеся говорила уже чисто и хорошо, куда лучше большинства сверстников. Даша вздохнула спокойно, решив, что наконец-то можно возвращаться к работе. Но неожиданно сосед по дому, пристально наблюдавший за успехами ее и Олеси, попросил логопеда-самоучку поработать с его внуком, в пять лет упорно не желавшим выговаривать половину алфавита. Так Даша и начала заниматься тем, что вовсе не считала своей специальностью, – стала учить говорить теперь чужих детей.

Педагогом она оказалась прекрасным, и ее «передавали» знакомым и знакомым знакомых, когда собственные дети клиентов начинали говорить вполне достойно. В последний год Даша даже смогла осуществить свою давнюю мечту – встать с постели не тогда, когда необходимо куда-то спешить, а в то время, когда хотелось ей самой. Она просыпалась в начале девятого, быстро делала все домашние дела и к девяти часам была готова к большой прогулке. Проша ложился на коврик у входной двери заранее и начинал ждать, когда же раздастся позвякивание карабина на поводке и хозяйка скомандует: «Гулять». Гуляли они по часу, а теперь, когда в двух шагах от их дома был такой огромный лесопарк, и по полтора. Только после этого Даша начинала занятия.

Правда, иногда все же случались непредвиденные обстоятельства, и приходилось силком вытаскивать себя из теплой постели, выпивать огромную чашку кофе и бочком прокрадываться мимо Проши, укоризненно смотревшего на Дашу огромными, как сливы, карими глазами. Сегодня таким непредвиденным обстоятельством была бабушка Никиты Барсукова – Инна Иннокентьевна. Даша часто думала, что у человека, назвавшего ребенка именем Инна при Иннокентии-папе, должны начисто отсутствовать слух и вкус.

Сегодня Инна Иннокентьевна была в ударе. Пока Даша раздевалась в прихожей, она поведала ей о проблемах с машиной, обругала походя папу Никиты, своего зятя, и одним словом уничтожила зеленую курточку Даши, которой та очень гордилась.

– Миленькая на вас вещица, – заметила Инна Иннокентьевна. – Я, правда, не сторонник распродажных вещей, хотя, если нет выбора...

«Вот именно, нет выбора, – чуть не сказала ей Даша. – Не у каждого есть возможность одеваться исключительно за границей, и вовсе не потому, что одни глупые, а другие умные, а потому что жизнь у людей устраивается по-разному». Сама Инна Иннокентьевна была вдовой московского чиновника и последние пять лет жила припеваючи на то, что «незаметный служащий» оставил после себя. Ее огромный джип-внедорожник ненавидели все соседи Барсуковых, потому что, приезжая в гости к дочери и внуку, Инна Иннокентьевна, не задумываясь, бросала машину у чужих гаражей, прочно перекрывая все въезды и выезды. Причем сигнализацию на машине она не включала, поэтому пинки по колесам черного монстра ничего не давали – Инна Иннокентьевна отгоняла машину тогда, когда нужно было ей, а не каким-то неудачникам на «Дэу» или, прости господи, «Хундаях».

– Так чем мы сегодня займемся? – поинтересовалась бабушка Никиты, прочно обосновываясь в кресле. – Мальчик так ужасно говорит! Вот, помню, я в его возрасте...

С возрастающей тоской Даша слушала воспоминания Инны Иннокентьевны о ее юных годах и чувствовала, что опять попала в ловушку. Инне Иннокентьевне нужен был слушатель, и она использовала любого несчастного, подворачивающегося ей на жизненном пути.

– Никита, – кипятилась тем временем дама, кивая на насупившегося мальчика, – он даже букву «ч» не выговаривает! Вот как так можно, объясните мне как логопед!

Даша вспомнила «распродажную вещь» и почувствовала, что терпение ее лопнуло, как воздушный шарик.

– Объясню как логопед, – вежливо и сухо произнесла она, глядя мимо Инны Иннокентьевны. – На сегодня я вижу единственную причину, по которой Никита не освоил данный звук, – лично вы. Мне неловко вам это говорить, но чем раньше мы начнем заниматься с Никитой наедине, тем быстрее он научится выговаривать все звуки.

Даша ожидала, что бабушка Никиты разразится длинной тирадой, но Инна Иннокентьевна окинула ее долгим взглядом, поднялась из кресла и молча вышла.

– Ну что же, дружок, давай заниматься, – обратилась Даша к миглом повеселевшему мальчику. – Дай-ка мне ладошки. Смотри, вот тут поскакал зайчик, а за ним гналась лиса...

Через час с лишним выдохшаяся Даша вышла из комнаты, оставив довольного Никиту разбираться с новой игрой, и побрела по коридору, чтобы найти бабушку мальчика. Дойдя до кухни, она остановилась. Из-за прикрытой двери доносился рокошующий голос:

– Если это твой хваленый профессионал, Ирина, то ты просто дура. Ты не видишь, что ли, что у Никиты нет никакого прогресса? Твой сын деградирует! И сколько она берет за одно занятие? Сколько?! Да ты с ума сошла!

Даша повернулась и пошла обратно.

– Никита, найди, пожалуйста, бабушку, – попросила она мальчика, вернувшись в детскую. – И скажи, что мы закончили заниматься.

Когда Никита вышел, Даша потеряла виски и зажмурилась. В голове гудел колокол, как бывало всегда, когда ей приходилось рано вставать.

– Вы уже закончили? Так быстро?

В дверях выросла монументальная фигура Инны Иннокентьевны, облаченная во что-то изумрудное и драпирующее.

– Занятие идет час с небольшим, – отозвалась Даша ровно. – Сейчас половина одиннадцатого. Я приехала в девять.

– Да нет, к вам у меня нет никаких претензий, – пожала плечами Инна Иннокентьевна. – Идите получите ваш гонорар.

Складывая в кошелек мятые купюры, Даша испытывала ощущение брезгливости и унижения. Она сама понимала, что это глупо, что нужно уметь защищаться от таких вот дам непробиваемым щитом равнодушия, но у нее никогда не получалось отгораживаться. Вежливо попрощавшись и получив в ответ приторно-ласковую улыбку от Инны Иннокентьевны, Даша вышла из подъезда с совершенно большой головой. Она побрела в сторону автобусной остановки, но через два шага остановилась. По тротуару бегал туда-сюда полный лысоватый мужичок, ежесекундно вытирая платком блестящую лысину. Одного взгляда Даше хватило, чтобы понять, в чем дело: грязная белая «девятка» была припаркована в углу двора, перед мусорными баками. Выхватить из закутка водитель никак не мог – вплотную к его машине стоял внушительный джип, уже знакомый Даше.

– Нет, ну что с такими делать, а?! – обратился страдалец к Даше, заметив сочувствие на ее лице. – Стекла в машине бить – так себе дорожке встанет. В милицию звонили – там нас просто подальше посылают. Вот как нагрят эта сука раз в неделю, так хоть на метро езжай! И ведь никогда не знаешь, куда она тачку свою приткнет в следующий раз. Черт возьми, хоть бы ее джип угнали, что ли! – высказал он наконец заветную мечту.

– Вы знаете, – деликатно заговорила Даша, стараясь не вспоминать семейство Барсуковых, – мне муж как-то рассказывал, что они с друзьями в подобном случае очень простую вещь сделали: крошек хлебных на капот насыпали.

– И что? – непонимающе хмыкнул мужик.

– Да ничего особенного. Просто голуби со всего двора слетелись.

– Обгадили! – догадался водитель, светлея лицом. – Слушайте, да ведь... О, гениально!

Он стремительно бросился к подъезду, что-то возбужденно бормоча себе под нос. Даша разобрала только «Да хоть всю машину!». Громко хлопнула подъездная дверь, и во дворе наступила тишина. Со смешанным чувством удовлетворения и стыда Даша бросила взгляд на блестящий джип и побежала со всех ног к остановке.

В четверг Даша опять увидела Петра Васильевича. Она обрадовалась и сама удивилась своей радости: подумаешь, случайное знакомство, что тут такого? Но Петр Васильевич был, казалось, рад видеть ее ничуть не меньше. Поцеловав ей руку, он опять предложил прогуляться, и они долго ходили по лесу вдвоем, а из кустов то и дело выныривал довольный Проша. На сей раз Боровицкий больше расспрашивал, а Даша рассказывала о себе. Старик слушал с интересом, очень внимательно, и Даша неожиданно пожаловалась на Инну Иннокентьевну, хотя вовсе не собиралась обсуждать неприятную женщину, тем более с почти незнакомым человеком.

– Дарья Андреевна, сударыня вы моя, – успокоил ее Петр Васильевич. – Если вы полагаете, что сия дама бросила замечание про вашу прелестную курточку случайно, то вы очень и очень заблуждаетесь. Она именно хотела вас задеть, и у нее прекрасно получилось.

– Но зачем? – удивилась Даша. – Я ее не обижала, скорее даже наоборот. – Она невесело

улыбнулась, вспомнив бесконечные рассказы Инны Иннокентьевны о ее насыщенной жизни.

– А дело тут вовсе не в обидах, – возразил Боровицкий. – У определенного сорта женщин такая, знаете ли, тренировка, чтобы навыки кусания не пропадали. Вы никогда не обращали внимания, что есть люди, которые норовят любому человеку в разговоре сказать хоть маленькую, но гадость? Причем частенько весьма успешно маскируют эту гадость под комплимент. Ну так вот ваша дамочка из их числа. Бывает, поговоришь с подобным человеком – хоть вроде ничего особенного он и не сказал! – и остается какое-то ощущение неприятное, а настроение испорчено вдребезги. Начнешь прокручивать в голове разговор, и иногда всплывает, куда он тебя куснул, а другой раз, сколько ни вспоминай, и сообразить не можешь. Только одно средство помогает – надо вычислять таких людей и постоянно помнить об их, так сказать, увлечении. Учитесь толстокожести, милая Дарья Андреевна, причем толстокожести избирательной – вот вам мой стариковский совет. Кстати, о толстокожести. Хотел вас спросить: отчего ваш Проша прихрамывает? И почему он, собственно, Проша? Обычно таким породистым собакам, по моим наблюдениям, дают более эффектные клички. Или такие, знаете, с претензией на изыск. Вот, например, Бакс одно время было очень в моде.

Даша улыбнулась и объяснила:

– Проша – потому что у нас фамилия Пронины. Мы ему ничего специально не придумывали, как-то само получилось – Прошка и Прошка. А хромает – потому что он бракованный.

– Я всегда полагал, что бракованных щенков от породистых собак уничтожают, – удивился Петр Васильевич.

– Ну что вы! – покачала головой Даша. – Может, где-нибудь в Европе их и уничтожают, а у нас продают точно так же, как и всех остальных, только дешевле. Прошу моему мужу на Птичьем рынке вообще чуть ли не даром всучили.

И Даша вспомнила, как три года назад отправившиеся на рынок за рыбками Максим и Олеся вернулись с черным щенком, постоянно поскуливавшим и не наступающим на переднюю лапу. Даша хотела их отругать, но у нее язык не повернулся, и следующие шесть месяцев они с мужем исправно возили щенка к ветеринару, перебинтовывали лапу особым образом, приучали собаку, оказавшуюся неожиданно умной, не срывать повязки. В конце концов у Проши осталась лишь слабая хромота, что, как объяснил ветеринар, было большим достижением.

– Повезло вам, – прямо сказал собачий доктор, – у пса связки порваны, а срослись черт знает как. Хорошо, что вы его таким маленьким взяли и сразу лечить начали. Молодцы! Ну и я, конечно, постарался, – скромно добавил он. – Но еще предупреждаю: он у вас будет много болеть – иммунитет у мастино никуда не годится.

Но Проша болеть не спешил и через два года превратился в собачью лошадь, как его называла Олеся. Практически никем из семьи не обучаемый, он понимал все команды и всегда внимательно прислушивался, когда речь заходила о нем. Когда кое-кто из знакомых говорил Даше, что можно было бы им купить и здоровую собаку, она ничего не объясняла и только с сочувствием смотрела на того человека.

– М-да, вы с супругом действительно молодцы, – заметил Петр Васильевич, выслушав ее рассказ. – Кстати, мы с вами сделали круг.

Они стояли под той же самой сосной, под которой встретились час назад. В развилке между двумя ветками Даша заметила черный провал дупла.

– Смотрите-ка, Петр Васильевич, – она легко дотянулась до углубления в стволе. – Здесь, наверное, чье-то гнездо было.

– Хм, а ведь дупло может нам с вами сослужить неплохую службу... – сообщил Боровицкий, приподнимаясь на цыпочки и заглядывая внутрь. – Нет, гнезда никакого тут не было, потому что оно неглубокое, а вот приспособить его для себя мы с вами вполне можем.

– Приспособить? – не поняла Даша.

– Видите ли, Дарья Андреевна, у меня сейчас нарушается привычный график приездов, и я буду узнавать день следующего визита только после посещения пансионата. Так вот, поскольку мне не хотелось бы жертвовать нашими совместными прогулками, я могу оставлять вам в дупле записочки. Что вы думаете по этому поводу?

Даша только было собралась ответить, что вообще-то у нее имеется сотовый телефон, да и у Петра Васильевича тоже, но взглянула на старика и... промолчала. Боровицкий прямо-таки с воодушевлением смотрел на старую сосну, глаза его горели, и она просто улыбнулась и кивнула.

Записочки так записочки. В конце концов, если старый и мудрый человек хочет немного побыть ребенком, то ей стоит его поддержать.

«Значит, старый ублюдок решил потряхнуть стариной. Нет, ничего у тебя не получится. И знаешь почему? Потому что за тобой слишком много долгов. Ты должен моему отцу, должен моей матери, но в первую очередь – мне. А ты хочешь увильнуть от своей обязанности, прикрыться лохматой стервой, использовать ее – и все только для того, чтобы оставить меня ни с чем? Но я был готов к этому! Еще отец предупреждал, что от тебя можно ждать чего угодно, и он был прав. От тебя действительно можно ожидать очень многого...

Но есть кое-что, чего даже ты, такой умный и понимающий, не знаешь. Ты не знаешь, что от меня тоже можно ожидать чего угодно».

Глава 2

За следующие две недели совместные прогулки и разговоры с Петром Васильевичем вошли у Даши в привычку. Идея с записочками, следовало признать, оказалась просто замечательной. Заглядывая в темное дупло почти каждое утро, Даша с интересом ожидала: увидит она там белую бумажку или нет? Иногда там лежала не бумажка, а открытка, а пару раз обычный конверт. Но всегда в нем содержалось одно послание: «Уважаемая Дарья Андреевна, буду на нашем с вами месте...», а внизу четко, разборчиво Боровицкий приписывал день недели. Далее шла красивая подпись с длинным росчерком на конце. Все это было необычайно увлекательно, хотя Олеся и Максим всячески вышучивали Дашу.

– Мама заделалась бойскаутом, – на полном серьезе рассказывала Олеся бабушке, матери Максима. – Она перевязывает лапы белкам и оставляет секретные послания в дуплах. Вот вчера купили палатку. Даже не знаю, куда она сейчас отправится – может быть, в горы?

Даша смеялась вместе с ними, но на следующее утро высматривала записку в дупле с тем же радостным ожиданием. И совсем хорошим день получался, если под сосной она видела знакомую фигуру в светлом костюме, а подходя ближе, улавливала слабый запах одеколона, давным-давно вышедшего из моды.

Радостное предвкушение встречи никогда не обманывало ее. Боровицкий был прекрасным собеседником и таким же хорошим слушателем. Эрудиция его была, казалось, неисчерпаема, и Даше доставляло огромное удовольствие просто слушать, как он неторопливо рассуждает о чем-нибудь, время от времени поворачиваясь к ней и вопросительно заглядывая ей в глаза, словно пытаясь удостовериться, что она с ним согласна. Он был всегда элегантен и всегда галантен. В его отношении к ней проскальзывало что-то покровительственное, словно именно она была старой женщиной, а он мужчиной средних лет. Про себя Даша прозвала его аббатом Фариа: частенько случалось так, что после бесед с ним ей становилось понятным то, на что в течение долгого времени она не могла найти ответа. Петр Васильевич скупно рассказывал о себе, но у Даши сложилось впечатление, что у него есть дети и что его отношения с ними оставляют желать лучшего. Впрочем, Боровицкий не вдавался в подробности, а она не спрашивала. У них было много других тем для разговоров.

В последний понедельник августа Петр Васильевич, встретившись, предложил:

– Дарья Андреевна, а не хотите ли познакомиться с моим авторским материалом? Я имею в виду, разумеется, дом престарелых, о котором я вам рассказывал. Мне было бы весьма любопытно узнать ваше мнение о некоторых его обитателях.

– А меня туда пустят? – заколебалась Даша, представив себе ограду с колючей проволокой наверху и охранника с бетонной физиономией.

– Пустят, пустят, – успокоил ее Боровицкий. – На сей счет совершенно не беспокойтесь. Готовы ли вы сами к таким впечатлениям, вот в чем вопрос.

– Вот заодно и узнаем, – решительно сказала Даша, беря Петра Васильевича под руку и направляясь по дорожке в сторону реки. – Только куда мы Прошу денем?

– А пускай с нами ходит, – решил Боровицкий, – мы же не будем сегодня в корпус заходить, а так, побродим по территории, получим первое впечатление от «Прибрежного». То есть вы получите – я-то уже и второе получил, и десятое.

Между высоких, качающихся на теплом ветру сосен они дошли до берега, где дорожка сворачивала направо. В двухстах метрах ниже по течению Даша с удивлением увидела голубое двухэтажное здание, очень аккуратное, за которым виднелись такие же чистенькие пристройки. Никакой колючей проволоки и бетоннолицего охранника поблизости не наблюдалось – была обыкновенная ограда, терявшаяся где-то среди сосен. Когда они прошли ворота, в глаза Даше бросились простые, но аккуратные клумбы, стриженные кустарники и чистые деревянные скамеечки через каждые пятнадцать шагов. Широкая заасфальтированная дорога вела от ворот ко входу в пансионат, а от нее разбегались в разные стороны, петляя и извиваясь, дорожки поменьше. По ним прогуливались несколько стариков, двое или трое сидели на скамеечках. Было тихо и пахло рекой.

– Петр Васильевич, как здесь хорошо! – изумленно сказала Даша, оглядываясь по сторонам. – А в корпусе...

– И в корпусе так же, – понял ее вопрос Боровицкий. – Я вам потом комнаты покажу, так вы наверняка некоторым позавидуете. Я ведь вам, Дарья Андреевна, говорил – частный пансионат, частный. И обитатели здесь... несколько своеобразные.

Они свернули на одну из тропинок и пошли вдоль живой изгороди.

– Вот, полюбитесь, – размеренно говорил Петр Васильевич, – на дальней скамеечке сидит Виктория Ильинична Окунева, бывшая балерина. Она, между прочим, терпеть не может собак, поэтому не мешало бы нам Прошу куда-нибудь пристроить, как вы полагаете? А я пока подойду и поздоровуюсь с нашей служительницей муз.

Оглядевшись, Даша заметила у ограды небольшую лужайку, закрытую с одной стороны пышным кустом хризантем. Она отвела пса на лужайку и строго-настрого приказала ему лежать и ждать ее. Проша вздохнул, но подчинился. Даша убедилась, что его закрывает тень от куста, и побежала догонять Петра Васильевича.

Бывшая балерина, с которой он беседовал, оказалась невысокой сухонькой старушкой с поразительно красивой посадкой головы. Совершенно седые волосы, расчесанные на прямой пробор и собранные сзади в пучок, тонкие губы, маленький прямой нос... Даша подумала, что Окунева в молодости была красавицей. Когда она поздоровалась, подойдя к скамейке, бывшая балерина тут же повернулась к Даше с приятной улыбкой.

– Петр Васильевич сказал, что вам очень понравились наши клумбы, – произнесла она чуть дребезжащим голосом. – Мне было так приятно это слышать, ведь именно я предложила разбить их как раз здесь. Не правда ли, получилось очень мило?

Даша заверила Викторю Ильиничну, что получилось замечательно, и еще пять минут поддерживала светскую беседу о погоде и состоянии лесопарка. Когда они наконец отошли от скамейки на значительное расстояние, Даша заметила:

– Какая приятная женщина. Она, наверное, раньше была очень красивой?

– Не сказал бы, – возразил Боровицкий. – Я видел ее фотографии, где она снята совсем молодой: лицо самое непримечательное. А вот к старости в нем появилась некая значительность, которая, конечно, ей очень идет. Но черты лица правильные, этого не отнимешь. Между прочим, сия приятная женщина, выдающая себя за великую балерину, каковой она никогда не была, здесь не по своей воле.

– А по чьей же?

– Ее отправил сюда сын, деловой человек, как говаривали раньше, а по-современному – бизнесмен. Виктория Ильинична, живя с ним, умудрилась расстроить два его брака, и, женившись в третий раз, несчастный бизнесмен пристроил госпожу Окуневу сюда, поскольку поселиться отдельно наша балерина не захотела.

– Не может быть, – не поверила Даша. – Так не бывает.

– Бывает, бывает. Между прочим, Виктория Ильинична поступила весьма разумно. Ведь сын так или иначе от нее все равно бы избавился, но здесь она получила замечательную возможность совершенствовать талант актрисы – каждому из своих знакомых она рассказывает, как родной сын запихнул ее в дом престарелых. Причем в красках описывает свои нравственные и физические

мучения. Узнав о цели моих визитов, она попыталась сделать меня своим биографом, но не преуспела и теперь на дух меня не переносит.

– А ведь вы ее тоже не любите, – догадалась Даша.

– Не люблю, – согласился Боровицкий. – Точнее, отношусь к ней без сочувствия. В отличие от следующей дамы.

Навстречу им по тропинке двигалась, переваливаясь, тучная женщина в спортивном костюме. Ее оплывшее лицо напомнило Даше индюка Савелия, которого бабушка держала одно время у себя в деревне, но который быстро был прирезан за злобный и совершенно неуравновешенный характер. «Не повезло, – говорила бабушка, – попался псих индюшачий, вот и возись с ним теперь. Кричит, бросается, а зачем бросается – непонятно». Судя по тому, что женщина выкрикивала на ходу что-то угрожающее, она как раз представляла собой разновидность индюшачьего психа.

– Что случилось, уважаемая Ирина Федотовна? – издали крикнул Боровицкий и шепотом добавил: – Прошу вас, Дарья Андреевна, не раздражайте ее.

Женщина доковыляла до них, уставилась на Петра Васильевича маленькими заплывшими глазками и визгливо переспросила:

– Что случилось? Я вам скажу, что случилось! Они, – толстуха неопределенно махнула рукой в сторону пансионата, – книжек мне привезли!

– Это вас расстроило? – деликатно осведомился Боровицкий с искренним сочувствием в голосе.

– Сколько раз я тебе говорила, старый дундук, чтобы ты ко мне на «ты» обращался, а?! – внезапно крикнула Ирина Федотовна, и Даше стало не по себе. – Нечего мне «выкаты», словно я вошь балетная!

– Моль, – поправил ее Боровицкий. – Обычно говорят не вошь, а моль.

– Поучи меня еще! – так же визгливо огрызнулась старуха. – Книжек, говорю, мне привезли, а?! Совсем совесть потеряли! Ни стыда нет, ни чести! А ты что подслушиваешь? – набросилась она на молчавшую Дашу, так что та вздрогнула. – А ну, иди отсюда! Все вы заодно!

– Мы уже уходим, – спокойно пообещал Боровицкий и, взяв Дашу под локоть, повел к следующей свободной скамеечке, пока толстая Ирина Федотовна что-то кричала им вслед. Наконец она успокоилась и поковыляла дальше, а Даша перевела дух и вопросительно уставилась на старика.

– И вот ей вы сочувствуете? – поинтересовалась она, когда крики смолкли в отдалении. – Чем же она вам нравится?

– Ну, «нравиться» и «сочувствовать» все-таки разные вещи, – покосился на нее Боровицкий. – А интересна она мне вот чем. Когда-то, давным-давно, она усыновила одного за другим троих детей. При том, заметьте себе, Дарья Андреевна, что у нее был свой родной ребенок, которого она очень любила. И стало у нее детей четверо. Но надо же было такому случиться, что родной ее сын подростком погиб – утонул в море. Осталась она одна с тремя приемными детьми.

– А муж? – спросила Даша.

– А муж от нее еще раньше ушел, насколько я помню. То ли другую жену себе нашел, то ли просто жизни такой не выдержал... В общем, детей она вырастила, каждому дала весьма неплохое образование и, можно сказать, всю жизнь свою положила на приемышей. Но к старости, как вы видели, сделалась совершенно невозможным человеком. Жить с ней вместе ни один из детей не может, одна она тоже существовать не в состоянии, потому что больна и стара. Сиделки дольше месяца с ней не выдерживали – дама бывает весьма агрессивной, не то, что сейчас.

Даша вспомнила про «сейчас» и представила себе Ирину Федотовну в «весьма агрессивном» настроении.

– Что вы ежитесь, голубушка? – заботливо спросил Боровицкий. – Замерзли?

– Нет-нет, – помотала головой Даша. – Я просто так.

– Ну так вот... Собственно, дети ее решили, что другого варианта нет, и отдали мамочку в «Прибрежный». И теперь Ирина Федотовна их ненавидит, потому что она ради них отказалась от всего, а они на старости лет ей отплатили злом. А дети ее ненавидят, потому что при каждом их визите она напоминает, что они неблагодарные детдомовские свиньи, и пусть бы лучше они тысячу раз утонули в море, а ее родной мальчик остался жив. От всех подарков, что дети ей привозят, она оскорбляется, потому что ждет от них совершенно другого. И они стараются уехать по возможности быстрее, так как выносить ее долго, уверяю вас, совершенно невозможно.

– Я могу их понять, – тихо сказала Даша. – И ее тоже.

– Так вот это и есть самое печальное, – грустно произнес Боровицкий, поднимаясь со скамейки и протягивая ей руку. – Что всех можно понять. Всех можно понять...

Главный врач пансионата стоял у раскрытого окна и смотрел на странную пару, идущую по дорожке в сторону пруда, – высокого элегантного седого старика с белыми усами и молодую женщину, тоже худую и светловолосую. Их легко было принять за отца и дочь, но главный врач знал, что никакой дочери у Боровицкого нет. Интересно, кто же она такая? И доктор точно знал, что интересно не ему одному.

Другой человек тоже смотрел на женщину и старика, прислушиваясь к своим внутренним голосам. «Ты понимаешь, что нужно сделать это как можно скорее?» – спрашивал один голос. «Понимаю, понимаю», – соглашался второй. «Потом может быть слишком поздно, и даже, может быть, поздно уже сейчас, иначе зачем бы они пришли вместе?» – настаивал первый голос. «Ты не беспокойся, – мягко говорил второй, – мы все успеем».

И человек знал, что он действительно успеет. В первый раз было сложно – приходилось все тщательно продумывать, выстраивать, готовиться... Да, а еще терпеть, терпеть долгое время, терпеть мучительно, хотя вообще-то терпения у него было в избытке. Ему припомнилось, как он стоял, затаив дыхание, на лестничной клетке и ждал, когда выйдет жертва. И как двумя минутами позже он прислушивался к отчаянному, дикому крику того, другого, раскачивающегося над разбитым, изуродованным от удара телом.

Но миг его торжества был не тогда, вовсе нет. Миг его торжества настал в тот момент, когда, сидя на жестком стуле в зале суда и глядя на такое знакомое лицо, он услышал слова: «Это я ее убил. Я».

Сейчас не будет такого торжества – но не будет и такой подготовки. Она не понадобится, поскольку жертва пришла сама. «И останется здесь», – сказал голос. Правда, человек не разобрал, который именно. В конце концов, неважно. Главное, что голос был прав.

– А кто там, у окна? – покосилась Даша в сторону пансионата. – Там какой-то мужчина стоит и смотрит, по-моему, на нас. Может быть, ему не нравится, что чужие на территории?

– Нет-нет, Дарья Андреевна, – успокоил ее Боровицкий. – Это, должно быть, местный врач... Вот с именем его у меня всегда случается дурацкая оказия: я его путаю.

– Оно сложное?

– Наоборот, слишком простое, – раздраженно махнул рукой Петр Васильевич. – Зовут его то ли Денис Борисов, то ли Борис Денисов. По-моему, первое, но я могу и ошибаться. И понимаете, какое дело – он и сам весь такой... как валет в колоде: хоть вверх ногами его переверни, хоть вниз – все одно валет. Бывает, скажет что-нибудь, и очень то, что он произнес, ему подходит. Назавтра говорит ну просто совершенно другое, до противоположности, но точно так же и оно ему подходит. Хотя, как ни верти его, человек он, по совести говоря, неприятный.

При последних словах его голос зазвучал с каким-то напряжением, и Даша с тревогой взглянула Боровицкому в лицо. Старик побледнел, на лбу у него выступили капельки пота.

– Петр Васильевич, что с вами? – испугалась Даша. – Вам плохо?

Боровицкий молча остановился и оперся на ее руку.

– Господи, я сейчас врача позову... – выдохнула она, но морщинистая рука крепко сжала ей пальцы.

Старик еле-еле качнул головой, и, повинувшись его настойчивому взгляду, Даша довела своего знакомого до скамейки, усадила в тени. Боровицкий ослабил узел галстука на шее, расстегнул верхние пуговицы взмокшей рубашки, и Даша заметила, что пальцы у него чуть дрожат.

– Петр Васильевич, – взмолилась она, – давайте я до врача добегу!

– Ерунда, – тихо, но твердо проговорил старик. – Ничего страшного, просто жарко... Да чего уж там – старческое это, Дарья Андреевна, старческое. И никакой врач тут не поможет. Посидим вот пару минут, отдохнем и дальше пойдём.

– Перестаньте геройствовать! – вдруг рассердилась Даша. – Никуда мы с вами не пойдём через пару минут. Будете сидеть здесь, пока окончательно в себя не придёте, а потом я вас домой отвезу.

– Ишь вы какая, – усмехнулся Боровицкий. – И на чем же вы меня отвезете? На Проше вашем, что ли?

– Такси вызову и с вами доеду, – отрезала Даша. – Давайте не будем проблему на пустом месте создавать.

– Давайте, – согласился старик. – Тогда лучше всего будет, если вы со мной дойдете до корпуса, потому что у меня там внутри свой уголок имеется.

– Какой уголок? – подозрительно спросила Даша.

– Ма-аленький такой закуточек, – протянул Петр Васильевич. – Управляющая пансионатом, добрейшей души женщина, разрешила мне его для своих нужд приспособить. Там, во-первых, прохладно, а во-вторых, можно полежать.

Даша нехотя согласилась. Медленно, останавливаясь у каждой клумбы, они пошли к дверям пансионата. Солнце поднялось высоко, и Даша с опаской поглядывала на Боровицкого, но тот шел как ни в чем не бывало.

– Кстати, а вот и еще один любопытнейший человек, – обронил старик, наклоняясь над крупными пахучими цветами. – Ради него нам с вами стоит подойти к пруду.

– А далеко идти? – насторожилась Даша.

– Да мы уже почти около него. Вон, смотрите...

Приглядевшись, она заметила ровный круг воды невдалеке. Подошли поближе, и Даша разглядела крохотный искусственный прудик, обложенный по периметру крупной галькой. В прудике плавали маленькие разноцветные рыбешки, а на поверхности колыхались белые цветы.

– Настоящий японский сад! – восхитилась Даша. – Кто за ним ухаживает, интересно?

– Я и ухаживаю, – раздалось из кустов, растущих с другой стороны водоема.

От неожиданности Даша вздрогнула, а Боровицкий довольно ухмыльнулся в усы.

– Добрый день, Виконт, – поздоровался он. – Вы все совершенствуетесь?

– Да уж приходится...

Раздалось кряхтение, и из кустов вылез худой высокий старик лет семидесяти. Вид у него был, по мнению Даши, исключительный: зеленая отглаженная рубашка с короткими рукавами, щегольские светлые брюки, лакированные ботинки... Он отряхнулся, провел рукой по чуть смявшимся брюкам и слегка поклонился Даше.

– Иван Сергеевич, – прогудел старик. – Яковлев. Для друзей и близких – Виконт.

– Дарья Андреевна, – пробормотала Даша, стараясь не думать о том, что Иван Сергеевич делал в кустах.

– Иван Сергеевич, – повернулся к ней Боровицкий, – изучает поведение рыбок. А они, как вы можете заметить, очень пугливы.

– Пока пугливы, – поправил его Виконт. – Просто их недавно привезли, и они еще не успели к нам привыкнуть.

Действительно, при появлении людей рыбки молниеносно исчезли на дне пруда. Даша попыталась понять, что интересного может быть в том, чтобы наблюдать за рыбками, но промолчала. Пока она рассматривала пруд, Яковлев и Боровицкий обсуждали какую-то статью, написанную, как она поняла, известным журналистом в соавторстве с Петром Васильевичем. Прислушиваясь к их разговору, Даша подумала, что они похожи – те же выражения, та же легкость и непринужденность общения, не имеющая ничего общего с фамильярностью, тот же налет *времени*, придававший старикам сходство с ценными антикварными предметами, а не с рухлядью, у которой давно вышел срок службы.

– В другой раз, друг мой, в другой раз, – прозвучал у нее над ухом голос Боровицкого, и они распрощались с Яковлевым, который тут же полез обратно в кусты.

– Как вы его нашли? – поинтересовался Боровицкий, когда они почти дошли до дверей в здание пансионата.

– Со странностями, – честно призналась Даша. – Но держится с таким достоинством, что просто завидно. А он кто?

– Бывший ректор политеха. Кстати сказать, блестящий математик. Если вы подумали, что он сидит в кустах для своего развлечения, то ошиблись – он записывает траекторию движения рыбок, а затем выводит какие-то закономерности и что-то там доказывает на их основании. Причем ему нужно, чтобы траектория была свободна от воздействия посторонних объектов. Он мне объяснял, но я, признаюсь откровенно, не математик, и способностей моих не хватает на то, чтобы осмыслить его идеи.

– А почему он живет здесь? – удивилась Даша. – Тоже невыносим для своих близких? Мне ваш математик показался приятным человеком.

– Так оно и есть, – кивнул Боровицкий. – Но, видите ли, какая насмешка судьбы: у него, весьма неплохого и, безусловно, интеллигентного человека, есть сын. А тот – вор в законе. Судя по вашему лицу, вы знаете, что сие означает.

Даша ошеломленно кивнула.

– Так сын его сюда и отправил? – едва выговорила она через минуту.

– Ну что вы! – возразил Боровицкий. – Если я правильно понимаю, в тех, скажем так, кругах подобное не принято. Скорее наоборот, там... – старый журналист неопределенно махнул рукой куда-то в сторону ограды. – ...Виконт был бы окружен почетом и уважением. Но вот он сам в силу определенных причин почет и уважение от тех кругов принимать совершенно не хочет. Поэтому определил себя сюда и уже много лет не видел своего родного сына. Вообще-то говоря, если вы вздумаете с ним беседовать, не советую поднимать данную тему – она для него до крайности болезненна. Если я правильно понимаю, он представил себе – и вполне вжился в роль, – что сына у него никогда не было и что на старости лет он остался в одиночестве. Вот, собственно, отсюда и его решение обосноваться в пансионате. В обычной жизни у него ничего не осталось, потому что все свое имущество он распродал и внес в качестве платы на много лет вперед, а здесь у него... – Боровицкий задумался на пару секунд, потом закончил фразу: – А здесь у него есть хотя бы рыбки.

– Петр Васильевич, – поразмыслив, спросила Даша, – а как так получается, что люди столько вам рассказывают о себе? Ведь это такая... личная информация... не знаю... интимная, что ли... А вы ее знаете.

– Эх, Дарья Андреевна! – искренне рассмеялся Боровицкий. – До чего же вы наивны, друг мой. Уверяю вас, стоит только мне упомянуть о своем ремесле, и люди сами начинают рассказывать такие подробности своей и чужой жизни, что мне иной раз неловко становится. Каждый хочет, чтобы его увековечили если не в романе, то хотя бы в рассказе. Я, признаться, иной раз устаю от откровений, а иной раз они меня просто пугают.

– В каком смысле? – не поняла Даша.

Старик немного помолчал.

– Как-то раз, – нахмурившись, продолжал он, – я выслушал признание в соучастии в убийстве. Убийство было совершено давно, однако соучастник так боялся – уж не знаю чего, – что его страх передался и мне.

– Убийство? – изумленно переспросила Даша. – А кого он убил?

– Не он сам, – поправил ее Боровицкий. – Как я понял, собственная роль того человека была довольно незначительной – ему нужно было только отвлечь жертву. Он даже не знал, отвлекая, что произойдет потом! Так что ни по каким законам признать его виновным нельзя. Уже после убийства он догадался, в чем дело, но признаться побоялся. Так и носил в себе этот страх – перед убийцей, перед правосудием, перед самим собой. И вот когда тот человек, Дарья Андреевна, вылил весь свой страх на меня, как на исповедника, я пожалел о том, что я писатель, можете мне поверить. Между прочим, – прибавил он, чуть подумав, – несчастный панически боялся собак. От вашего Проши мог бы безо всяких шуток упасть в обморок, я такую картину один раз своими глазами наблюдал.

– Его, наверное, пес покусал в детстве, – предположила Даша. – Обычно такие люди потом всю жизнь собак боятся.

– Покусал, – согласился Боровицкий. – Чуть полруки не оттяпал. Да бог с ним, с сердечным, не о нем речь. А о том, что историй разных я знаю и в самом деле очень много, но далеко не все я хотел бы знать. Виконт – не исключение.

Даша обернулась к пруду, но сморщенного старичка было не разглядеть за кустами. Она хотела что-то спросить, но тут за ее спиной проскрипела дверь, и женский голос произнес:

– Добро пожаловать в «Прибрежный». Петр Васильевич, у вас сегодня гостя?

Идя по коридору пансионата, Даша внимательно смотрела по сторонам. Некоторые двери были приоткрыты, и она могла мельком разглядеть комнаты. Это были небольшие аккуратные номера, напоминавшие гостиничные, если бы не мелочи, превращавшие их в чей-то дом: фотографии на полках, маленькие вышивки на стенах, неожиданные подушечки и пуфики, украшенные цветами из старых атласных ленточек... Почти везде, куда удавалось заглянуть, Даша видела цветы на

подоконниках и лишний раз убеждалась, что за деньги можно купить почти все. Во всяком случае, достойную старость – можно. Навстречу им попались несколько служащих пансионата – средних лет женщины в голубой униформе, и все вежливо здоровались с ней и Боровицким.

Лидия Михайловна – управляющая пансионатом, встретившая их у дверей, обсуждала со стариком его новую книгу. Миниатюрная, изящная женщина лет пятидесяти, с внимательными голубыми глазами держалась строго, но учтиво. Дойдя до конца коридора, она попрощалась с Дашей и Боровицким, сославшись на дела.

– Ну, как вам дом престарелых? – поинтересовался Боровицкий, открывая дверь и пропуская Дашу вперед. Она оказалась в маленькой темной комнатке, но Боровицкий раздернул шторы, и сразу стало светло и солнечно.

– Очень впечатляет, – призналась Даша. – Довольно уютные комнаты... цветы...

– Есть и то, чего вы еще не заметили, – например, три смены сиделок и постоянно работающих медсестер и врачей. К тем, кто передвигается на инвалидной коляске, приставлены женщины, которые вывозят постояльцев на прогулку и гуляют по всему лесопарку. В общем, Лидия Михайловна – кстати, фамилия ее Раева – заботится о своих подопечных.

Даша присела на стул и тут заметила на столе маленький плоский ноутбук.

– Да, это мой, – кивнул старик, перехватив ее взгляд. – Я здесь могу работать, так сказать, по горячим следам. Спасибо Лидии Михайловне, которая выделила мне уголок совершенно безвозмездно. Впрочем, она вообще довольно необычная женщина.

– Чем же? – заинтересовалась Даша.

– Лидия Михайловна Раева – человек исключительной доброты.

Даша недоверчиво глянула на Боровицкого, поглаживающего усы: управляющая показалась ей женщиной холодноватой и какой-то отстраненной.

– Да-да, не удивляйтесь, именно доброты. Несколько лет назад у ограды нашли совершенно опустившегося пьянчужку, валявшегося на дороге. Кто-то вызвал милицию, и его непременно забрали бы, если б не Раева – она распорядилась отвести бедолагу в пансионат и привести в порядок. Его немного подлечили, хотя он все равно находится до сих пор в неизменном состоянии.

– Так он здесь? – поразилась Даша.

– Именно, Дарья Андреевна. Его поселили здесь, потому что он абсолютно одинок. Но представляю, какой бой пришлось выдержать Лидии Михайловне с учредителем, чтобы отстоять Ангела Ивановича.

– Кого? – не поняла Даша.

– Ангела Ивановича. Так здесь того бомжа прозвали. Он совершенно безобиден и по-своему очень мил, хотя, конечно, сумасшедший. Иногда начинает что-то вспоминать из своей прошлой жизни – реальной или выдуманной, – и тогда слушать его очень интересно.

– Петр Васильевич, а чем вы так очаровали управляющую? – подумав, спросила Даша.

– А с чего вы взяли, дорогая моя, что я ее очаровал? – усмехнулся Боровицкий.

– Хотя бы вот с того, – и Даша широким жестом обвела комнатку. – Вы же сами говорите, что пансионат частный. Значит, он должен быть закрыт для посторонних. А вы здесь работаете, вам комнату выделили... И меня с вами так легко пропустили, не спросив ни о чем. А, поняла! – высказала она неожиданную догадку. – Вы, наверное, что-то вроде заказного материала пишете, правильно? И хозяева пансионата в вас заинтересованы?

– Ну что вы, любезная моя Дарья Андреевна, – возразил Боровицкий с наигранной обидой в голосе. – Как вы могли так плохо обо мне подумать! Нет, дело вовсе не в заказном материале, который я, конечно же, не пишу. Дело в другом.

– В чем же?

– Понимаете, меньше всего хозяева пансионата заинтересованы в том, чтобы их заведение было разрекламировано. Потому что где реклама – там и известность, а где известность – там и слухи. Клиентов у пансионата и так предостаточно, без пациентов они не останутся. А вот лишние разговоры и интерес прессы, к примеру, могут только помешать. Начнут говорить, что люди деньги на стариках делают или еще что-нибудь похуже. Сами понимаете, что поле для таких разговоров самое что ни на есть благодатное.

– А разве вы сами – не та же пресса? – недоуменно спросила Даша.

– Ни в коем случае! Я здесь в качестве писателя, а не журналиста. В газетах отрывки из моей

книги никогда не появятся, а если бы и появились – что с того? Я о людях пишу, а не о каком-то пансионате, пусть даже и тысячу раз частном. В то же время учтите, Дарья Андреевна, при желании я мог бы такую шумиху поднять вокруг «Прибрежного»! Связей моих, наработанных за долгую жизнь, с лихвой бы хватило. О чем я честно и предупредил нашу милейшую Лидию Михайловну.

– По-моему, это называется шантажом, – рассмеялась Даша.

– А по-моему, это называется «показать противнику все карты». Для Раевой было проще пустить меня сюда и обеспечить все условия, чтобы я поскорее избавил ее от своего общества, – подмигнул Боровицкий, – чем не пустить, а потом объясняться с учредителями по поводу неожиданного интереса журналистов к сему богоугодному заведению. Вот потому я здесь. Да и вообще она старается мне потакать в моих старческих писательских капризах. Вот вас разрешила привести... Может быть, надеется, что с вашей помощью я допишу наконец свою рукопись. И в чем-то она права. Хотя, откровенно говоря, я очень быстро устаю, – с обезоруживающей улыбкой признался Боровицкий. – Что поделаешь – старость, старость... И вообще... все чаще ощущаю себя мангустом.

– Почему мангустом? – изумилась Даша. Меньше всего Боровицкий был похож на подвижного маленького хищника.

– Ну не павианом же, – усмехнулся тот. – Шучу, шучу. Просто знаете, Дарья Андреевна, много лет назад довелось мне жить в Кении. И мой приятель – Мишка Рогожин – завел себе там мангуста. Уж не помню, где он его взял, – должно быть, попросту купил на рынке, но зверюшка была презабавная. Диком ее прозвали. Так вот Мишка, выдумщик большой и изобретатель в домашних масштабах, соорудил маленькую карусель. Маленькую – но полностью действующую: то есть переключаешь рычажок, и она начинает довольно быстро вертеться минуты две или три. Поначалу Рогожин забавлялся своей игрушкой просто так, но скоро ему приелось, и он придумал вот что: посадил на карусель мангуста, Дика. Привязал и включил. Конечно, издевательство чистой воды, но мы тогда были молодые и злые. Хм, а сейчас стали старые и злые... но это так, лирическое отступление... Несчастный мангуст через две минуты вышел с карусели существом с нарушенной психикой и координацией. Но, представьте себе, развлечение ему понравилось! И более того – зверек к нему пристрастился, как к наркотику. Но вот к ощущениям после карусели – когда у него, видимо, голова кружилась и он прямо идти не мог, – к тем ощущениям так и не привык. И страдал, я полагаю. Но перед тем, как карусель останавливалась, испытывал бог его знает какие чувства. Может, думал, что летает? Я не знаю.

– А где он сейчас? – спросила Даша.

– Мангуст-то? Да умер, разумеется. Причем смерть его была, можно сказать, поучительна: разорвался ремешок, которым Рогожин своего мангуста привязывал, и тот вылетел из крутящейся карусели, врезался в стену и расшибся насмерть. Мишка в тот же день карусель сломал и выкинул. Вот так-то.

Петр Васильевич посидел немного молча, вспоминая о чем-то, потом качнул головой и поднялся.

– Ну что ж, Дарья Андреевна, давайте собираться. Вас уже Проша заждался, а у меня сегодня, чувствую, работа не пойдет.

Боровицкий проводил ее до выхода, они попрощались, и Даша побежала к Проше. Пес спокойно спал под кустом, время от времени дергая во сне лапами. Даша разбудила его, и они двинулись к выходу с территории пансионата, но тут ей пришло в голову, что нужно узнать у Боровицкого день следующей встречи, чтобы не заставлять того лишней раз ходить к дуплу. Она быстро вернулась обратно, но старика в комнате уже не было. В растерянности Даша, выйдя на крыльцо, завертела головой, не понимая, куда он ушел, и увидела знакомую фигуру слева от корпуса. Даша побежала туда и завернула за угол как раз вовремя, чтобы увидеть Боровицкого – тот садился в новый темно-синий «БМВ». Встав от удивления столбом, Даша смотрела, как он небрежно достает ключи, как открывает дверцу и садится на водительское место, как машина мягко трогается с места и быстро набирает скорость, исчезая за соснами.

Боровицкий давно уехал, а она все стояла на месте, ощущая, как тычется ей в ладонь мокрый нос ничего не понимающего Проши.

* * *

«Ну что ж, первая часть плана выполнена: я нашел человека, который был мне необходим. И если бы я верил в судьбу, то сказал бы, что он – подарок судьбы, настолько своевременным было

его появление. Меня уже подгоняет время – то самое, про которое банально говорят „неумолимое“. Оно действительно такое, пусть определение и звучит так банально.

Осталось выполнить вторую часть, а она не менее важна, чем первая. От того, удастся ли мне по своему вкусу выбрать облик милой, но несговорчивой дамы с косой, зависит слишком многое – для меня, пожалуй, больше, чем жизнь. Потому что смерть куда важнее. Смерть, которая ходит за мной по пятам так непринужденно, что временами мне становится смешно. И то, что это смех обреченного, ничего не меняет».

Ирина Уденич, много лет назад

Муж ушел от Ирины после того, как она удочерила Танюшу. Конечно, на самом деле они давно не были мужем и женой, но такого решительного шага Ирина от него не ожидала.

– Все, Ирина, ты как хочешь, а я ухожу, – заявил, пряча глаза, Генка в тот вечер, когда Танька устроила первый большой скандал после приезда из детского дома.

– А меня с собой не прихватишь? – просительно протянула Ирина и, когда Генка поднял на нее изумленные глаза, от души расхохоталась. «Вот дурак, а? Нет, таких дураков – еще поискать!» – Да ладно тебе, чего вылупился? – с нескрываемым презрением сказала она. – Иди куда хочешь, никто тебя здесь не держит.

Но на самом деле она была немного удивлена – надо же, такой слизняк, а решился уйти. Да ведь куда уйти-то – к своей дряхлой мамаше, которая всю жизнь его со свету сживала! Ирина была невысокого мнения о муже, еще когда выходила за него: да, собственно, и вышла-то только потому, что ребеночка очень хотелось. А, кроме Генки, никто ей руку и сердце не предлагал: Ирина была крупная, тяжеловесная, с мужскими повадками, в общем, что называется, девушка на любителя. Генка и оказался таким любителем. Однако, если Ирина знала, за кого выходила замуж, то вот для Генки их семейная жизнь оказалась большим сюрпризом. Неприятным.

Ирина родила Павлика ровно через девять месяцев после свадьбы. К ее огромному горю и стыду, родила не сама – ей сделали кесарево сечение. «Да я ж не смогу родить больше! – убивалась Ирина после операции. – Что ж я за мать такая?!» На ее рев прибежала пожилая медсестра, сунула ей стакан воды и, пока роженица, клацая зубами о его холодные граненые стенки, заглатывала в себя воду, сказала, словно отрубил:

– Дура ты! Мать не та, которая родить может, а та, которая воспитала. Интересно, тех, что рожают, а потом бросают, тоже матерями называть надо, а?

Ирина подняла на нее заплаканные глаза, сглотнула и попросила жалобно:

– Ребеночка можно посмотреть?

– Через полчаса посмотришь, – отрезала медсестра. – И чтоб никакого рева больше. Всполатишь нам всех рожениц.

Когда Генка увидел сына, туго запеленатого в пеленку и обернутого сверху какими-то одеялами с рюшами, он удивился. Ребенок оказался такой маленький, как... как шматок свинины на рынке. И был примерно такого же насыщенного красно-розового цвета. Тем удивительнее было для Геннадия, что с этим шматком Ирина носится как с писаной торбой – с рук его не спускает, сюсюкает и даже спать кладет не в приготовленную кроватку, позаимствованную у приятелей, а к ним в постель.

– Ирк, ты б того, убрала бы его... – робко заикнулся Генка. – Вон у него место хорошее приготовлено, у стеночки, в кроватке...

Ирина в ответ так взглянула на супруга, что Генка больше с подобными инициативами не выступал. А постепенно ему пришлось смириться и с тем, что уставшая Ирина наотрез отказывала ему в близости. Генка с тоской смотрел на сопящего в их кровати младенца и ждал того времени, когда ребенок подрастет и можно будет отправить его в собственную кровать.

И такое время действительно настало. Когда Павлику исполнилось два годика, Ирина сама стала приучать сына спать отдельно. А спустя день после того, как Павлушечка первый раз спокойно проспал в своей кроватке всю ночь, сказала Генке за завтраком:

– Ген, я тут вот что решила... Рожать мне самой врачи пока не велют – говорят, нельзя после кесарева так быстро. Так что давай мы с тобой ребеночка усыновим.

Генка так опешил, что даже не нашелся что ответить. Он молча смотрел, как жена плюхает

овсяную кашу себе в тарелку, и, только когда она с аппетитом отправила в рот первую ложку, выдавил:

– Ирк, а зачем?

– Как – зачем? – строго глянула на него та. – Потому что самой мне рожать нельзя, я ж тебе сказала. Не слышал, что ли?

– Слышал, – пробормотал Генка, тщетно пытаясь придумать вопрос получше.

Но вопрос не придумался, и спустя полгода в их семье появился Ваня. А за ним – Игорек. А через год после Игорька – Танюша. И вот на Танюше Генка не выдержал, ушел, оставив Ирину с детьми. Впрочем, она не особо расстраивалась: всегда знала, что бабы сильнее мужиков и куда больше выдержать могут. К тому же с ней был ее любимый Пашенька, Павлик, Павлушечка – радость ненаглядная, солнце ясное.

Ирина честно признавалась себе, что родного сына она любит больше, чем приемных, хотя людям всегда говорила другое. Даже не то чтобы больше – по-другому. Павлушу она любила всего, целиком, со всеми его капризами и баловством, любила до обожания, хотя и старалась это скрывать. А Ваньку и Игоря Ирина любила за хорошее, что в них было: за то, что умненькие, за то, что храбрые... Ванюшка всегда был любопытным, как котенок, а Игорек целыми часами мог один играть, не дергая мать по пустякам. Но той животной любви, которую она испытывала к Павлику, Ирина к ним не чувствовала, как ни старалась.

Именно поэтому следующей она взяла девочку, а не мальчика. Очень надеялась, что с девчонкой выйдет по-другому, что сможет любить ее не за что-то, а просто так. И вышло действительно по-другому, но вовсе не так, как ожидала Ирина.

Мальчишек она усыновляла маленькими – Ванюше исполнилось три, Игорьку два года. А Танюше было почти пять, когда Ирина увидела ее в детском доме и решила взять. Уж очень она казалась жалкой – маленькая, тощенькая, стриженная, с каким-то застывшим взглядом. Первые два дня после приезда домой девочка сидела, забившись в угол в зале и выходя из него только в туалет или поесть. На ночь Ирина взяла ее с собой в постель, но девочка шла неохотно, обнимать себя не давала, а утром Ирина обнаружила ее спящей на полу.

Первый скандал Таня устроила на третий день – это была суббота. За завтраком она внезапно стала хватать с чужих тарелок еду и быстро-быстро запихивать себе в рот. Игорь с Ваней подняли рев, а Ирина строго сказала:

– Танюша, перестань. Еды на всех хватит.

Девочка словно не слышала ее. Она давилась бутербродами с вареньем, откусывая от каждого по огромному куску, потом схватила из масленки масло. Масло Ирина у нее отобрала, и вот тут Таня выскочила из-за стола, бросилась на пол и, истошно крича, начала бить ногами и руками.

Генка молча вышел, за ним потянулись мальчишки, а Ирина попыталась успокоить девчонку. Но не тут-то было – Таня не успокаивалась. Она рыдала, кричала, визжала что-то невнятное, и в конце концов в дверь начали звонить соседи. Ирина гладила девочку, прижимала к себе, но та в ответ только царапалась и вырывалась. В конце концов Ира оставила ее в покое и вышла из комнаты, однако Таня выскочила за ней следом и промчалась по квартире, сбивая все, что попадалось на пути. Когда она сбила с полки любимый Павлушин корабль, который он сам клеил, Павлик попытался толкнуть девочку, но она в ответ сильно укусила его за руку. Из прокушенной руки потекла кровь, Павлик заорал.

Этого Ирина не выдержала. Она дала взбесившейся девчонке хорошего шлепка, потом встряхнула ее пару раз и рывкнула от души. Младших мальчишек быстро выпроводила гулять с Генкой, а сама бросилась промывать руку Павлуше и останавливать кровь.

Когда она вернулась в комнату, Таня сидела в углу, закрыв глаза и заткнув уши, и раскачивалась. Время от времени она издавала звук, похожий на тихий вой. Ирина подошла к девочке и погладила по стриженной колючей голове. Таня даже не открыла глаз.

Вот после этого Генка и объявил, что уходит. Да бог с ним, Ирине от него не было ни тепло, ни холодно. А вот что делать с Таней, она не знала.

Девочка становилась несноснее день ото дня – кусалась, царапалась, могла орать три-четыре часа подряд... И беспрестанно запихивала в себя еду. Ирине пришлось прибить на кухонную дверь задвижку на такую высоту, чтобы Таня не могла сама открывать ее. Глядя на девочку, Ирина с ужасом чувствовала, как у нее исчезает жалость, заменяясь глухим, растущим изнутри раздражением.

Мальчики стали бояться Таню, даже Павлуша, который был на три года старше. Ирина с негодованием наблюдала, как он отшатывается от девочки, когда та проходит мимо, но потом поняла – мальчик опасается не зря. Таня оказалась агрессивна, как дикий зверек, и без предупреждения толкала или била ребят любым попавшим под руку предметом. После того как она ударила Ваню по голове феном, который Ирина случайно забыла в ванной, Ирина как следует отшлепала девочку. Таня опять забилась в угол, опять выла и раскачивалась, а Ира с тоской смотрела на нее из-за двери.

На следующий день она отвела Таню к врачу. Врач искренне удивилась: «Что же вы хотите, детдомовский ребенок, к тому же уже большой!» Однако прописала какие-то желтенькие таблеточки, которые Ирина немедленно купила в аптеке. Дома прочитала в инструкции перечень побочных эффектов и выкинула лекарство в мусорное ведро. А через два часа, после очередной Таниной истерики, достала таблетки и дала девочке половинку, как прописала врач.

Так прошел месяц.

Спустя месяц Ирина призналась самой себе, что сделала страшную ошибку, удочерив этого ребенка. Если бы она могла вернуть ее, то сделала бы так не задумываясь. Но Ирина не могла. Она представляла, как будут смотреть на нее тетки из комитета по опеке и попечительству, и внутри у нее все переворачивалось. Нет, отказываться нельзя! Она всегда считала мразью людей, которые сначала усыновляли, а потом возвращали детей. Оказаться такой же мразью самой? Никогда!

Но ей невыносимо хотелось избавиться от девчонки, которая сделала ее жизнь, а главное, жизнь ее детей невыносимой. Ирина с ненавистью смотрела на стриженного ребенка, раскачивающегося с подвываниями. Временами ей хотелось засунуть кляп в маленький рот, который либо кривился в крике, либо открывался, как клюв прожорливого птенца, чтобы вместить новые и новые порции еды. Ирина пару раз ловила себя на мысли о том, что ей хочется накрыть Таню ночью подушкой, чтобы утром проснуться в тишине, а не под дикие крики девочки и рыдания испуганных мальчиков. Она с ужасом отгоняла от себя такие мысли, но они неотвязно возвращались. Ирина хотела освободиться от отвратительного дикого звереныша, которого не приводили в норму никакие таблетки.

Перелом наступил спустя две недели после того, как Ирина убрала подушку из своей кровати и стала приучать себя спать на простыне. Проснувшись рано утром, она увидела, что девочка сопит у нее под боком, прижавшись к Ирине худеньким тельцем – первый раз за полтора месяца. Она провела по Тане рукой и ощутила под пальцами тонкие дуги ребер. «Господи, да что же я?! – вдруг ужаснулась она самой себе. – Она ведь такой же ребенок, просто замученный! А я к ней, как к дикому зверю...»

В порыве раскаяния она обняла девочку и прижала к себе. Проснувшаяся Танюша сначала расплакалась, но удивительно быстро успокоилась, посопела носом и опять уснула, по-прежнему доверчиво прижимаясь к Ирине. А Ирина так и лежала без сна, ласково проводя рукой по отрастающим волосам девочки и думая о том, что теперь все наладится. Потихоньку наладится.

Глава 3

За следующие два дня Даша поняла, что удивление ее было совершенно беспочвенным – ведь если подумать, Боровицкий никогда не говорил, что он беден, как церковная мышь. Ее собственные стереотипы сыграли с ней злую шутку: он был, во-первых, старым, во-вторых, писателем, причем неизвестным, во всяком случае, для нее. Для Даши любой неизвестный широкой публике творческий человек был обречен на то, чтобы влачить жалкое, полунищенское существование, питаясь сухой корочкой и запивая ее прокисшим молоком, украденным из ближайшего продовольственного магазина. Пришлось подкорректировать свои представления, и Даша поделилась размышлениями с мужем. Максим отреагировал неожиданно.

– Дашка, ты хоть понимаешь, какую роль играешь при своем аббате Фариа? – спросил он агрессивно за ужином, откладывая в сторону недоеденный кусок отбивной, чего с ним отродясь не случалось.

– Какую? – заинтересовалась Даша.

– Роль Ватсона, которая, по моему глубокому убеждению, совершенно идиотская. Понятно, зачем он нужен был Конан Дойлу – задавать те кретинские вопросы, которые задавал бы сам читатель. Но в жизни-то зачем он нужен? Исключительно чтобы подыгрывать талантливому, неординарному человеку. Создавать, знаешь ли, фон. Серенький такой фон, неброский.

– Максимка, тебя какая муха укусила?

– А тебя? – огрызнулся он. – Ты хоть раз себе задавала вопрос: с чего, собственно, твой писатель возится с тобой, встречается, записочки пишет?

– Да чего ты взъелся на него? – удивленно спросила Даша и уселась за стол. – Ему просто хочется с кем-то поговорить, а я хороший слушатель. Ему вообще люди интересны, и он в них прекрасно разбирается. Петр Васильевич случайно познакомился со мной, нашел благодарного слушателя – вот и общается. Что тут плохого?

– Интересно, – саркастически поинтересовался Максим, – почему на роль безголового Ватсона или, если тебе так больше нравится, благодарного слушателя он выбрал симпатичную женщину, а не старую костлявую развалину вроде него самого?!

Пару секунд Даша смотрела на Максима, а потом откинулась на стуле и расхохоталась. Максим насупился, демонстративно отставил тарелку и вышел из-за стола. Даша, продолжая смеяться, выскочила за ним следом, поймала в коридоре и прижалась к широкой спине мужа.

– Милый мой, да ты просто ревнуешь! Максимка, глупости какие, боже мой!

– Глупости, как же... – недовольно хмыкнул супруг, не оборачиваясь. – Я от тебя последний месяц только и слышу, какую очередную умную мысль выдал твой Боровицкий и как хорошо вы с ним сегодня гуляли. Седина в бороду, знаешь ли...

– Да перестань ты! – Даша с силой развернула мужа, который особенно и не сопротивлялся, и заставила себя обнять. – Боровицкий – чудный старик, но я ему в дочери гожусь! И никакой сединой в бороду там и не пахнет, уж я-то, милый, в таких вещах разбираюсь. Так что перестань выдумывать и иди доедай, пока все окончательно не остыло.

Слегка повеселевший Максим вернулся на кухню, пожевал немного и задумчиво предложил:

– Слушай, Дашка, если твой старикашка не питает по отношению к тебе грязных и далеко идущих намерений, то пригласи его к нам поужинать или пообедать в выходной. Мне, в конце концов, тоже любопытно с ним пообщаться. Да и вообще...

Что там «вообще», Максим не договорил, но Даша согласно кивнула. Боровицкий был в курсе ее семейной жизни и пару раз сам говорил, что ему интересно было бы посмотреть на Дашину дочь. Даша решила, что на следующие выходные обязательно пригласит Петра Васильевича к себе.

Однако на другой день она совершенно забыла о своем решении. Боровицкий был очень оживлен, много смеялся, и Дашина тревога по поводу его здоровья быстро рассеялась. Прогуливаясь в дальней части парка, они по очереди бросали Проше подобранные ветки, и пес с низким, утробным рычанием расправлялся с каждой из них.

– Умница он у вас, – заметил Боровицкий, любуясь собакой. – Я и сам о таком мечтал когда-то, да вот аллергия на собак не позволила. Смотрите-ка, Дарья Андреевна, а вон очередной персонаж моих литературных наблюдений... Только что он здесь делает?

Даша присмотрелась и на узенькой заросшей тропинке увидела маленького человечка, который, странно переваливаясь с ноги на ногу, шел к ним. На макушке у человечка была лысина, совершенно круглая и блестящая, но вокруг нее поднимались, словно пух одуванчика, реденькие, просвечивающие насквозь волосики. На лице старичка играла странная, задумчивая полуулыбка.

– Местный сумасшедший? – настороженно спросила Даша. Старичок показался ей издали безобидным, но вот его улыбочка... Никогда не знаешь, чего ждать от сумасшедших.

– В общем-то, если быть откровенным, да, сумасшедший, – согласился Петр Васильевич. – И я вам про него, кстати говоря, рассказывал. Это Ангел Иванович – тот самый найденыш Раевой, которого она приютила в «Прибрежном». Но он совершенно безобиден. Да вот вы сейчас сами увидите.

Тем временем старичок подошел к ним, присел перед Дашей в какой-то пародии на книксен и негромко рассмеялся.

– Здравствуйте, Ангел Иванович, – произнес Боровицкий, внимательно вглядываясь в старичка. – Познакомьтесь, пожалуйста: это мой друг, Дарья Андреевна. Мы с ней прогуливаем собаку. А вас

каким ветром сюда занесло?

– За водичкой пошел, за водичкой, – проблеял старичок, неопределенно помахав рукой куда-то за спину. – А водички-то и нету! Вот как. Хожу-хожу, а водички-то и нет!

– Пойдемте, Ангел Иванович, мы вас отведем, – мягко сказал Боровицкий, приобнимая старичка за плечи и разворачивая в сторону пансионата. – Вы там и водичку найдете, и отдохнете немножко.

– Да не хочу я туда! – плаксиво пожаловался старик. – Там ведь решетки, через них не перелезешь. Думал-думал, как убежать, – а вот никак и не убежишь. А если и сможешь – ведь найдут с собаками, разыщут, и еще хуже будет!

Даша посмотрела на Боровицкого, но тот только задумчиво покивал, словно в ответ своим мыслям.

– А я по картошечке соскучился, – продолжал старичок, покачивая в такт шагам головой с венчиком легких волос. – Просил-просил – не дают картошечки! Уж и поварих упрасивал, и мою хозяйшку – ан нет, не дает. Смотрит так, с улыбкой – и не дает. А я ведь ее, картошечку-то, так люблю!

Он заныл что-то себе под нос, и Боровицкий с Дашей ускорили шаг. Сзади к ним подбежал Проша, обнюхал незнакомца, но Ангел Иванович не обратил на пса внимания – он что-то напевно бормотал себе под нос, и изредка в его речи угадывались слова «картошечка», «водичка», «обидели». Наконец они подошли к воротам пансионата, откуда навстречу им выбежала медсестра с красным лицом, всплескивая руками.

– Ангел Иванович нашелся! Слава тебе господи! Уж весь пансионат на уши поставили, всех перетрясли. Что же ты, миленький мой, – запричитала она, обращаясь к старичку, – нас всех напугал, а? И Лидию Михайловну, и Тонечку. Она вроде бы и присматривала за ним, – объяснила женщина Даше и Боровицкому, – а только отвернулась – он и исчез, как сквозь землю провалился. Где вы нашли-то его?

– В лесу, неподалеку отсюда, – ответил Боровицкий, не отводя взгляда от Ангела Ивановича, который начал потихоньку приплясывать на месте. – Он по дороге жаловался, что ему картошки не дают.

Даша в это время укладывала Прошу под кустом, чтобы он не мешался, и медсестра бросила на нее быстрый взгляд. Потом махнула рукой:

– Да бог с вами, что вы! Все им дают, что ни попросят! А то, что жалуются они, – так ведь все жалуются, вы-то уж, наверное, знаете. Ладно, поведу я его в корпус, обрадую Лидию Михайловну.

Она взяла Ангела Ивановича за руку и быстро повела его, упирающегося, за собой. Пройдя десяток шагов, тот вдруг остановился, резко вырвал руку и с неожиданной прытью кинулся обратно. Подбежав, он бросился обнимать Боровицкого, быстро приговаривая:

– Спасибо, спасибо тебе! Ты один, один заступился! Ты уж не оставляй меня одного, ладно?

– Не оставлю, не оставлю, – торопливо пообещал Боровицкий и попытался высвободиться.

Но Ангел Иванович крепко сжимал его в объятиях и бормотал что-то уж вовсе невнятное. Со стороны эта сцена – маленький старичок, висящий на высоком и худом, – наверное, казалась смешной, но Даше было не до смеха. Что-то невыносимо жалкое было в несчастном сумасшедшем, с трогательной доверчивостью и отчаянием цепляющемся за Петра Васильевича. Подбежавшая медсестра оторвала наконец своего пациента и увела его в корпус. Боровицкий потер шею, ослабил галстук и опустился на скамеечку.

– Что, господин Боровицкий, обзаводитесь новыми друзьями? – раздался сбоку язвительный голос.

Даша вздрогнула от неожиданности и обернулась. Около скамейки стоял, постукивая по ноге зонтом, очень высокий жилистый старик с кривым носом, похожим на клюв. Под густыми седыми бровями прятались маленькие прищуренные глаза, смотревшие откровенно недобро. «Персонаж из триллера», – мелькнуло в голове у Даши. Она ожидала, что Петр Васильевич поздоровается и представит ее, как обычно, но Боровицкий молчал.

– Правильно, – усмехнулся кривоносый старик. – Давай ты еще и оглохнешь. А ты, я смотрю, ученицу себе нашел на старости лет? Как был ты кобель, так им и остался – все через баб делаешь!

– Да как вы смеете! – задохнулась Даша от возмущения, поняв, что речь идет о ней.

– Дарья Андреевна, не обращайтесь внимания, – остановил ее Боровицкий. – Господин Горгадзе только того и добивается, чтобы вы вышли из себя. Не доставляйте ему такого удовольствия.

Не говоря ни слова, Горгадзе обошел их по тропинке, но, проходя мимо Боровицкого, внезапно взмахнул зонтом, пытаясь ударить того по голове. Даша отреагировала молниеносно – перехватив рукой зонт, удар которого оказался совсем слабым, она дернула его на себя. Горгадзе выпустил зонт, и тот оказался в руках у Даши. Ситуация была глупой: возвращать зонтик владельцу она не собиралась, бить его – тем более. Но с зонтом нужно было что-то делать! Даша отбросила его в сторону и осталась стоять, настороженно глядя на крючконосого старика.

– Совсем спятил? – спросил Боровицкий, и Даше стало не по себе от ледяного презрения в его голосе. – Были бы камни, так ты бы меня камнями закидал?

– Был бы у меня кнут, я бы знал, что с ним делать! – прошипел в ответ старик, бросив на Дашу ненавидящий взгляд. – И с тобой, и со шлюхой твоей.

Он подошел к зонту, поднял его и, не оборачиваясь, быстро пошел по тропинке.

– Простите меня, Дарья Андреевна, – сказал Боровицкий Даше, которая мысленно давала себе обещание больше никогда не приходить в столь дикое место лесопарка. – Я как-то не подумал о возможности такой встречи, хотя должен был ее предвидеть.

– Да нет, все в порядке, – пробормотала Даша, с трудом приходя в себя после произошедшего. – А кто это такой? И почему он вас так ненавидит?

Боровицкий невесело усмехнулся.

– О, история совсем простая. Игорь Кириллович Горгадзе, про себя его называю «творческая личность», болен, причем давно и неизлечимо. У него был выбор – либо провести остаток жизни в больнице, либо здесь. Вы сами видите, что он выбрал.

– А вы здесь при чем? – спросила внимательно слушавшая Даша.

– При том, что я тоже творческая личность, – невесело усмехнулся Боровицкий. – Мы с этим господином пару раз пересекались в его прошлой жизни, и я видел образцы его творчества. Не считите за грубость, но – бред сивой кобылы. Причем бред, выдаваемый за нечто новое, чего еще никто до господина Горгадзе не писал. Назвал он свои произведения фантастической поэзией в прозе. Я из всех его опусов запомнил только одну фразу: «В момент духовно-творческого экстаза возникают квазифазы сущего». Вот сколько лет прошло, а сидят в голове его дурацкие квазифазы, причем сущего, и все тут! – Петр Васильевич замолчал, припоминая что-то, потом встрепенулся: – Да, так я отвлекся. В общем, когда я здесь появился, он меня узнал и воспылал ко мне ненавистью, замешенной, как вы понимаете, на зависти. Боже упаси от такой гремучей смеси! Прибавьте сюда его нереализованные творческие амбиции плюс тяжелую болезнь – и вам многое станет понятным. Ну и к тому же я повел себя при первой нашей встрече не совсем деликатно – попытался не обращать на него внимания, что для него – как нож по горлу, ведь он же всю свою жизнь только и делал, что безуспешно пытался привлечь к себе внимание. Есть и еще один момент, совсем уж нелепый и притом интимный. В пансионате живет милейшая женщина – некто Красницкая, я вас с ней познакомлю при случае. Господин Горгадзе за ней не то ухаживал, не то собирался ухаживать, а тут появился я. И как любой новый человек в таком небольшом и, по сути, замкнутом коллективе, возбудил всеобщий интерес. А уж с Красницкой мы вообще много времени провели в беседах. Вот это, я полагаю, и стало последней каплей – Горгадзе в отношении меня стал совершенно невменяем. Да вы и сами видели...

Боровицкий вздохнул, покачал головой, и некоторое время они сидели молча. Потом Даша попрощалась и побрела за Прошей, обдумывая рассказ Петра Васильевича. Какая-то в нем была несостыковка. Что-то царапнуло слух, как неверно взятая нота, но что именно, она никак не могла уловить. Даша покачала головой, погладила Прошу по лоснящейся черной шкуре и быстро пошла к выходу из лесопарка, не замечая, что вслед ей смотрят две пары внимательных глаз.

– Лидия Михайловна, разрешите?

В дверь просунулась голова главврача.

– Да, Борис, входите.

Раева с неудовольствием посмотрела на Денисова. Ну как можно так себя запускать! Животик свисает, верхняя пуговица рубашки расстегнута, да и саму рубашку не мешало бы погладить. А ведь у человека жена есть! Еще и небрит...

– Что-то случилось? – поинтересовалась она, видя, что Денисов молчит.

– Не то чтобы случилось, Лидия Михайловна, – замялся главврач.

– Тогда в чем дело?

– Да писатель, Боровицкий...

– Что с ним? – резко спросила Раева.

– Он по всему пансионату таскает за собой какую-то дамочку. Вы с ней, по-моему, уже познакомились...

Денисов вопросительно посмотрел на управляющую, но лицо той было совершенно непроницаемо.

– В общем, не нравится мне все это, – выпалил он в конце концов.

– Что именно вам не нравится, Борис? – уточнила Лидия Михайловна.

– То, что они пытаются тут что-то разнюхать. С пациентами разговаривают, смущают их. Десять минут назад Горгадзе вывели из себя, он чуть сознание не потерял. Прибежал ко мне – у него пульс зашкаливает! В общем, подозрительно. Что за дамочка? Может быть, журналистка, а вы сами знаете, какие сейчас журналисты пошли. Что-нибудь выведывают, и давай в газеты расписывать! А нам с вами скандалы ни к чему.

– Вы полагаете, у нас есть что выведывать и разнюхивать? – вскинула брови управляющая. – И какие могут быть скандалы, связанные с нашим пансионатом?

Денисов замолчал и пристально посмотрел на нее. Но лицо Раевой оставалось по-прежнему непроницаемым, и он стушевался.

– Да я... в общем-то, просто так... – забормотал он. – Предупредить хотел... А то мало ли что...

– Спасибо за заботу. – В голосе Лидии Михайловны прозвучал едва уловимый сарказм. – Думаю, ничего страшного от визитов этих посетителей не случится.

Главврач кивнул и бочком протиснулся в дверь. Раева подошла к окну и внимательно осмотрела все скамеечки, на которых грелись ее подопечные.

– И потом, – задумчиво произнесла она вслух, словно продолжала разговаривать с Денисовым, – была ли у нас возможность отказать Боровицкому в его просьбе? Вот в том-то все и дело...

Лидия Михайловна причесала перед зеркалом волосы, поправила брошь на блузке и вспомнила, что Ангел Иванович сегодня каким-то образом ухитрился пройти мимо охраны и спрятаться в лесопарке. Охранник клялся и божился, что не пропускал никого из пациентов в лес. Значит, старик нашел какую-то лазейку.

Раева вызвала двух охранников и приказала тщательно исследовать ограду вокруг всей территории пансионата.

Глава 4

Уже ложась спать, Даша вспомнила, что забыла пригласить Боровицкого в гости. «Ладно, приглашу завтра, – решила она. – Главное, чтобы он пришел». К тому же Олеська принесла из школы пару историй, которыми Даше не терпелось поделиться с Петром Васильевичем, – у нее вообще вошло в привычку пересказывать ему какие-то забавные мелкие происшествия или советоваться по разным поводам.

Однако на следующий день лил такой сильный ливень, что они с Прошей просидели все утро дома. А в среду ее опять попросили провести занятие у Барсуковых с утра. На сей раз Инны Иннокентьевны в квартире не было, поэтому урок вышел если не образцово-показательным, то просто хорошим. В четверг тучи над Москвой и Подмосковьем наконец разошлись, и обрадованная Даша побежала в лесопарк, надеясь увидеть Боровицкого на старом месте. Но под сосной было пусто. Немного огорчившись, Даша полезла в дупло и сразу наткнулась на записку. Пару раз она прочитала ее и повела взглядом вокруг. День, назначенный Боровицким для встречи, был четверг.

«Заболел, – мелькнуло в голове у Даши, – или опаздывает». Но последнюю гипотезу она сразу же отменила – за все то время, что они встречались, старик не опоздал ни разу, он всегда ждал Дашу, приходя к сосне до десяти часов. Растерянно поглаживая Прошу по гладкой голове, она обругала себя за то, что за все время знакомства не догадалась попросить номер телефона. И тут же с укором

сказала себе: «А ведь он на прошлой неделе плохо себя чувствовал...»

Она пошла с Прошей в сторону пруда, но на душе оставалось как-то беспокойно – даже прогулка по солнечному лесу не доставляла ей никакого удовольствия. «Надо же, – размышляла Даша, – ведь гуляю же я без Боровицкого три раза в неделю, и ничего, а стоило ему один раз не прийти в обещанный день, как тут же настроение испортилось». Она обошла пруд безо всякой охоты, свернула на какую-то дорожку и побрела по ней, не замечая, куда идет. Но когда через пятнадцать минут перед ней показался светло-голубой корпус за оградой, она почти не удивилась. «Может быть, Раева даст мне его телефон?» – подумала она, проходя в ворота и беря пса на поводок.

Быстро идя по асфальту, Даша отметила, что сегодня на скамейках никого не видно, хотя день ясный. Боровицкий как-то говорил ей, что у пансионата вполне приличная охрана, которую Раева разместила особенным образом – так, чтобы ни одного охранника не было видно. Объяснялось это тем, что старики должны чувствовать полную свободу перемещения. Потому он тогда так и удивился, обнаружив Ангела Ивановича бродящим одиноко в лесопарке. Только сейчас Даша обратила внимание на маленькую будочку у входа, увитую зеленью, в которой, наверное, и должен сидеть охранник. Но в будке было пусто. Недоумевая, она толкнула заскрипевшую дверь и вошла в прохладный холл пансионата. Проша шел рядом, прижимаясь к ее ноге.

Внутри никого не было. «Вымерли они все, что ли?» – недоуменно подумала Даша и пошла по коридору в сторону комнаты Боровицкого, – вспомнив, что рядом есть лестница – она собиралась подняться наверх и поискать Раеву. Не пройдя и половины коридора, Даша услышала громкие голоса. Раздался какой-то вскрик, что-то упало, громкий мужской голос сердито произнес какую-то фразу... Даша завернула за угол и увидела людей, толпившихся в дверях самой крайней комнатухи. Она сделала два шага к ним, Проша неожиданно гавкнул – все словно по команде повернули головы к ней и замолчали.

В голове у Даши кто-то начал четко отсчитывать шаги, которые осталось дойти до комнаты Боровицкого. Она знала откуда-то, что шагов должно быть десять, но голос в голове все равно отбивал, как часы. Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Люди около входа в комнату молча смотрели на нее, а до двери оставался еще один шаг. Даша окинула взглядом лица – сморщенные, морщинистые лица, показавшиеся ей совершенно одинаковыми.

– Господи, страх-то какой! – произнес чей-то старческий голос, и Даша поняла, что слова относятся к Проше. Пес ткнулся головой ей в колени, и она сделала последний шаг к зеленой двери в самом конце коридора.

Охранник, тщетно пытавшийся максимально вежливо убедить чертовых бабулек и дедков покинуть комнату, поднял голову и увидел бледную светловолосую женщину, очень медленно входящую в дверь. Следом за ней протиснулся здоровенный черный пес, похожий на мастифа, но охранник знал, что порода другая, только не мог вспомнить название. Он хотел прикрикнуть на вошедшую, чтобы она не прикасалась к телу, но было поздно: пройдя два шага, женщина с тихим стоном осела около старика и уткнулась лицом в его колени.

«Да это же дочь! – догадался охранник. – Вот черт, как бы ее помягче увести-то, а?» Он наклонился и тронул женщину за плечо, но почувствовал чье-то прикосновение и поспешно шагнул в сторону – около него стоял черный пес с висящими складками на морде, вблизи казавшийся просто огромным. Пес коротко посмотрел на охранника, перевел взгляд на хозяйку, сотрясающуюся в безмолвном плаче, потом на старого человека, сидевшего на стуле. Несколько секунд пес рассматривал нож, торчащий из груди старика. Потом задрал морду к потолку и протяжно, жалобно завыл.

Через два часа Дашу отпустили домой, выяснив все о ее отношениях с Боровицким. Рассказывать ей было почти нечего, и следовательно, приехавший по горячим следам, быстро отстал от нее. Даша сидела в уголке и прихлебывала горячий чай, пахнущий валерьянкой, который заботливо принесла ей Раева. Управляющая в присутствии оперов и следователя держалась спокойно и сдержанно, и Даша невольно почувствовала уважение к этой сильной женщине. Когда она пыталась поблагодарить Раеву за чай, та одним движением руки отмела даже возможность благодарности. В соседней комнате распекали охранника, из-за недосмотра которого на месте преступления затоптали все возможные следы.

– А остальные где были? – раздался чей-то бас.

– Остальные были мной отосланы, – подала голос Раева.

– На кой хрен, спрашивается? – поднял на нее мутные глаза следователь. – То есть зачем вы остальную охрану отослали?

– Спасибо за перевод, – невозмутимо ответила Лидия Михайловна. – Когда обнаружили тело, я сразу подумала, что в пансионат пробрался убийца, и отправила людей обыскать территорию. Охранников всего трое, один остался в комнате, он же позвонил вам. А двое осмотрели сад и комнаты.

– Нашли что-нибудь?

– Вы же сами знаете, что нет.

Следователь почесал в затылке и тоскливо вздохнул. Работать ему не хотелось – до отпуска оставалось два дня, и тут такая подлость. Он просмотрел данные, собранные опергруппой, и вздохнул еще раз.

«Боровицкий, Петр Васильевич... член Союза писателей... Черт бы его не видал! Какого рожна он оказался в доме престарелых? А, вот – работал над рукописью. Выделена комната управляющей пансионатом... Иногда оставался ночевать. Тело обнаружила утром...»

– Кто такая Галицкая? – хмуро спросил следователь.

– Сиделка, – ответила Раева. – Я отправила ее утром отнести Петру Васильевичу кофе, потому что он оставался на всю ночь. Она нашла его убитым.

– Позовите ее, – буркнул следователь, и тут взгляд его упал на молодую женщину, съежившуюся в углу комнаты и сжимающую в руках огромную чашку, затем на здорового холеного пса, лежащего у ее ног.

– Не понял... – с угрозой протянул следователь. – Почему посторонние в помещении?

– Вы же сами меня допрашивали, – тихо напомнила Даша. – И я не посторонняя.

– Во-первых, я вас не допрашивал, во-вторых, мы уже закончили, а в-третьих, вы не родственница покойному. Или вы состояли с ним в связи? – Следователь разговаривал грубо, потому что его отчего-то раздражала блондинистая дамочка, изображающая из себя страдалицу.

Даша поставила чашку на самый край стола и двинулась к выходу, ничего не ответив. Пес поднялся и пошел за ней, слегка припадая на переднюю лапу. Около стола он вдруг остановился, открыл пасть и оглушительно гавкнул. Чашка опрокинулась и упала на пол, капли чая брызнули следователю на брюки и ботинки. Тот вскочил, выругавшись, но женщины и собаки уже не было в комнате. Поскрипывала дверь, из которой тянуло сквозняком, а со стула напротив смотрела на следователя с еле уловимой иронией худая, подобранная женщина с голубыми глазами.

– Так... – проговорил сквозь зубы следователь, усевшись на место и ощущая, как по носку в правом ботинке растекается влажное тепло. – А теперь объясните мне, Лидия Михайловна, как в доверенном вам пансионате оказался посторонний человек?

Утром, купив в киоске газету, Даша увидела на последней странице некролог. Быстро пробежала его глазами. На семьдесят восьмом году жизни... трагическая смерть... известный публицист... выдающийся... много поклонников литературного таланта... О похоронах не было ни слова. Она запоздало поняла, что так и не узнала телефон родственников Петра Васильевича у Раевой. Даша вздохнула и пошла домой.

– Я о твоём Петре Васильевиче сегодня в газете читал, – грустно сказал ей вечером Максим.

– И я тоже видела, – подала голос Олеся, ввязавшая под торшером очередную яркую тряпочку. – Мам, а как он умер?

Даша с Максимом переглянулись. Говорить о том, что Боровицкого убили, Даше совершенно не хотелось. Но и врать десятилетней дочери было бессмысленно и вредно.

– Убили его, Олеся, – тяжело вздохнув, призналась Даша.

– Понятно, что убили, – махнула рукой девочка. – Я и спрашиваю – как убили-то?

– Хм, откуда, интересно, тебе понятно, что убили? – удивился Максим.

– В Интернете прочитала, – пожалала плечами Олеся. – Там писали, что милиция расследует преступление.

Даша с Максимом переглянулись второй раз – они совершенно упустили из виду, что Олеся в школе проходит информатику и неплохо общается с компьютером. Дома компьютера не было, но

дочерихватило и школьного.

– Ну чего вы переглядываетесь? – нарушил молчание жалобный голос Олеси. – Я уже не маленькая, в конце концов. Его застрелили, да?

– Ножом закололи, – нехотя ответила наконец Даша.

– Ой, кошмар какой! – Олеся прижала руки ко рту совершенно взрослым жестом. – Мамочка, а кто?

– Не знаю, Олесь, – покачала головой Даша. – Полиция выясняет.

– А сама ты что думаешь? – неожиданно спросил Максим.

Даша отложила в сторону книгу. За прошедшие часы мысль о смерти Боровицкого постоянно преследовала ее, но она совершенно не думала о ее причине. Только сейчас вопрос мужа заставил осознать: к Петру Васильевичу в комнату кто-то пришел, и этот «кто-то» ударил его ножом и убил. Зачем? Почему? Даша растерянно взглянула на мужа и покачала головой.

– Максим, я ума не приложу, – искренне сказала она. – В доме престарелых одни старики. Вот так взять и ножом заколоть... Половину из них в инвалидной коляске возят!

– Ну, положим, не одни, – возразил муж. – Наверняка там еще и врачи, и медсестры. Охранники есть опять-таки. Меня вот что удивляет, – продолжал Максим. – Ты говоришь, он на стуле сидел?

– Да, – кивнула Даша, не понимая, к чему он клонит.

– И в комнате еще есть кушетка?

Она опять кивнула.

– То есть он сидел, убитый, на стуле? С закрытыми глазами?

– Сидел, но с открытыми, – сразу вспомнила Даша. – А при чем тут...

– И компьютер, наверное, был включен? – азартно продолжал Максим.

Даша припомнила обстановку комнаты. Когда она вошла туда, то смотрела только на мертвого Боровицкого, но что-то подсказало ей, что муж прав: компьютер работал.

– Звук! – вспомнила она. – Он шумел довольно громко.

Ее осенила догадка, и она перевела взгляд на Максима.

– Ну и что, что работал? – опять вылезла Олеся. – При чем тут комп, скажите мне!

Максим и Даша синхронно отмахнулись от нее, продолжая глядеть друг на друга. Обоим без слов было ясно, что означали включенный ноутбук и то, что старик сидел на стуле.

– Он писал... – медленно проговорила Даша. – У него же наверняка бессонница, как у многих пожилых людей. И кто-то зашел к нему... подошел... ударил...

Она попыталась представить, как открывается дверь в маленькую узкую комнатку и заходит кто-то, кого Боровицкий видит сразу, потому что сидит боком к двери, как тот заносит нож...

Она покачала головой:

– Не получается.

– Вот именно, – сразу отозвался Максим. – Сама догадалась, да? Если ты увидишь человека с ножом, то попытаешься защититься, а не будешь сидеть как баран. Одно из двух: или убийца выхватил нож мгновенно, и тогда, значит, он был специально обучен. Человека вообще не так-то легко убить точным ударом в сердце. Либо...

– Либо он не сопротивлялся, – упавшим голосом закончила Даша. – Может, его чем-то опоили?

– Если так, то это быстро выяснится, – пожал плечами Максим. – Вполне возможно, у них же там куча всяких медицинских препаратов. Но мне кажется, что убить его мог только человек, которого старик хорошо знал. Точнее, о ком он что-то узнал, вот как. Не зря же он книжку писал...

В комнате повисло молчание.

– Мам, а ты на похороны пойдешь? – вдруг спросила Олеся.

Только Даша собралась ответить, что не знает, как связаться с родственниками, и тут громко прозвонил телефон. Максим вскочил, вышел из комнаты и быстро вернулся с трубкой в руках.

– Тебя, – протянул он трубку Даше.

Даша вышла из комнаты и поговорила минут пять, а когда вернулась, вид у нее был недоумевающий.

– Звонил нотариус, – ответила она на невысказанный вопрос Максима. – Просил завтра быть в офисе на Полянке по поводу завещания Боровицкого.

На следующий день она входила в нотариальную контору с неброской лаконичной вывеской.

Только внутри можно было оценить, что дела у нотариусов идут совсем неплохо, и в первый момент Даша слегка оробела среди картин и кожаных кресел.

– Вы по какому вопросу? – деловито осведомилась девушка, сидевшая за регистрационной стойкой.

– Мне позвонили по поводу завещания Петра Васильевича Боровицкого, – пояснила Даша. – Но я не совсем уверена...

– Первый кабинет, – прервала ее девушка и подняла трубку зазвонившего телефона.

Даша прошла по коридору к ближней двери и обнаружила, что единственный маленький диванчик занят. На нем сидели двое крупных мужчин лет сорока, неуловимо похожие друг на друга. Она поздоровалась и получила в ответ сдержанные кивки. Один из мужчин, крепко сбитый, в хорошо сидящем костюме, бросил на нее короткий взгляд, а второй даже не повернул головы.

Мысленно сожалея о том, что прошли времена, когда дамам уступали места, она привалилась боком к стене. «Господи, в точности как в совковых поликлиниках, в очереди», – тоскливо подумалось ей.

От нечего делать Даша стала изучать мужчин. Нет, пожалуй, один из них все-таки помладше – лет тридцати шести – тридцати восьми. Время от времени он проводил указательным пальцем по обивке кресла, отчего раздавался противный скрипучий звук. «Костюм на нем мятый, – отметила Даша. – И вообще он какой-то... нервный. И потертый. Второй выглядит солиднее».

Второй действительно выглядел солиднее. Даша не разбиралась в костюмах, но женским чутьем поняла, что синяя в серую полосочку ткань стоит дорого. И галстук был красивый. Даже не столько красивый, сколько... Она задумалась. В общем, у Максима не было такого галстука, а ей хотелось бы, чтобы был.

Солидный перевел на нее взгляд, и Даше сразу стало неловко. Что она, в самом деле, – стоит тут галстук рассматривает... Как зевака натуральная, ей-богу!

Ей захотелось уйти отсюда. Хотелось, чтобы непонятная ерунда с вызовом к нотариусу поскорее закончилась и она могла бы поехать в магазин развивающих игр, где продавались пособия и разная полезная мелочь для занятий. Можно было бы что-нибудь и Олесе присмотреть...

– Наследственное, Боровицкий! Пройдите! – выкрикнула девушка из коридора, и двое мужчин поднялись как по команде и зашли в кабинет. Секунду подумав, Даша вошла следом.

В светлой комнате, заставленной шкафами, за огромным столом сидел толстый мужчина с двойным подбородком. Рядом, за столиком поменьше, разместились обвешанная золотыми цепями дама лет сорока, а рядом с ней на стульчике притулилась девушка лет двадцати, выглядящая строго и неприступно. Та кого-то вдруг Даше напомнила, и спустя минуту она поняла кого – девушку за регистрационной стойкой. «Клонировать их, что ли? – подумалось ей не к месту. – Или, может, сестры...»

Даша постаралась припомнить все, что читала о нотариусах, и пришла к выводу, что толстый и есть нотариус, дама в золоте – его помощник, а девушка.... «Ну, девушка, наверное, секретарь. Хотя зачем ему секретарь, если есть помощник?»

– Присаживайтесь, – кивнула женщина на стулья около стола. – Паспорта ваши, пожалуйста.

Ловя на себе взгляды мужчин, сидевших рядом, Даша полезла в сумку за паспортом. «И чего они меня так рассматривают? – подумала она, почувствовав себя совсем неловко. – И кто они вообще такие?»

– Значит, у нас имеются присутствующие... – протянул нотариус, заглядывая в документы, – Олег Петрович Боровицкий, Глеб Петрович Боровицкий и... – он бросил быстрый изучающий взгляд на Дашу, – Дарья Андреевна Пронина.

Даша согласно кивнула, и тут до нее дошло. «Так это же сыновья Боровицкого!» – чуть не вскрикнула она и снова воззрилась на обоих. Однако Боровицкие уже не глядели в ее сторону – их внимание было приковано к синей папке на столе, из которой нотариус достал большой белый конверт, исписанный какими-то закорючками.

– Прежде чем перейти к делу, скажу следующее, – нотариус обвел всех взглядом, чуть задержавшись на Даше. – Петр Михайлович Боровицкий оставил закрытое завещание, которое было принято мною с соблюдением всех правил. Здесь находятся два свидетеля, присутствовавшие при передаче завещания.

Он кивнул на женщину и девушку. Девушка потупилась. «Свидетели какие-то, – удивленно

подумала Даша. – Как все сложно...»

– Вы хотите проверить их документы? – осведомился нотариус, изучая сыновей Боровицкого.

– Пока нет, – подумав, произнес тот, что казался старше.

– Отлично. Должен сказать, что при передаче мне конверта со своим волеизъявлением Петр Васильевич Боровицкий оставил список людей, которых я должен вызвать на оглашение его завещания.

Нотариус говорил так, будто читал по бумажке, и Даша даже взглянула на стол перед ним, чтобы убедиться, нет ли там шпаргалки. Но ее не было.

– Двое из наследников – это сыновья господина Боровицкого, – нотариус посмотрел сначала на одного, потом на другого, и каждый из братьев коротко кивнул, – а третий – госпожа Пронина Дарья Андреевна.

В свою очередь, кивнула и Даша, ощущая, что все в комнате смотрят на нее.

– Итак, теперь я могу перейти к оглашению завещания, – торжественно произнес нотариус.

– Давно пора, – чуть слышно сказал младший сын Боровицкого и удостоился негодующего взгляда от дамы в золоте.

В наступившей тишине нотариус с хрустом вскрыл белый конверт и, к удивлению Даши, вытащил из него другой, чуть поменьше. На том, другом, тоже было что-то написано с обеих сторон. Нотариус очень аккуратно распечатал конверт и вынул лист плотной бумаги.

– Завещание Петра Васильевича Боровицкого, – внушительно сообщил он, поглядев на Дашу, и достал из кармашка очки. Потом взмахнул листком, и Даше показалось, что от него повеяло знакомым запахом давно немодного одеколona. Нотариус читал, а она на минуту отвлеклась и не вслушивалась в текст, выхватывая лишь отдельные слова.

– Я, Боровицкий Петр Васильевич... года рождения... проживающий... находясь в здравом уме и твердой памяти, для подтверждения чего... оставляю имущество...

Даша услышала слово «имущество», и голова у нее включилась. Она заметила, каким пристальным взглядом смотрит на нее дама в золоте, и ей опять стало не по себе.

– Все движимое имущество, – читал нотариус, – я оставляю своим сыновьям, Олегу и Глебу, с условием, что они поделят его по собственному усмотрению.

Двое мужчин переглянулись. Даша старалась не смотреть на них, но взгляд сам притягивался к похожим профилям. «Господи, дети Петра Васильевича! Подумать только! А ведь ни капли на него не похожи. Нужно будет обязательно сочувствие им выразить...»

– Все недвижимое имущество, – продолжал нотариус, – а именно – квартиру, находящуюся по адресу... улица Бонч-Бруевича, дом... квартира сто пять... я оставляю своему другу Прониной Дарье Андреевне, с одной оговоркой: мои сыновья и невестки имеют право забрать из квартиры любой предмет, который захотят.

Нотариус закончил читать, положил завещание на стол, и в комнате повисло молчание.

«Квартира, – произнес кто-то посторонний в голове у Даши. – Петр Васильевич оставил мне по завещанию квартиру».

«Этого не может быть!» – воскликнула мысленно уже она сама, но тут же поняла, что может. И не просто может, а именно так и случилось.

– А ты, Глебушка, хотел квартирку поделить, – усмехнулся один из сыновей, тот, что был в мятом костюме. – Я тебе говорил, что он какую-нибудь подлость под конец обязательно выкинет, а ты мне не верил.

– Нет, подождите... – прервал его второй брат. – Разве так можно? Кто вы вообще такая? – повернулся он к Даше. – Любовница его, что ли?

Даша покачала головой.

– Тогда с какой стати имущество стоимостью в шестьсот тысяч долларов отходит черт знает к кому?! – вспыхнул тот. – Сударыня, вы можете нам что-нибудь объяснить?

Обращение «сударыня» резануло Даше слух. Она медленно ответила:

– К сожалению, не могу.

И краем глаза заметила, как переглянулись нотариус и дама в золоте. Девушка на стуле не сводила с нее глаз.

– Может быть, вы хотя бы попробуете? – ехидно прищурился Олег, облокотившись на стол. – Вот ведь, видите ли, какая неожиданность получилась: у нашего покойного отца, кроме хорошей

машины, имеется еще квартира. И больше никакого имущества. Мы с Глебом заботились об отце, удовлетворяли все его прихоти... Да дело даже не в том! Дело в том, что квартира принадлежит нашей семье! Мы родились там, выросли... Маму там отпевали, в конце концов! И отец всегда давал понять, что после его смерти мы с Глебом можем рассчитывать на нее!

– Да не агитируй ты за советскую власть, – устало сказал ему Глеб. – Видишь, женщина счастлива.

– Да я этого так не оставлю! – кипятился его брат. – Готовьтесь к тому, что вам предстоит долгое судебное разбирательство – завтра же опротестую дурацкое издевательское завещание! Оно... просто подделка!

– Я попрошу! – строго сказал нотариус, тряся двойным подбородком, и Олег замолк. – Завещание составлено с учетом всех требований, и господин Боровицкий неоднократно советовался со мной по этому поводу. Завещание было передано мне в присутствии двух свидетелей. Вот они... – Нотариус ткнул пальцем сначала в золотую даму, затем в девушку, и обе согласно закивали. – Ваш отец прошел необходимые обследования, и в суде вы не сможете доказать, что он был невменяем. Но, конечно, обращаться с иском – ваше право.

– Не надо куда обращаться, – произнесла неожиданно Даша, выходя из оцепенения. – Разумеется, никакая квартира мне не принадлежит, тут и речи быть не может. Я подпишу документы об отказе – это, кажется, так называется? – и все будет в порядке.

Опять повисло молчание. На Дашу молча смотрели пять человек. Она почувствовала прилив легкого раскаяния, но ее сразу переполнило ощущение собственного благородства: все-таки не каждый день вот так просто отказываешься от квартиры в Москве.

«Делай как должно, а там будь что будет», – вспомнила она девиз своего папы, который терпеть не могла. Во-первых, сплошь и рядом не было понятно, что именно «должно делать», а во-вторых, громкими словами папа, как правило, оправдывал собственные неудачи. Почему-то ни разу не вышло так, чтобы папа сделал «как должно», а ему от этого стало бы хорошо. «Может, что-то в консерватории подправить?» – цитировала в таких случаях мама Жванецкого, злясь на отца. Тот старался смотреть орлом, но держался от мамы подальше, пока туча не миновала. До следующего случая, когда ему приходилось оправдываться: «Делай как должно, а там будь что будет».

«Ну вот, – подумала Даша, – в кои-то веки совершила великодушный поступок. Теперь главное – не делать морду ящиком, когда начнут благодарить, а держаться скромно и с достоинством».

– Ну что ж, – проговорил наконец Олег, – это значительно облегчает дело. Не ожидал, признаться...

– Приятно, что у вас хватило порядочности не зариться на чужое, – подтвердил Глеб. – А то в наше время...

Даша на минуту потеряла дар речи. Глеб с Олегом, обернувшись к нотариусу, начали обсуждать с ним вопросы оформления отказа, а она сидела молча и смотрела на двух похожих людей напротив нее. «Делай как должно»? Даше представился рыцарь в доспехах, отважно потрясающий мечом и разбрасывающий золотые монеты по площади под крики слуг: «Для обездоленных! Для обездоленных!» Лицо рыцаря сияло упоением и довольством жизнью и собой. Во всеобщей неразберихе монеты молниеносно расхватили обездоленные с подозрительно шустрými повадками, а рыцарь, не обращая внимания на летевшие ему в спину помидоры и костыли обделенных калек, поскакал творить добро дальше... Дикая картинка промелькнула в голове у Даши, и тут она поняла, что к ней обращаются.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – с легким раздражением повторила дама в золоте, протягивая руку за документом, который Даша успела убрать в сумку.

Даша ощутила, что речь к ней вернулась, но в голове словно качнулся маятник, заняв положение, полностью противоположное прежнему.

– Нет, – заявила вдруг она, вставая и ловя на себе недоуменные взгляды. – Я передумала. Я не собираюсь ни от чего отказываться. Во всяком случае, в вашу пользу. – Она посмотрела прямо в лицо младшему брату, Олегу, и заметила на нем растерянность. – Если бы у вас хватило такта хотя бы сказать мне спасибо... – продолжила Даша и запнулась. – Впрочем, неважно. Всего доброго.

– Одну минуту, – остановил ее уже в дверях голос нотариуса. – Для вас есть еще кое-что.

Поскольку Даша, не двигаясь, смотрела на него от дверей, конверт взяла у него девушка и передала Даше. Знакомым почерком на нем было выведено: «Дарье Андреевне Прониной». Даша сунула конверт, оказавшийся неожиданно большим, в сумку, сказала: «Спасибо» – и вышла из

кабинета, не уточнив ни одной формальности по оформлению квартиры. Вслед ей загудели голоса, хлопнула дверь, но она уже выбежала на улицу и быстро пошла к метро. В голове у нее было только одно: «Домой. Быстрее домой!»

Глава 5

Дома ее встретил у дверей Проша, ожесточенно молотящий обрубок хвоста, но Даша мимоходом погладила его по голове и начала раздеваться, не говоря ни слова. Поняв, что прогулки не предвидится, загрустивший пес свернулся клубком на паласе, а Даша села на диван и достала конверт. Он был почти таким же большим, как и тот, с завещанием. Коричневая бумага пахла чем-то непривычным, и Проша настороженно потянул носом.

Даша аккуратно отстригла ножницами тонкую полоску по краю конверта, а внутри, как в матрешке, оказался еще один, маленький. Она зачем-то рассмотрела его, но это был совершенно обычный конверт без марки, в верхнем углу которого был нарисован яркий цветок и подписано: «Пион». Кто-то карандашом добавил в начале букву «Ш», и у Даши не было ни малейшего сомнения, кто именно.

– Шпион, значит... – произнесла она вслух и распечатала конверт.

Простой лист бумаги в клеточку выпал ей на колени. Даша была слегка разочарована – ей казалось, что в конверте непременно будет длинное письмо на нескольких страницах. Она перевернула листочек и стала читать:

«Уважаемая Дарья Андреевна! Мне жаль, что обстоятельства сложились таким образом, что Вам приходится читать это письмо. С другой стороны, для кого-то, безусловно, оно и к лучшему. Мы с Вами много беседовали, Дарья Андреевна, и у меня сложилось впечатление, что в чем-то мы с Вами очень близкие люди. Поэтому я возьму на себя смелость просить Вас закончить начатую мной книгу. Возможно, по определенным причинам Вам будет весьма трудно. Решайте сами, когда Вам остановиться. Я же, со своей стороны, могу лишь немного компенсировать Вам затруднения, с которыми, полагаю, Вы неизбежно столкнетесь.

Признаться, различного рода пожелания в письмах я всегда считал банальными и глуповатыми, но не могу удержаться напоследок – желаю Вам, друг мой Дарья Андреевна, любви Ваших близких. Прощайте. С уважением и благодарностью, Боровицкий П.В.»

Даша дочитала до конца и несколько минут смотрела на слова, которые никак не хотели заново складываться в осмысленные фразы и выхватывались ею по одному. Обстоятельства. Беседовали. Близкие. Книгу. Остановиться. Затруднения. Любви. Боровицкий.

Подумав, Даша разыскала в сумочке телефон, который дал ей следователь по имени Артем Викторович, и набрала номер. Путаясь и сбиваясь, она наконец объяснила, зачем звонит. Следователь кратко ответил и, не прощаясь, повесил трубку. Даша посидела на диване, слушая гудки в телефоне, потом спохватилась и нажала «отбой». В ноутбуке Боровицкого, найденном в его кабинете, не было никаких текстовых файлов. «Пусто там», – сказал следователь. Значит, или они не нашли текст начатой Боровицким книги. Или не там искали. Но это же глупо! Зачем держать в пансионате ноутбук, если ты на нем не печатаешь?! Боровицкий был не тем человеком, который пытался бы таким незамысловатым образом производить впечатление на окружающих. «Закончить начатую мной книгу...»

Даша походила по комнате, рассеянно погладила по голове подвернувшегося Прошу и снова села на диван. Книга.... Какая книга? Взгляд ее снова упал на коричневый конверт, она заглянула в него и увидела то, чего не заметила сразу, – листы альбомной бумаги внутри. Она потрясла конверт, и листы, сколотые сверху большой канцелярской скрепкой, выскользнули ей на стол. Отогнула первый, чистый, лист и прочитала выведенное знакомым почерком: «Семья у Лены с Романом была счастливая. Не просто хорошая, или крепкая, или нормальная, как принято говорить сейчас, а именно счастливая. В том простом понимании счастья, когда утром хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой...»

Она быстро пролистала до конца – листов оказалось совсем немного – и уставилась в окно. Похоже было, что книга нашлась.

– Зачем? Зачем делать записи на бумаге, если есть ноутбук? – задумчиво спросил Максим, сидя вечером в кресле и разглядывая листы. – Может, твой Боровицкий от старости впал в легкий маразм?

Даша с негодованием отмела такое предположение – Петр Васильевич от маразма был далек так же, как она от титула «Самая богатая женщина мира». Максим почесал в затылке.

– Дашка, это же полная глупость, – заметил он, – передавать тебе какие-то непонятные листочки. Да не просто передавать, а завещать! Какую книгу ты можешь написать? О чем? По-моему, моя идея насчет маразма не так уж далека от истины.

– Папа, ну ты ничего не понимаешь! – подала из угла голос Олеся, по-взрослому пожимая плечами. – Во всех фильмах так делают – прячут что-нибудь у нотариусов, если узнают о преступлении. А потом кто-нибудь другой помогает то самое преступление раскрыть. А у нас «другим» будет мама. Она теперь свидетель, и за ней тоже начнут охотиться. А может быть, и за мной тоже!

Даша с Максимом, оторопев, воззрились на дочь, которая с выражением полного довольства собой отложила клубок в сторону и растянула перед глазами шарф ядовито-синего цвета.

– Тьфу, Олеська, что ты несешь? – опомнилась Даша. – Какой свидетель, какое охотиться! И вообще, хватит взрослые разговоры слушать – марш в постель!

– А мне и оттуда слышно, – логично возразила Олеся, – так что лучше я здесь останусь.

– Знаешь, Олеськина голливудская версия напрашивается сама собой, – продолжил разговор Максим, – но ведь все очень легко выяснить – достаточно знать, что написано в его рукописи. Ты ее прочитала?

– Прочитала, – кивнула Даша. – Потом буду еще перечитывать.

– И что там?

– Вот в том-то все и дело, Максимушка, что ничего. Ни-че-го! Просто истории. Истории из жизни. Более того, я даже не понимаю, какое отношение они имеют к его работе.

– Ты хочешь сказать, – нахмурился Максим, – что они не о доме престарелых?

– Вот именно, – медленно ответила Даша. – Ни одна история не имеет к пансионату «Прибрежный» никакого отношения.

Максим просмотрел листы, отложил первые четыре и начал читать.

* * *

«Семья у Лены с Романом была счастливая. Не просто хорошая, или крепкая, или нормальная, как принято говорить сейчас, а именно счастливая. В том простом понимании счастья, когда утром хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой.

Поначалу Ленка делала глупость – сообщала кому ни попадя о своем счастье. Так и выпаливала при каждом удобном случае: счастлива я, мол, с мужем. И он со мной. И становилось сразу понятно, что говорит она правду, причем говорит, не хвастаясь, а как ребенок, который со всеми делится: мне сегодня экскаватор подарили! От избытка этого самого счастья.

Ленке понадобилось несколько месяцев, чтобы она наконец поняла: если есть у тебя счастье – держись за него двумя руками и цепляйся зубами. Главное – зубами, не столько потому, что так удержишь крепче, а потому, что рот у тебя тогда будет закрыт. И не будешь ты первому встречному рассказывать, как славно тебе живется с любимым мужем.

Ей, наивной, и так иногда казалось, что приятельницы и знакомые, на которых она вываливала свое счастье, как ребенок любимую манную кашу на стол – размазывая ложкой для большей красоты, – слушают ее как-то... странно. То в сторону косятся, то кивают, но без особого интереса. А то и просто переводят разговор на другую тему. Правда, некоторые, как, например, Алиска Машнова из соседней квартиры, слушали внимательно, с любопытством, иногда и вопросы наводящие задавая. Впрочем, в вопросах Ленка особенно не нуждалась – убедившись, что ее слушают, разливалась соловьем, расхваливая своего Ромочку на все лады. И ведь не сказать, что глупая она была, а вот поди ж ты!

Глаза у Лены начали раскрываться после одного случая. Двери у нее и Алиски были

рядышком, и обе отделены тамбуром от основного коридора. По утрам Алиска выползала в тамбур сонная, разомлевшая и напоминала Лене то ли кошку, наевшуюся сметаны, то ли саму сметану, на которую кота еще не нашлось, – белую, жирную, домашнюю сметанку. Позвонив Ленке в дверь и узнав у нее, не пойдет ли та сегодня в магазин, ленивая Алиска давала ей поручения – то-се купить, так, по мелочи – и уползала обратно. Обе в результате были довольны – и Алиска лишней раз носу из дому не показывала, и Ленка получала дополнительную возможность потрепаться на любимую тему. Жила Алиска весело, проедала сбережения, оставшиеся от бабки, но время от времени устраивалась в магазин продавщицей, и около ее отдела всегда крутились мужики, что бы она ни продавала – хоть мясо, хоть канцелярщину всякую. Заведя новый роман, Алиска отдавалась ему вся, без остатка, и на пару месяцев у нее обосновывался новый хахаль, как презрительно называли очередного избранника подъездные бабки. Сама Алиска говорила – красавец, делая ударение на последнем слоге. Получалось – красавец.

Однажды вечером Лена услышала скрежет ключа, поворачивающегося в тамбурной двери. Решив, что идет любимый Ромушка, она неслышно подкралась к своей двери, сбросила рубашку, оставшись в прозрачной маечке, и притаилась у входа, с нетерпением ожидая, как радостно изумится муж, увидев ее в таком наряде. Однако он не спешил звонить в дверь, а спустя несколько секунд Лена расслышала в тамбуре два голоса, один из которых был Романа, а вот второй, в чем не было никакого сомнения, принадлежал Алисе. Лена подождала немного, но разговор затягивался. Стоя за тонкой дверью, она хорошо различала слова и какую-то странную, тягучую, насмешливую интонацию в Алискином голосе. Заинтересовавшись, чем вызвана такая насмешливость, она посмотрела в дверной глазок и обомлела.

Алиска стояла около своей двери в чем мать родила, прикрывшись только маленьким кокетливым передничком. На голове у нее, одетая слегка набекрень, маячила белая наколочка, оставшаяся Алиске на память о работе в кондитерском отделе. Высокие черные полусапожки на ногах завершали картину. Напротив Алисы стоял Роман и внимательно смотрел на нее.

– Ну что, долго пялиться, что ль, будешь? – издевательски поинтересовалась Алиска, отставляя в сторону пухлую белую ногу. – Чай, ведь можно и руками потрогать. Или тебе жена твоя не разрешает?

Ленка затаила дыхание. Вся превратившись в зрение, она ждала, что же сделает ее Роман.

– Вообще-то не разрешает, – послышался голос мужа.

– А ты у нас прям такой послушный? – прищурилась стерва Алиска. – Только ей же говорить не обязательно, а?

Наступило недолгое молчание, а потом Роман мягко произнес:

– Знаешь, Алис, ты простудишься сейчас. Иди домой, а? Дует здесь.

И, повернувшись спиной к Алиске, стал вставлять в замочную скважину ключ. Бесстыжая Алиска небрежно подошла к нему и прижалась к спине. Ленка уже собиралась распахнуть дверь, когда Роман отстранил Алису и извиняющимся тоном сказал:

– Алис, не надо. Меня Лена ждет.

– Ну и катись к своей Лене! – прошипела Алиска и захлопнула за собой дверь.

Торжествующая и одновременно растерянная, Ленка успела накинуть рубашку и юркнуть в кухню. Она сразу же загремела кастрюлями, изображая бурную деятельность, а когда подошедший сзади муж чмокнул ее в щеку, не менее правдоподобно изобразила испуг:

– Ой, ты уже пришел! А я и не заметила... Кушать хочешь?

– Умираю просто, – признался муж. – Пойду руки вымою, а ты мне сваргань что-нибудь быстренько, ладно?

Прислушиваясь к шуму воды в ванной, Ленка помешивала суп, стараясь не разреветься. Она, конечно, прекрасно знала, что люди бывают разные и, расскажи ей какая-нибудь из приятельниц о том, что ее мужа соблазнила соседка, она нисколько бы не удивилась. Но Алиска... Тут было другое. Она ведь не просто соседка, а соседка, посвященная в тайны Ленкиного брака, почти подружка, всегда говорившая, что с мужем Ленке повезло. Знать, что она так счастлива, и покушаться на ее счастье – вот что сейчас не укладывалось у Ленки в голове. Зачем? Неужели ей так нужен Роман?

Ужинали они молча, потому что Ленка, обычно болтавшая обо всем, что придет в голову,

молчала. И Роман молчал, изредка поглядывая на нее. Доев и отставив тарелку в сторону, он заинтересовался:

– Лен, что с тобой случилось сегодня?

– Случилось? – удивилась она. – Ничего.

– А почему тогда на тебе лица нет? Не спорь, – остановил он ее, – я же вижу. Солнышко, что у тебя такое?

– Я ваш разговор с Алиской слышала, – всхлипнув, призналась она.

– Разговор? Ну и что? – нахмурившись, спросил Роман. – Это когда она голышом меня встречать выбежала?

Ленка только кивнула, ощущая, что сейчас разрешится. Роман встал, подошел к ней и крепко обнял.

– Глупенькая ты моя, – нежно прошептал он. – Но ведь все нормально? Я же не соблазнился, правда?

– Дело даже не в том, – шмыгнув носом, объяснила она. – Это как предательство. Мы с Алисой столько говорили...

Она не закончила, но Роман прекрасно все понял.

– Так ведь говорила ты, глупышка, а не она, – улыбнулся он и вернулся на место. – А Алиска тебя слушала и ненавидела тебя.

– Меня? Ненавидела? – Лена от удивления даже перестала шмыгать носом. – Да за что?

– Как за что? Вот за твои рассказы о нас, например. Ленка, сокровище мое, пойми, пожалуйста, очень простую вещь – большинство людей чужому счастью вовсе не радуются, если только речь не идет о счастье их близких. Самые лучшие, порядочные, принимают к сведению: вот человек, который своей жизнью доволен. Но на такое восприятие, как правило, способны те, кто и сам не чувствует себя несчастным. А если у человека проблемы, то ты для него – как бельмо на глазу. Вот и для Алиски...

– А для нее-то почему?

– Как почему? Потому, во-первых, что она своей личной жизнью не удовлетворена. К тому же она вообще человек завистливый. И тут ты со своими рассказами... Она считает себя красивее, умнее, опытнее – но счастлива почему-то ты, а не она. Это же несправедливо! Вот она и решила сделать все, чтобы несправедливость слегка уравнять. Ведь если бы я пошел с ней, то грош цена была бы в ее глазах твоему счастью, правда?

Ленка задумалась. Минуту спустя она подняла глаза на мужа и тихо сказала:

– Ромка, я у тебя ужасная дура.

– Глупости не говори, – ласково потрепал ее по волосам муж. – А на Алиску не обращай внимания, хорошо?

Лена покивала, а на будущее сделала для себя выводы. Теперь она старалась меньше говорить и больше слушать – и с удивлением обнаружила, что так сходится с людьми гораздо быстрее. Когда кто-нибудь из знакомых девчонок начинал хвастаться своим мужем, она на ту смотрела с сочувствием, потому что научилась ловить чужие взгляды и правильно оценивать их. Но сама ничего не говорила, только кивала время от времени и вспоминала себя.

А Алиске, позвонившей на следующее утро в дверь, чтобы как ни в чем не бывало попросить купить хлеба, она спокойно сказала:

– Знаешь, Алис, надоело мне по магазинам за тебя таскаться. Оторви задницу от дивана и сходи сама.

Алиска прищурилась, покивала чему-то и ушла. Больше она к Ленке не обращалась.

Жизнь Лены и Романа текла дальше спокойно и безоблачно. Ленка решила было, что ей стоит родить ребенка, чтобы все было как у людей, но выяснилось, что у нее имеются проблемы по женской части. Ни ее, ни супруга это особенно не расстроило. Роман вообще к детям относился без восторга, а ей самой вполне достаточно было мужа – он заменял и ребенка, и отца, и друга, и любовника. Получив для себя достаточное обоснование их бездетности, Ленка выкинула мысли о ребенке из головы и устроилась на работу.

И ей опять помог Роман. На работу она устроилась сама, безо всяких там звонков и просьб, а вот в коллективе, состоящем из девяти разновозрастных и разношерстных дамочек, у нее начались сложности. Ленка начала работать очень активно, яростно, хватаясь за любое поручение,

что пришлось по душе начальнику, пятидесятилетнему здоровяку, и пару раз он при всех поощрил ее. Это и стало поводом к травле. Как всякий новичок, Ленка делала ошибки, не знала, где что лежит и долго путала имена коллег. Любой ее промах становился предметом для обсуждения, и скоро Ленку, вкалывающую как лошадь, начали буквально выживать из коллектива. Ее демонстративно не приглашали на совместное отмечание дней рождения; ей «забывали» передать указания начальства; с ее стола начали пропадать мелкие предметы; а когда Ленка обращалась к дамам с вопросами, те оскорблялись и советовали ей вести себя более цивилизованно. Через два месяца после начала работы она решила уволиться и искать новое место. И вот тут-то на помощь пришел Роман.

Он спокойно и доходчиво объяснил жене, что ее поведение – типичное поведение жертвы, которая сама провоцирует коллег. Да, ей не повезло с коллективом, но нет никакой гарантии, что повезет со следующим, поэтому нужно приспособливаться к тому, что есть. Через двадцать минут после начала их разговора Ленка вытерла слезы и спросила, что ей нужно делать. Роман улыбнулся и начал объяснять.

Она сама составила примерные психологические портреты каждой из своих коллег, а Роман рассказал, как и с кем нужно разговаривать. Довольно долго Лена училась не замечать подколов, порой очень злых, не комплексовать из-за того, что Ирина Андреевна язвительно отозвалась о ее новой юбке. Она держалась отстраненно, но при этом старалась не стать белой вороной. Через полгода после ее разговора с мужем Ленка подвела итоги: она вписалась в коллектив, заняв в нем свое место. К ней очень хорошо относился шеф, а восемь из девяти дам десять раз подумали бы, прежде чем задеть ее. Девятая не задумывалась об этом вовсе – она изменила свое мнение о Ленке в противоположную сторону и после работы приглашала в кафе, где жаловалась на свою жизнь и мужа-обормота. Ленка сочувственно кивала и говорила, что у нее дома абсолютно такая же картина. Ей повысили зарплату, и половина из ее коллег признали, что вполне заслуженно.

Только один итог она не могла подвести, потому что для этого нужно было взглянуть на себя со стороны. Ленка становилась совершенно другим человеком, причем очень быстро. Она впитывала уроки мужа, как губка, а тот только радовался, видя, как она адаптируется к новым условиям существования.

И спустя шесть лет после свадьбы жизнь их была такой же счастливой, как и вначале. В том простом понимании счастья, когда утром хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой» .

* * *

Максим закончил читать и посмотрел на Дашу, глядящую белье.

– Ты хочешь сказать, остальные четыре – такие же? – осведомился он.

– Что? А, ты уже прочитал... Да, по-моему, на каждом листке из них просто описывается какой-то эпизод из жизни людей, и все.

– И зачем это нужно было прятать? Ерунда какая-то. Ладно, сначала нужно все прочитать, а потом уж выводы делать. Но, по-моему, в первой истории нет ничего криминального. Кстати, Дашка, – хлопнул он себя по лбу, – я же забыл за квартиру заплатить! Сходи завтра, а то нам телефон отключат.

Даша кивнула и выключила утюг.

– Максим, мне нужно тебе кое-что сказать, – начала она, облокотившись на гладильную доску.

– Ну-ка не ломать агрегат! – приказал муж. – Черт его знает, когда новую купим. Ой, елки-палки, у меня же совершенно из головы вылетело со всеми твоими рукописями... Ты зачем к нотариусу-то ездила? Ездила вообще или нет?

– Я, собственно, именно про нотариуса и хотела тебе рассказать, – медленно заговорила Даша. – Видишь ли, Максим, Боровицкий оставил мне в наследство квартиру.

В комнате повисло молчание – Максим переваривал информацию.

– Где? – спросил он наконец.

– Не знаю, – растерялась Даша от такого практицизма. – На Бонч-Бруевича где-то. А что?

– Дашка, ты не врешь? – подозрительно спросил муж.

– Да говорю тебе, нотариус сегодня прочитал завещание. Мне по нему достается от Петра Васильевича квартира.

На лице Максима сменилось несколько выражений – недоверие, ошеломление, изумление, радость, – и наконец счастливая улыбка расплылась по его лицу. Ни слова не говоря, Максим откинулся на спинку кресла и рассмеялся счастливым смехом.

Даша понимала, почему он смеется. Маленькая двушка с картонными стенами, в которой они жили сейчас, была куплена ими в кредит, и каждый месяц Максим отдавал большую часть своей зарплаты, чтобы расплатиться по нему. На оставшуюся часть и на то, что зарабатывала Даша, они и жили. Но все траты высчитывались ими до мелочей. Покупка новой пары обуви была событием. Велосипед для Олеськи они купили старенький, уже бывший в употреблении и поэтому недорогой, а сами только вздыхали, глядя на сверкающих красавцев в спортивных магазинах, на которых так хорошо было бы кататься по их лесопарку всем вместе. Да, свалившееся на голову наследство решало многие, очень многие проблемы.

– Господи, жена моя ненаглядная! – выдохнул Максим, по-прежнему счастливо улыбаясь. – Неужели наконец-то и до нас она дошла?

– Кто? – не поняла Даша.

– Ну как кто? Халява! Неужели старикан и в самом деле оставил тебе квартиру?! Да я за него молиться буду до конца...

– Максим, подожди радоваться, – перебила его Даша.

Выражение счастья мгновенно стерлось с его лица, он уселся в кресле поудобнее и усмехнулся, но уже совершенно невесело:

– Вот так я и думал, что какая-нибудь засада все-таки имеется. Не может такого быть, чтобы фортуна повернулась к нам лицом и при этом не сделала козью рожу! Ну, что там с твоим наследством? Старикан был невменяем на момент написания завещания?

– Нет, тут как раз все в порядке, – осторожно ответила Даша. – Просто я все равно откажусь от наследства. Так что не радуйся раньше времени.

Глава 6

Утром Максим ушел на работу, не поцеловав жену на прощание, и сам запер за собой.

У них это означало крайнюю степень непонимания, потому что, какой бы сонной Даша ни была по утрам, она поднималась, обнимала топчущегося в крохотной прихожей мужа и закрывала за ним дверь. Такой вот маленький простой ритуал, повторявшийся ежедневно много лет подряд. Но если он отменялся, значит, в семье случилась ссора. На сей раз ссоры не было. Без всякого удовольствия прихлебывая утром горячий кофе с корицей и гвоздикой, Даша вспоминала то, что вчера сказал ей Максим.

– Ты эгоистка, – сказал он ей. – Я не знаю отношений между Боровицким и его сыновьями, но меня они и не интересуют – вполне достаточно того, что квартиру старик оставил тебе, а не им. Значит, у него были основания для такого поступка. А ты, вместо того чтобы выполнять волю человека, который так тебе нравился, придумываешь какие-то совершенно бредовые моральные оправдания вроде того, что чужое брать нехорошо. Вот ведь чушь! Квартира принадлежала Боровицкому, и он отдал ее тебе. Подарил, если хочешь. Так откуда же тут чужое?

– Максим, ну как ты не понимаешь! – возражала Даша отчаянно. – Ведь у него есть дети, и у них тоже есть свои проблемы. Они не Рокфеллеры! И в действительности квартира, конечно, должна принадлежать им, потому что они в ней выросли, потому что они обеспечивали своего отца. Да по тысяче причин! Но почему-то Боровицкий решил обделить их. Не осчастливить меня, а именно обделить их. Это же совершенно разные вещи! Меня он выбрал случайно, просто потому, что мы гуляли вместе, а вовсе не из-за каких-то теплых чувств. Может быть, он обиделся на них за что-то – не знаю! Но воспользоваться в такой ситуации его завещанием... На мой взгляд, нехорошо, непорядочно!

Максим ответил, что Даша домысливает какие-то нелепые ситуации и что он не ожидал от нее такого идиотского подхода к совершенно понятному вопросу. Разозлившись на «идиотский подход», Даша напомнила мужу:

– А ты не забыл, дорогой мой, что квартира завещана все-таки мне, а не тебе? Вот и вопрос, как с ней поступить, решать буду я. Тебя послушать, так может показаться, будто мы с тобой оба указаны в завещании Петра Васильевича. А ведь это не так!

Максим помолчал немного, глядя на нее, но Даша отвернулась к плите и старательно делала вид, что не замечает его взгляда. В конце концов он встал, по-прежнему не говоря ни слова, пошел в зал, но на пороге обернулся и негромко произнес, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Да, квартира завещана тебе. И распоряжаешься ею ты. Однако ты сейчас учишь только свои интересы – в данном случае собственный психологический комфорт. Про то, что у тебя еще есть я и Олеска, ты благополучно забываешь, потому что тебе так удобнее. Но семья – она потому и семья, что при принятии важных решений учитываются интересы всех, а не одного – даже того, от кого полностью зависит решение. Хорошо, если ты будешь помнить об этом.

И вышел из комнаты.

– Я и так помню, – пробормотала разозлившаяся и немного испугавшаяся Даша – (муж никогда столь резко с ней не разговаривал!). – В конце концов, у нас уже есть, где жить.

Но на душе у нее было беспокойно – она никак не ожидала, что получит от Максима такой отпор. И его молчаливый уход утром означал, что день для нее начинается плохо.

– В конце концов, я ничего не должна тебе, – произнесла она вслух, стоя с чашкой перед окном. – Останется квартира – замечательно, не останется – ты не имеешь права обижаться.

Но почему-то собственные правильные во всех отношениях слова ее совершенно не успокоили. Имел Максим право обижаться или нет, но сегодня он обиделся.

Даша не знала, как объяснить мужу то, что было вбито в нее с детства: чужое брать нельзя. Это нехорошо, не по-человечески. Даже если у тебя есть возможность воспользоваться чужим и тебе не грозит никакое наказание, главным наказанием должна быть твоя собственная совесть.

Как-то в детстве Даша нашла у подъезда кошелек с деньгами. Их было не очень много – рублей десять или двадцать, хотя сам по себе факт находки уже был маленьким чудом: Даша никогда ничего не находила. Но главным чудом был кошелек – маленький, белый, с красными и черными котятками, разбегавшимися в углы кошелька. Один котенок поворачивался к ней лукавой мордочкой, и его нарисованные усы топорщились на перегибе. Даша готова была отдать все деньги и еще добавить собственные карманные, хотя их было смехотворно мало, лишь бы кошелек с котятками остался у нее.

Конечно, она показала находку родителям и честно рассказала, что пыталась найти владельца: осмотрелась вокруг, догнала далеко впереди идущую женщину, спросила, не потеряла ли та деньги. Нет, та не потеряла. Да у нее и не могло быть такой прелестной вещи, Даша сразу поняла, а спрашивала только для очистки совести. «И теперь ты считаешь, что можешь спокойно оставить вещь себе?» – спросил тогда отец, внимательно глядя на нее.

И по его интонации, по словечку «спокойно», по жесту с оттенком легкой брезгливости, каким он показал на кошелек, Даша сразу поняла, что маленького счастья не будет, потому что папа думает иначе, чем она. И он был прав, конечно, потому что чужое брать нельзя, какие бы оправдания для себя ты ни придумывал.

– Нет, папа, я не оставляю, – заторопилась объяснить девочка, чтобы папа и мама не подумали о ней плохо. – Я хотела тебя попросить: давай вместе объявления расклеим, а? Нужно только бумажек побольше нарезать, чтобы на все подъезды хватило...

Маленькая Даша протараторила все быстро, запнулась, забыв, что еще хотела сказать, и в паузе заметила на лицах родителей облегчение – облегчение, которое стоило для нее десятка таких волшебных кошельков. Они не разочаровались в ней, они не подумали, что их дочь мелкая обманщица, которая только и жаждет присвоить чужое!

Они вместе писали объявления, вместе расклеивали их, и, когда пришла хозяйка кошелька – молодая, уверенная в себе, высокомерная, – отец настоял на том, чтобы Даша сама вышла отдать ей потерю. Он-то хотел, чтобы все благодарности достались дочери, чтобы она испытала в полной мере гордость от своего поступка. Но особых благодарностей не последовало: дама небрежно сказала «спасибо», сунула Даше пять рублей и ушла, унося с собой красных и черных котят.

– Ну ничего, – успокаивающе проговорил папа, чувствуя, что сцена получилась не совсем такой, как он предполагал. – Зато хорошее дело сделали.

Даша проглотила рыдания, кивнула и ушла в свою комнату. Папа был прав, она сделала доброе дело, и стыдно реветь только из-за того, что тебе очень хочется какую-то вещь. Чужое брать нельзя.

«Чужое брать нельзя! Как же Максим не понимает!» – воскликнула Даша мысленно, стараясь почувствовать себя оскорбленной. В углу шумно вздохнул Проша, и она спохватилась – пора гулять.

Они шли по парку, мокрому после дождя, и пес с удовольствием забегал в лужи и стоял там, косясь на Дашу и ожидая ее реакции. Но сегодня хозяйка почему-то не реагировала на его обычные шалости, и Проша, острым собачьим чутьем уловив, что что-то не в порядке, перестал привлекать к себе внимание и просто бежал чуть впереди, время от времени оборачиваясь и проверяя, где Даша. Та шла за ним, помахивая поводком, и размышляла о том, что же ей делать дальше.

Выступление ее у нотариуса было, конечно же, показательным – теперь она могла самой себе признаться. Даже произнося «я не собираюсь ни от чего отказываться», она знала, что все равно откажется. Просто ей хотелось наказать сыновей Боровицкого, таких самодовольных и убежденных в собственной правоте людей. Ей опять вспомнился разговор с Максимом, она поморщилась и ускорила шаг.

Впереди показалась раскидистая сосна. Даша подошла к ней, заглянула в дупло и обнаружила пару хвоинок и кленовый листок, занесенный случайным порывом ветра. Тяжело вздохнув, она пошла дальше и сама не заметила, как оказалась около ворот пансионата «Прибрежный». Глядя сквозь решетку на скамеечки, около которых бродили старики, она испытала неожиданный приступ тоски – тоски по старому, умному, понимающему человеку, гулявшему с ней три раза в неделю, по его неторопливой речи с анахронизмами, со старомодными словечками, по его словесным портретам, заставлявшим ее задумываться о людях, которых она никогда не видела. Даша сглотнула ком в горле. Как все неправильно! Он не должен был умирать! Или не должен был оставлять после себя противную пустоту, постоянное желание обернуться и увидеть сухопарую фигуру под корявой раскидистой сосной, машущую рукой ей вслед.

– Ладно, будем взрослыми людьми, – сказала негромко Даша самой себе и приготовилась возвращаться, но тут заметила человека, явно спешащего к ней.

Это была маленькая старушка с аккуратно уложенными вокруг головы седыми завитками, напомнившими Даше старые английские фильмы про буколическую деревенскую жизнь. Для полного совпадения образа старушке не хватало в руках срезанных роз и длинных садовых ножниц, а в остальном она была оттуда, из фильмов, и даже шляпка на ней была с мелкими аккуратными цветочками. «Где, интересно, она такую шляпку отыскала?» – подумала Даша с интересом, приглядываясь к пожилой женщине. Та была уже совсем близко и наконец, запыхавшись, подошла к самой ограде.

– Здравствуйте, – кивнула она головой, отчего седые завитки колыхнулись. – Вы Даша, правда? Я вас сразу узнала.

– Да, здравствуйте... – несколько растерянно отозвалась Даша. – А как вы меня узнали?

– Так по собачке, по собачке. Мне про нее Петр Васильевич, упокой господь его душу, рассказывал. Я ведь вам, деточка, сочувствие подошла свое выразить. Очень, очень я вам соболезную. Такой был человек удивительный, что просто слов нет!

Старушка достала маленький платочек и утерла им слезы, быстро покачивая головой в завиточках.

– Спасибо, – прочувствованно сказала Даша. – Вы хорошо его знали?

– Дружили мы с ним, – вздохнула та. – Он ведь много времени здесь проводил, все меня расспрашивал – про жизнь мою, про знакомых... Да он всех расспрашивал! Ой, – спохватилась старушка, – а что ж мы с вами через решетку-то разговариваем? Заходите, деточка, заходите ко мне сюда. Поговорим, вспомним Петра Васильевича...

Предложение было настойчивым, и Даша решила, что отказываться неудобно. К тому же ей хотелось поговорить о Боровицком с человеком, который, по-видимому, хорошо его знал. Она зашла внутрь, оставила Прошу за уже знакомым ему кустом, а сама пошла по тропинке рядом с маленькой и очень старой женщиной.

Звали ее Римма Сергеевна, но через десять минут Даша мысленно окрестила новую знакомую «божий одуванчик». Во-первых, она была похожа на цветок этими своими беленькими кудряшечками, легкими и тонкими, которые тербил ветер. Во-вторых, показалась Даше существом немного не от мира сего, но исключительно добрым и безобидным. Ей явно нужно было выговориться – и она рассказывала Даше свою историю, но не жалуясь, а словно представляясь: вот,

мол, я, Римма Сергеевна, и вот моя история. Собственно говоря, истории как таковой и не было, а была обычная жизнь обычной женщины, учившей детей французскому языку, а под старость лет заделавшейся репетиторшей. Удивительным было только одно – в дом престарелых, носивший деликатное название «Патронажный пансионат „Прибрежный“, Римма Сергеевна Красницкая определила себя сама. Как и бывший преподаватель математики Иван Сергеевич Яковлев по прозвищу Виконт.

– Вот об этом-то меня Петр Васильевич и расспрашивал, – охотно делилась Красницкая, то и дело останавливаясь у клумб и изучая цветы. – Как, мол, попала-то сюда? А я ему все честно и рассказывала. Да что тут рассказывать? Детей у меня не было – бог не дал. Муж помер, царствие ему небесное, когда мне сорок пять лет было – в одну секунду упал и умер, в трамвае, сорок пятом. Совпадение такое – мне сорок пять лет было, и номер у трамвая сорок пятый. Родители давно уже умерли. Вот я и подумала – кто за мной на старости лет ухаживать будет? Денежек накопила – и сюда. А тут, Дашенька, хорошо! Птички так поют замечательно... Людей много интересных – вот хоть Петр Васильевич приезжал, говорил со мной. И сестры у нас заботливые, и Лидия Михайловна старается, делает все как лучше.

Римма Сергеевна замолчала, глядя куда-то в сторону. Даша повернулась и заметила около прудика ту самую женщину, которая испугала ее в первый раз, массивную толстуху, мать-усыновительницу.

– Ирина Федотовна, – испуганно, как показалось Даше, заметила Красницкая. И вдруг заспешила: – Пойдемте, деточка, пойдемте.

Она взяла Дашу под руку и повела по тропинке, но Даша успела увидеть, каким внимательным взглядом провожает их старая толстая женщина в нелепом спортивном костюме. Навстречу медсестра в голубой униформе провезла инвалидную коляску с сидящим в ней стариком – руки у того подергивались, глаза время от времени закатывались, и Даша отвела взгляд.

– Капустин гулять поехал, – безмятежно прокомментировала Римма Сергеевна. – Значит, сегодня получше ему. К нему ведь каждый день сын приезжает, страдает, что отец здесь. А куда его девать? За ним постоянно присмотр врачебный нужен. Да не просто сиделка – а капельницы всякие, укольчики, да еще и массаж. Ну как это все найти? А здесь – хорошо. Борис Игоревич присматривает за всеми.

– Борис Игоревич Денисов? Главврач? – неожиданно вспомнила Даша.

– Да-да, Денисов. А вы его знаете?

– Петр Васильевич рассказывал, – уклончиво ответила Даша.

– Светлый человек, светлый, – покивала головой Римма Сергеевна. – Так заботится о нас – просто души не чаёт. А ведь у него, знаете, отец дома – и не видящий, и шумный до невозможности. Скандалит так, что просто ужас! Другой бы давным-давно перевез его сюда к нам, в приют, а Борис Игоревич нет, ни в какую. Так и живет с ним.

Она вздохнула, а Даша, удивившись про себя такой осведомленности, вслух спросила:

– Скажите, Римма Сергеевна, а вы не видели, как Петр Васильевич работает? Я имею в виду за своим компьютером?

Старушка задумалась.

– Пожалуй, что и нет, – ответила она в конце концов, покачивая головкой. – Заходить я заходила к нему в каморку, было дело, но вот чтобы писал он... Нет, не видела. Да я и не понимаю толком, как вообще можно на компьютере писать. Электричество перегорело – и где все твои записи?

– Да там же и останутся, – рассеянно ответила Даша, думая о ноутбуке Боровицкого.

– Как это? – удивилась Римма Сергеевна, и что-то в ее голосе заставило Дашу насторожиться.

– Конечно, останутся, – подтвердила она, искоса поглядывая на старушку. – Там же вся информация на диске сохраняется... Представьте себе, будто вы свой голос на магнитофонную ленту записываете, – попыталась она объяснить. – Если вы магнитофон из розетки выключите, запись останется? Останется. Вот и с компьютером так же.

– Но ведь он маленький! – удивилась Красницкая.

– Ну и что же? Все равно компьютер.

Римма Сергеевна остановилась и поглядела на Дашу светло-кариими слезящимися глазами. На лице ее было какое-то выражение, которого Даша никак не могла понять. Только она хотела спросить еще что-то о Боровицком, как старушка покачала головой и сказала без всякой связи с

предыдущим:

– Так ведь процедуры у меня, пойду я, деточка. Спасибо, что поговорили, вспомнили Петра Васильевича.

– Не за что, – растерянно ответила Даша, глядя ей вслед. Меньше всего они говорили о Петре Васильевиче. И вообще, что за странная манера заканчивать разговор? Хотя... если сделать скидку на возраст...

Даша вздохнула и пошла за Прошей. Дома ее ждала рукопись, которую нужно было очень внимательно прочитать, потому что по каким-то причинам, известным лишь ему одному, Петр Васильевич Боровицкий оставил ей свои пять рассказов.

* * *

«Ирина осталась сиротой в одночасье. Конец ее благополучной семьи наступил столь быстро и неожиданно, что на лице ее надолго поселилось выражение недоумения – как такое вообще могло случиться? Как могло произойти, что отец с матерью, отвозя дедушку на дачу, столкнулись с вылетевшей на встречную полосу машиной, за рулем которой сидел пьяный водитель? Как могло случиться, что дедушка и отец умерли на месте, мама дождала до приезда „Скорой“ и скончалась в ней, водитель „Волги“, столкнувшейся с ними, остался в живых? Как, наконец, могло случиться, что бабушка, узнав о смерти единственной дочери и обожаемого мужа, с которым она прожила пятьдесят пять лет, посинела, начала хватать ртом воздух, упала и умерла на пороге собственного дома еще до того, как перепуганная до смерти соседка успела позвать на помощь? Как она осталась одна?!

Ирина была домашней, благополучной девочкой. Она любила родителей и любила бабушку с дедушкой. Когда училась в школе, иногда ходила на дискотеки, но мальчишки там вели себя грубо, а девчонки глупо хихикали, поглядывая на ребят, говорили всякую ерунду, а после дискотеки обсуждали, кто с кем танцевал, кто на кого посмотрел и кто с кем целовался на заднем дворе школы. Ирину это не интересовало. Не интересовало это ее и позже, в институте, – она закончила свой филфак и вышла с никому не нужным дипломом и полным отсутствием того опыта, который почти неизбежно накапливает любая студентка за пять лет учебы. У нее была семья – вот что было важно! Она знала, что начнет работать, встретит своего мужчину, полюбит его, у них будут дети, и ее дети будут ездить на дачу к бабушке и дедушке так же, как раньше она сама. Книжки, кулинарные рецепты, свитер, связанный совместно с мамой, учеба – жизнь ее показалась бы скучной любому, кроме самой Иры. Подружек у нее не было, потому что им с ней было неинтересно, а она в них не нуждалась. Учителя в школе и преподаватели в институте ее любили – хорошая, послушная девочка, и уроки всегда делает в срок, и на любом семинаре готова отвечать. Чтение книжек и просмотр поучительных фильмов подготовили Ирину к тому, что, возможно, за свою будущую любовь ей придется бороться (правда, она не совсем понимала как), но не подготовили ее к одному – что все, что она имела в жизни, рухнет в один момент, когда ей будет восемнадцать лет.

Похороны прошли незаметно. Приходили коллеги отца и матери, говорили о чем-то, было много цветов... Если бы на следующий день Иру попросили ответить, на каком кладбище похоронены все ее родные, она не знала бы, что сказать. Вокруг была пустота. Несколько раз заходили сердобольные соседки, но, видя, что Ирина держится спокойно, не плачет, только смотрит вокруг каким-то странным, остановившимся взглядом, решили, что обойдется – переживет девчонка. Беда, конечно, страшная – да у кого беды не случаются? Взрослая, самостоятельная, с квартирой – найдет себе место в жизни, не заплутает. Они продолжали время от времени заходить к ней, но Ирине их визиты были так явно в тягость, что вскоре даже соседка по лестничной клетке перестала заглядывать каждый день, ограничиваясь дежурным звонком раз в неделю. А вскоре соседи узнали, что Ирина продает квартиру, и махнули рукой – все равно уедет.

Два месяца после смерти семьи Ира жила так: утром вставала, садилась к окну, долго смотрела во двор. Иногда выходила, чтобы купить хлеба и молока. Если бы кто-то ей сказал, что два месяца подряд она питается одним хлебом и молоком, то она не поверила бы. Хотя не замечала, что ест вообще. В голове ее вели разговоры бабушка с дедушкой, заканчивали какие-то споры родители, а

Ира возражала или, наоборот, поддерживала их. Иногда голова была пустая и легкая, и тогда она целый день смотрела на деревья за окном или на бегающих во дворе ребятишек. Когда темнело, ложилась спать.

Через два месяца она проснулась от телефонного звонка. Незнакомый голос с легким акцентом поинтересовался, не собирается ли она продавать квартиру? Есть хороший вариант для обмена, прямо около парка. Может быть, она подумает?

Ирина огляделась вокруг и увидела сантиметровой слой пыли, почувствовала запах плесени, заметила, словно в первый раз, все вещи, оставшиеся от родителей... Решение продать этот склеп пришло немедленно и было единственно верным и правильным. Надо все сменить. Все. А после она начнет новую жизнь.

Ирине показали предлагаемую ей квартиру, она очень быстро подписала какие-то документы и так же быстро оказалась... на улице. Милая паспортистка, прекрасно понимавшая, что она делает, когда передавала информацию о девчонке, оставшейся одной в трехкомнатной квартире, утешала себя: все равно той в наследство еще дом в деревне останется. Не пропадет. А ей самой деньги, полученные за информацию, необходимы были для лечения сынишки. Каждый крутится, как может.

В милиции, куда Ирина догадалась прийти, на нее посмотрели равнодушно и даже с легким презрением – смотреть надо, что подписываешь, чай, не девочка. И развели руками. В августе Ирина шла по городу, свежему после дождя, и в голове ее опять была та же пустота, что и после смерти родителей. Теперь она потеряла и квартиру.

Дача в деревне была расположена недалеко от Москвы. Ирина купила билет и на электричке поехала туда – сама толком не зная зачем. В деревне выяснилось, что, во-первых, у нее еще нет права собственности, а во-вторых, вряд ли оно вообще появится. Какой-то незнакомый мужик долго объяснял Ирине, что ее дедушка не оформил в свое время такие-то и такие-то документы, а без них... Она поняла только одно – продать домик она не может. Жить в нем – пожалуйста, но домик был чисто дачным, с маленькой печкой-голландкой, с продуваемыми всеми ветрами стенами. Бабушка с дедушкой приезжали сюда только на лето, ради урожая, который потом целый год кормил всю семью. Жить здесь круглый год было невозможно, да и не на что – деньги, оставшиеся от родителей, у которых за всю жизнь не собралось серьезных накоплений, заканчивались.

Ира вернулась в Москву, проведя ночь в пустом, стылом, промозглом дачном доме. Выйдя с вокзала, она огляделась вокруг и в первый раз поняла со всей четкостью и беспощадностью, что идти ей некуда. Коллег и приятелей родителей она не знала. Своих подруг у нее не имелось. Квартиру ее давно продали незнакомым людям, и туда даже идти было страшно. У нее остались только могилы .

Подумав про могилы, она вдруг осознала, что понятия не имеет, где похоронены ее родители и бабушка с дедушкой. Но, покопавшись в памяти, все-таки вспомнила название кладбища – Елабужское. Оно ей ничего не говорило, но добросердечная женщина в кассе подсказала, на какой автобус нужно сесть, чтобы туда добраться. Достав из кармана последние деньги, Ира купила билет и дождливым августовским днем поехала на кладбище – к своей семье. Сидя у четырех могил, огороженных низенькой убогой оградкой, она читала имена отца и матери на надгробиях и даты жизни и смерти. Ира просидела почти до вечера, когда чувство голода выгнало ее с кладбища и заставило, как собаку по запаху, подойти к маленькому магазинчику, в который подвезли хлеб.

Ирина зашла внутрь и долго смотрела, как пухлая продавщица сноровисто разбрасывает булки и буханки по полкам. Она и не думала ничего просить, но продавщица, глянув на нее, недовольно сказала:

– Иди, иди отсюда. Нечего тут попрошайничать.

Ирина повернулась и пошла прочь, поняв только одно – что стоять здесь ей нельзя. Она уже дошла до выхода, когда женщина опять окликнула ее:

– Эй, ты, ну-ка постой! На вот тебе...

Выйдя из-за прилавка, она сунула Ирине румяный, мягкий батон и подтолкнула к двери. Стоя под навесом и глядя на косые струи дождя, Ира откусывала хлеб большими кусками и, давась, торопливо глотала. Четверть батона она припрятала, хотя ей очень хотелось доесть и его. Но она

поняла, что завтра здесь может быть другая продавщица и она окажется не такой доброй. Нужно было подумать о том, где взять еды.

Со следующего дня посетители кладбища могли видеть у входа женщину неопределенного возраста, с землистым лицом, сутулую, которая молча стояла, положив возле ног невесть откуда взявшуюся коробку из-под конфет «Баунти». Коробка была совершенно неуместна для подаяния, но женщина этого не замечала. Она кланялась каждому, кто бросал какие-нибудь деньги в коробку, и смотрела перед собой невидящими глазами.

Поначалу Ирину пытались гнать местные нищие, но ей повезло – ее взяла под свою защиту Марья-искусница, толстая гнусавая баба лет пятидесяти, быстро передвигавшаяся на инвалидной коляске. Она сразу поняла, что новенькая не в себе, и взяла ее в оборот – привела в свой закуток, одела, как полагается (на голову – черный платок, на ноги – стоптанные кроссовки), научила креститься. С тех пор Ирина приходила ночевать к Марье-искуснице в ее убогую конуру, а днем стояла на своем обычном месте около ограды, крестясь и отбивая поклоны. По вечерам она шла на свои могилы, пока Марья-искусница распорядилась собранными ею деньгами – покупала в магазинчике бутылку портвейна и немудрящую закуску, а безмозглой девке, к которой она даже привязалась, – хлеба и чего-нибудь пожрать попроще.

Такая простая жизнь продолжалась до тех пор, пока однажды около Ирины не остановился приличного вида парень и, присмотревшись к ней повнимательней, не ахнул:

– Ирка! Елки-палки, Ирка Шемякина! Ты что, не узнаешь меня? Я Алеша. Алеша Тихонов.

Он смотрел на нее во все глаза, качая головой. Оживившиеся нищие подошли поближе, а Марья-искусница, почувствовав невнятную угрозу, подкатила к парню.

– Вы, молодой человек, кем ей приходиться? – лицемерно улыбаясь во весь беззубый рот, спросила она.

– Я ей прихожусь одноклассником, – ответил парень, покосившись на калеку. – Ирка, да что с тобой случилось?

Ирина только хлопала глазами, не зная, что объяснять этому настойчивому человеку. Она вспомнила, что когда-то они вместе учились, но никак не могла вспомнить где. И только когда парень, решительно взяв ее под руку, потащил куда-то за собой, в голове ее всплыло имя – Алеша Тихонов, единственный парень в их девчачьей группе, невесть каким ветром занесенный на филфак. Вечно он хватал кого-нибудь из девчонок под руку и, начиная что-то бешено втолковывать, утаскивал в курилку, чтобы поспорить от души. Девчонки над ним подшучивали, но беззлобно, а преподаватели иронизировали по поводу неумного темперамента студента.

Все это она вспомнила, пока парень открывал дверь машины и усаживал ее внутрь. Отъехав от кладбища на приличное расстояние, он обернулся и сказал:

– Так, Ирина, я тебя сейчас отвезу к себе, и ты мне все расскажешь. Где твои родители?

– На кладбище, – честно ответила Ира.

– Что – оба?! – ахнул Алеша.

– Да. И бабушка с дедушкой, – добавила она, потому что они лежали вчетвером, и не сказать об этом было бы нечестно.

Он замолчал. Ирина отвернулась и стала смотреть в окно. Машина тронулась с места, и через десять минут они заходили в подъезд многоэтажки. Пока поднимались на лифте, Ира с интересом рассматривала кнопки и пыталась составить из них дату смерти родителей. Ничего не получалось. Зато номер квартиры Алексея совпал с бабушкиным днем рождения, и это ее обрадовало.

Зайдя в прихожую, Ирина сделала два шага по коридору, недоумевающая, зачем ее сюда привезли, и тут увидела идущую ей навстречу пожилую женщину в черном платке. Лицо женщины показалось Ирине смутно знакомым, и она вежливо поздоровалась.

– Ира, – окликнули сзади.

Она обернулась и поглядела на Алешу, который уже разулся и смотрел на нее тем же странным взглядом, что и в машине.

– Ира, это зеркало, – тихо сказал он.

Не сразу поняв, что он имеет в виду, Ирина сделала шаг навстречу пожилой женщине в черном платке и с удивлением провела пальцем по стеклянной поверхности. Отражение... Всего-навсего ее отражение. Вот эта незнакомая женщина – она сама, Ирочка Шемякина, хорошая домашняя девочка, немного скучная, но очень правильная, у которой все будет хорошо в жизни, потому что

ее так любят бабушка, и дедушка, и мама, и папа. Которой в сентябре исполнилось двадцать лет, а она про это совсем забыла.

– Алеша, как же так? – непонимающе прошептала Ирина, вскидывая на него глаза. – Алеша, что же получается... Это – я? А мама с папой... они же умерли, Лешенька... Они же все у меня умерли...

Она упала на колени перед зеркалом и в первый раз с того момента, как услышала о гибели своих родных, разрыдалась. Ее колотило от слез, руки тряслись, но она ничего не чувствовала, кроме невыносимого облегчения, и не слышала собственных диких, разрывающих тело рыданий за ласковым голосом, шепчущим у нее над ухом:

– Бедная моя Иринка... Бедная. Ну поплачь, поплачь... Все прошло. Все прошло».

Глава 7

Некоторое время Даша сидела, глядя на исписанный листок в своей руке, потом еще раз перечитала историю. Какая-то догадка мелькнула у нее в голове и уже почти сложилась в слова, но тут громко, назойливо зазвонил телефон. Чертыхнувшись, Даша бросилась искать трубку, которая долго не находилась, но в конце концов обнаружилась в Олесиной комнате.

– Алло, – запыхавшись, выдохнула Даша, совершенно уверенная в том, что звонит Максим.

– Дарья Андреевна? – раздался в трубке уверенный мужской голос, показавшийся Даше знакомым.

– Да, я слушаю.

– Это Глеб Боровицкий. Дарья Андреевна, я хотел бы поговорить с вами. Сегодня в два часа вас устроит?

В первые секунды Даша слегка оторопела, но тут же собралась.

– Я не совсем уверена, что меня вообще устроит встретиться с вами, – медленно произнесла она и почувствовала, что человека на том конце провода ее слова удивили. «Потрясающая самоуверенность! – мелькнуло у нее в голове. – Ведь он даже не сомневался в моем ответе. Интересно, это воспитание Боровицкого или его дети сами по себе получились такие... убежденные в собственной правоте?»

– Дарья Андреевна, я все-таки убедительно прошу вас выбрать время для встречи. – Подумав, Глеб Боровицкий заговорил немного другим тоном: – В моих и в ваших интересах.

«Ну что ж, – подумала Даша, – уже имеется прогресс – он не ставит меня перед фактом, не заявляет, что чего-то хочет, а просит». Но вслух ответила иначе:

– Где вы хотели бы встретиться?

– В «Игуане». Бар находится на...

– Спасибо, я знаю, где находится «Игуана», – перебила его Даша. – Извините, но меня это место не устраивает.

– Почему? – удивился младший Боровицкий.

– Потому что это бар, ориентированный на гомосексуалистов, – объяснила Даша, стараясь удержать смехок. – Я против лиц с нетрадиционной ориентацией ничего не имею, но проводить встречи предпочитаю в более... э-э... традиционных местах. Хотя, если вы настаиваете...

– Нет-нет, не настаиваю, – заторопился Глеб Боровицкий.

– Тогда моя очередь предлагать, – сказала Даша. – «Мой Париж» вас устроит?

– Хорошо, – огласился Боровицкий. – В два часа.

И повесил трубку, не прощаясь.

Спустя три часа Даша вышла из маленького уютного кафе с таким выражением лица, что проходившая мимо женщина средних лет удивленно обернулась ей вслед. Глеб Боровицкий не любил тратить лишних слов и поэтому сразу предложил ей: треть стоимости квартиры наличными – и она передает ему с братом все права на недвижимость, как и собиралась вначале.

– В противном случае, – объяснял он, методично перемешивая в тарелке салат из чего-то проросшего, напоминавшего Даше замоченных в сметане гусениц, – вас ожидает длительный судебный процесс, и вовсе не обязательно, что он закончится в вашу пользу. Подумайте. Мы вас не торопим. И, пожалуйста, учтите еще одну вещь...

Вот из-за той самой «одной вещи» у Даши и появилось выражение лица, которое встречающая женщина определила как ушибленное. По словам Глеба Боровицкого, получалось, что Петр Васильевич ее самым беззастенчивым образом использовал.

– Поймите, Дарья Андреевна, – спокойно объяснял Глеб, – мой отец никогда и ничего не делал просто так. Никогда, понимаете? Если он общался с человеком, значит, был уверен, что знакомство с ним ему когда-нибудь понадобится. Если совершал добрый и вроде бы бескорыстный поступок – значит, в будущем он приносил отцу неплохую выгоду. Наш с Олегом отец был далеко не бездарным человеком, – тут Глеб невесело усмехнулся, – но основной его талант лежал вовсе не в профессиональной сфере. У папы, знаете ли, было потрясающее чутье на людей и на их поступки, если можно так выразиться. Отец вообще был прекрасным психологом. Ему нужно было посвятить себя именно этому роду деятельности, и тогда...

– Зачем вы мне рассказываете такие подробности? – резко спросила Даша.

– Чтобы вы понимали подоплеку поступков уважаемого вами Петра Васильевича, – не задумываясь, ответил Глеб. – С определенного возраста мы с братом перестали так легко поддаваться воздействию отца и разыгрывать роль марионеток в его любительских пьесах. А он всячески старался... не то чтобы нам отомстить, но поставить нас на место, показать – где он и где мы. Чтобы разыграть козырь с квартирой, в которой мы с братом действительно нуждаемся, ему нужен был кто-то вроде вас. Разыграть, так сказать, напоследок комедию в лицах.

– Не получается у вас, Глеб Петрович, – с искренним сочувствием сказала Даша. – Словечко «напоследок» портит всю картину. Ведь Петр Васильевич, когда встретился со мной, не мог знать, что его убьют через два месяца, правда? А значит, все ваши построения остаются только вашими построениями, и не более.

– Да, он не мог знать, что его убьют, – подтвердил тот, внимательно поглядев на Дашу. – Но ведь он знал о своей смерти...

– В каком смысле? – не поняла она.

– В том смысле, что отец был неизлечимо болен. И жить ему, по прогнозам врачей, оставалось не больше пяти-шести месяцев. Вы разве не знали?

Он сказал это так, что Даша сразу поверила. И теперь глядела, не понимая, на младшего Боровицкого, потом перевела взгляд в его тарелку с размоченными гусеницами. Жить Боровицкому оставалось не больше пяти-шести месяцев... То есть он знал, что скоро умрет...

– Но как же... – тихо проговорила она. – Он мне ничего не говорил...

– Что лишний раз подтверждает мою правоту, – пожал плечами Боровицкий-младший. – Откровенно говоря, я был уверен, что отец покончит с собой, но так получилось, что Горгадзе убил его раньше.

– Что вы несете?! – опешила Даша. – Почему Горгадзе? С чего вы взяли?

– А вы и этого не знали? – Глеб с нескрываемой усмешкой смотрел на нее. – Может быть, вы думали, что отец приезжает в тот дурацкий пансионат, чтобы писать свою несуществующую книжку? Ну конечно, он ведь такие хорошие декорации придумал – и ноутбук, и отдельный кабинетик для творческой личности... Только приезжал он туда вовсе не работать. Горгадзе, уважаемая Дарья Андреевна, – вот объект отцовской ненависти с того времени, как умерла мама.

– Неправда, – попыталась защититься Даша, – он редактировал его рукописи!

– Какие рукописи? – рассмеялся Боровицкий. – Хотя да, правда, Горгадзе что-то там такое писал. Только дело вовсе не в его писанине, а в том, что он – сводный брат нашей мамы, жены Петра Васильевича. Родственник, можно сказать, хоть и не кровный. Отец всю свою жизнь его ненавидел и до последнего пытался ему отомстить. За что, для вас не так уж важно. Это старая семейная история. Даже в доме престарелых не мог оставить его в покое – травил, травил, травил... И дотравился. Люди – не марионетки все-таки, могут с ниточек и сорваться.

– Но если вы знаете, то почему не расскажете следователю? – воскликнула Даша.

– А я ему все рассказал, – пожал плечами Боровицкий. – Доказательства искать – его работа, не моя. Я, честно говоря, считаю, что отец доигрался со своими играми. Вот только вас жалко – вы

продолжаете исполнять свою роль, хотя режиссер давно ушел. Поймите, Дарья Андреевна, вас тоже использовали. Я просто рассказал вам правду. Что делать вам дальше – решайте сами. Только помните, пожалуйста, что иногда от прихоти умершего зависят жизни живых.

Даша вошла в квартиру и старательно закрыла за собой замок на два оборота.

– Что, опасаясь воров в свете полученного наследства? – подал голос из зала Максим, пришедший сегодня неожиданно рано.

Даша не ответила. Она устало сняла туфли и опустилась на табуретку прямо в прихожей. Из зала вышел Проша и положил голову ей на колени.

– Хороший мой, хороший... – прошептала Даша, глядя его по голове. – Хорошая моя собака...

– Ужин разогреть на тебя? – хмуро спросил Максим, выходя из комнаты следом за Прошей.

Даша покачала головой. Максим явно не собирался мириться после вчерашнего, но сейчас это отступило на второй план после того, что она узнала от младшего Боровицкого.

– Дело хозяйское, – пожал плечами Максим и протиснулся мимо нее в кухню, но на полпути остановился, взглянул на жену сверху вниз. – Что случилось? – неожиданно спросил он.

– Что? – Она подняла на него глаза.

– Это я тебя спрашиваю – что? Что у тебя случилось? Опять со своими бурундуками поругалась?

– С барсуками, – машинально поправила его Даша и вздохнула. – Нет, не с ними. Я... мне... мне рассказали...

– Эй, ты не заревешь ли собираешься? – удивился Максим. – Ну-ка прекращай немедленно! Пойдем в кухню, и расскажешь, что там с тобой произошло.

Слушая Дашин рассказ, Максим сначала хмурился, потом недоверчиво качал головой, затем опять хмурился. Когда она наконец закончила, он откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Помолчал минуту и произнес:

– Значит, резюмируем. Больше всего тебя, конечно, расстроило, что Шерлок Холмс оказался опиумным наркоманом, а Ватсон при нем – кем-то вроде глуповатой дуэньи. Кстати, я тебе о возможности такого расклада, если ты помнишь, еще месяц назад говорил.

– Ну тебя! – всхлипнула Даша. – Тебе смешно, а у меня...

– Да-да-да, а у тебя свержение кумира, – перебил ее Максим. – Дашка, я не понимаю, чего ты переживаешь? Что принципиально нового сказал тебе отпрыск Боровицкого, если не брать в расчет предложение о квартире? Во-первых, что Боровицкий был неизлечимо болен. Только ведь Петр Васильевич совершенно и не обязан был говорить тебе о состоянии своего здоровья. Все в лучших традициях голливудских фильмов, правда? Вот я на его месте точно бы не сказал. Потом, то есть во-вторых: Глеб сообщил тебе, что Боровицкий якобы ездил в дом престарелых, чтобы мстить за давние обиды какому-то родственнику. Ты, кстати, его видела, того родственника?

Даша кивнула.

– И что?

– Он очень злобный и совершенно невменяемый старик. И Петр Васильевич тогда сказал...

– Да помню я, помню, – махнул рукой Максим. – Короче, если называть вещи своими именами, твой Петр Васильевич сказал тебе неправду. Или, по меньшей мере, далеко не всю правду. Но тут тоже нет ничего криминального – не захотел делиться с тобой подробностями семейной вендетты. А касаясь того, что он чуть ли не каждый день мотался в «Прибрежный», дабы насолить родственнику... Хм, что-то мне такая версия не очень нравится. Спорная она какая-то. И ты хочешь сказать, что вот эти два факта здорово поколебали твоё отношение к Боровицкому?

Даша неуверенно кивнула, пытаясь разобраться в своих ощущениях.

– Понимаешь, – наконец заговорила она, – у сына Боровицкого все так логично выходило – мол, Боровицкий меня использовал для каких-то своих игр, и он так убедительно подтвердил свои слова... Ненавистью отца к Горгадзе и болезнью самого Петра Васильевича... Я ему почти поверила! И для меня это действительно почему-то оказалось таким ударом, – призналась она.

Максим подсел к жене и обнял за плечи.

– Твой Глеб Петрович, – мягко сказал он, – преследует свои чисто практические цели. Честно говоря, Дашка, я удивлен, что какой-то хмырь вот так легко смог перевернуть твою картину восприятия взаимоотношений с человеком. А если тебе завтра кто-нибудь про меня всяких гнусных вещей нарасказывает, ты тоже поверишь? Тебе Боровицкий показался эдаким Макиавелли в

преклонном возрасте? Лицемерным двуличным типом?

Даша покачала головой.

– Ну так в чем же дело? Остался только один вопрос – с наследством. Да отдай ты им их чертову квартиру, раз тебе так хочется, и живи спокойно!

Даша подошла к окну, из которого виднелся уголок парка. Постояла молча, потом повернулась к мужу.

– Максим, а ведь он был прав, – задумчиво произнесла она. – Ты мне только что помог это понять.

– Кто прав? – не понял Максим.

– Глеб Боровицкий. Когда сказал, что его отец никогда ничего не делал просто так. Во всяком случае, насчет одного я уверена – насчет квартиры. Я все никак не могла понять, почему именно мне Боровицкий оставил ее в наследство. Ведь я ему никто, по большому счету. Так, дама с собачкой. А теперь поняла.

– И что же ты поняла? – заинтересовался Максим.

Даша помолчала, потом взяла со стола почти пустую чашку, поболтала в ней ложечкой и негромко закончила свою мысль:

– Петр Васильевич оставил ее мне, чтобы я нашла убийцу.

Следователь внимательно смотрел на листочек, принесенный ему оперативниками. Листочек, похоже, прежде чем попасть к нему, претерпел много всего: в него заворачивали сыр, на левую сторону проливали то ли вино, то ли сок... Но это было непринципиально. Принципиальной была схема – расположение комнат в пансионате «Прибрежный» с нумерацией и фамилиями жильцов. Получалось, что из пациентов возможность укокошить старикана-писателя имели только пятеро – те, кто жил на первом этаже. У всех остальных на пути к комнате Боровицкого должно было возникнуть непреодолимое препятствие в виде сиделки, дежурящей на втором этаже. А дамочка преклонного возраста клятвенно уверяла следователя, что никто мимо нее на первый этаж спуститься не мог, а из окна лазить... «Они бы из окна попадали, как переспелые груши, эти старички маразматические», – усмехнулся следователь. Итак, что имеется в деле: из пациентов дома престарелых остается шесть подозреваемых, плюс персонал. Вот персоналом-то и следует заняться вплотную – черт его знает, что там раскопал пронирливый журналист и по совместительству писатель. Кстати, та самая сиделка тоже могла его прикончить.

Следователь подумал немного и поднял телефонную трубку.

– Басова позови ко мне, – буркнул он, не здороваясь. – И побыстрее.

* * *

«Журналистом Егор был неплохим. Во всяком случае, так они говорили с Дианой, когда приходило время расплачиваться за съемную квартиру, подсчитывать, сколько потратили за прошедший месяц, и грустно смотреть на оставшуюся мизерную сумму, которой в лучшем случае хватило бы на средненькую помаду для Дианы.

– Егорушка, ведь ты неплохой журналист, объясни, ну почему тебе начальство так мало платит, а? – недоумевала Диана раз в месяц. – Ты бегаешь по любому поручению, люди тебе письма пишут в редакцию... Неужели твое начальство не понимает, что ты в конце концов уволишься? И где они второго такого найдут?

– Дианочка, родная моя, моему начальству все абсолютно до лампочки, будь я хоть тысячу раз неплохим журналистом, – отвечал ей стандартно Егор. – И больше оно мне платить пока не собирается.

Год Диана с Егором ждали, пока его газетное начальство осознает, какого ценного кадра может потерять, если немедленно не умножит его зарплату на два, а еще лучше – на три. Диана работала и даже зарабатывала какие-то деньги, но им хватало только-только на жизнь, как выражался приятель Егора Мишка Евсеев. «На жизнь вот только-только и хватает», – жаловался он, одновременно показывая размер того самого «только-только», который получался у него совершенно незначительным.

В конце года Диана что-то задумала. Она подолгу сидела в Интернете, отмахиваясь от

расспросов мужа, а вечерами стала выводить его прогуливаться по их райончику, причем затаскивала в самые неожиданные места. Месяц в ней оформлялась, вызревала какая-то идея, и вот однажды Диана, накормив мужа после работы сытным ужином, усадила его на диван и начала рассказывать о том, что же она обдумывала все последнее время.

– Егорушка, нам нужен собственный бизнес. Мы не можем достойно жить, работая на чужого дядю. Мы с тобой даже не можем накопить на первоначальный взнос, чтобы купить квартиру в рассрочку, а от родственников нам с тобой ничего не светит.

– Ну почему, есть же квартира у мамы, – попытался возразить Егор.

– Мы будем ждать, пока умрет твоя мама? – покачала головой Диана. – А что будет до того? Неужели мы с тобой, два взрослых умных человека, не сможем заработать себе на нормальную жизнь?

– Ну хорошо, что ты предлагаешь?

Четко и ясно Диана изложила мужу свою идею. Она хотела открыть недалеко от их дома пункт видеопроката – в районе не было ни одного.

– Если мы подойдем к делу разумно, то уже через полгода наш прокат начнет потихоньку окупаться, – убеждала она мужа. – Где пункт оптовой закупки, я знаю. А в сорок третьем доме сдается площадь на первом этаже. Там раньше парикмахерская была, помнишь? Места там, конечно, немного, но нам хватит.

– Дианочка, а где ты хочешь деньги взять, чтобы раскрутить дело? – хмыкнул муж. – Уж не в банке ли под грабительские проценты? Да и нам с тобой их, скорее всего, не дадут в банке.

– Нет, не там. Деньги я хочу взять у дяди Мишки Евсеева, – твердо, как о давно решенном, сообщила Диана.

Егор изумленно воззрился на нее и хмыкнул:

– Осталось уговорить Рокфеллера.

– Уговорю, – решительно сказала Диана, хотя в душе у нее такой уверенности не было.

Степан Иванович, дядя Мишки Евсеева, долгое время работал в администрации города, а потом ушел в бизнес, что было фактически одно и то же. Человек он был осторожный, недоверчивый и даже своему родному племяннику, оказавшемуся без работы, отказался помочь материально.

– Денег я тебе не дам, – так и сказал Мишке любимый дядюшка. – Если хочешь, могу отправить к Семенычу грузчиком на склад. На жизнь себе заработаешь, а там и работу найдешь по вкусу.

Предложение работать грузчиком Мишка с негодованием отверг, а на любимого дядюшку затаил лютую обиду. Поэтому, узнав о намерении Дианы поговорить со Степаном Ивановичем, он только расхохотался. Но Диана настаивала на своем, и Мишка в конце концов нехотя согласился.

Встретившись с бывшим чиновником, Диана начала было излагать ему свою идею, но Степан Иванович быстро перебил ее.

– Бизнес-план у тебя есть? – спросил он и, глядя на ее смущенное лицо, прибавил: – Без бизнес-плана нет и предмета для разговора. Пока у тебя только прожект. Сделаешь бизнес-план – приходи, побеседуем.

Диана просидела в Интернете четыре ночи, обсудила с мужем все возможные подводные камни, и в конце недели составила первый в своей жизни бизнес-план. И первый раз в жизни получила под этот бизнес-план деньги от богатого дядюшки Мишки Евсеева. Можно было открывать дело.

Четыре месяца они не просто работали – они вкалывали. Диана находилась в прокате постоянно, с утра до вечера, пока Егор утрясал все возникающие проблемы. А возникали они с периодичностью, которую почему-то принято называть завидной. Им отключали электричество, они долго убеждали пожарных, что помещение соответствует нормам, потом появились бритые ребята с убедительными голосами... Егор опасался, что Диана не выдержит напряжения, но она оставалась на удивление спокойной.

– Милый, это же как с ребенком, – как-то раз сказала она мужу, когда они, измотанные и выжатые своим прокатом до состояния простыней после стирки в стиральной машине, лежали в постели. – Первые «пеленочные» месяцы – самые тяжелые. Потом станет полегче, потом начнут резаться зубки, а затем станет совсем легко.

- А ты откуда знаешь? – спросил полусонный Егор.
- Книжки умные читаю, – усмехнулась Диана. – И не очень умные тоже.
- Ну, тогда придумай, как поощрять постоянных клиентов.

Диана придумала. Вся прибыль, которую они получали, поначалу шла на развитие – на рекламу и обустройство помещения, на всякие приятные мелочи типа карты почетного гостя или приобретения стульев, чтобы клиенты могли отдохнуть. Учет кассет сначала велся на карточках, но очень скоро Диана предложила перейти на компьютерную программу, и пришлось покупать компьютер, а потом еще учиться быстро управляться с ним. Егор придумал, как грамотно расставить стеллажи с кассетами и дисками, а вскоре стал привозить еще и аудиокассеты, на которые тоже нашелся покупатель.

Благодаря их стараниям прокат заработал, и заработал хорошо. Удачно выбранное Дианой место, реклама, а также качественное обслуживание сделали свое дело – в прокате почти постоянно были клиенты. Через четыре месяца Егор и Диана получили первую прибыль, то есть не все деньги целиком пошли на развитие проката, съедавшего вложения, как младенец фруктовое пюре, а кое-что осталось самим хозяевам. Спустя шесть месяцев они решили взять консультантами-продавцами двух девочек – доходы уже позволяли. Ровно год спустя после открытия их прокатного пункта Диана расплатилась с дядюшкой Евсеевым, а через месяц предоставила ему новый бизнес-план – под второй прокатный пункт. Они открыли его спустя два месяца и назвали «Свое кино».

Через четыре года сеть прокатных пунктов «Свое кино» работала по всему городу и насчитывала десять точек. Семейный бизнес Егора и Дианы оказался очень удачным во многом потому, что они идеально подходили друг другу. Там, где сдавался один, продолжал тянуть второй. Они стали очень чувствительны к желаниям и мыслям друг друга. Оба обнаружили, что время от времени полностью теряют интерес к интимной составляющей их жизни, и Егор придумал ей прекрасную замену – Диана массировала мужу спину и шею, а потом он ей ступни и лодыжки. После этого оба, полностью расслабленные, засыпали. Егор шутил, что теперь они могут обходиться без секса, но время показало, что желание никуда не делось – просто затихало на время, чтобы потом вернуться.

Со стороны их брак казался идеальным. Самое смешное заключалось в том, что таким он и был на самом деле. Иногда, глядя на мужа, Диана думала, как сложилась бы их жизнь, если бы они не поставили на ноги свой маленький бизнес, и каждый раз приходила к одному и тому же выводу: ничего бы не изменилось. Те безграничные благодарность и любовь, которые она испытывала к мужу, не могли зависеть от того, сколько денег они зарабатывают. Они вообще ни от чего не могли зависеть. И, счастливая от такой мысли, она засыпала у Егора на плече, а утром просыпалась с улыбкой».

Глава 8

Когда Максим понял, что пытается объяснить ему Даша, он вышел из себя.

– Знаешь, вот от тебя я подобного идиотизма не ожидал, честно тебе скажу! – зло говорил он, шагая взад-вперед по крохотной кухне. – Что значит «чтобы найти убийцу»? Ты на солнце перегрелась, что ли? Что ты вообще несешь?

– Максим, послушай меня, пожалуйста, – пыталась остановить мужа Даша. – Если Петр Васильевич знал, что скоро умрет, то все складывается.

– Ничего не складывается! Потому что складывать нечего!

– Есть чего, – упрямо стояла на своем Даша. – Помнишь, мы с тобой удивлялись тому, что он не сопротивлялся убийце? Так ведь оттого, что он и не хотел сопротивляться! Он знал убийцу и знал, что тот его убьет. Или предполагал.

– Черт с ним, с убийцей! – рявкнул Максим. – Я даже готов поверить, что твоему журналисту жить надоело, учитывая его болезнь. Но ты-то здесь при чем, а? И при чем тут его злосчастная квартира? Ты сама понимаешь, что говоришь?

– Я тут действительно ни при чем, – откликнулась Даша негромко. – Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Я ему никем не прихожусь. Он мне ничем не обязан. Тогда с какой стати Боровицкий оставляет мне трехкомнатную квартиру?

– Да потому что ему захотелось! – уже заорал, не сдержавшись, Максим. – Просто захотелось! Крыша поехала у старого идиота, понимаешь? А ты из-за его съехавшей крыши какую-то ахинею городишь!

– Да ничего у него не ехало! – крикнула в ответ Даша. – Он был здоровее нас с тобой!

– Ну, насчет тебя-то я не сомневаюсь, – ехидно бросил муж, немного успокоившись. – Хм, надо же такую бредовую идею выдать! Боровицкий оставил ей квартиру, чтобы она нашла убийцу... Какие-то детские игры, ей-богу...

– А он и в самом деле очень любил играть... – медленно заговорила Даша, и Максим замолчал. – Помнишь его придумку с дипломом? И разговоры со стариками в пансионате... Он не воспринимал их всех всерьез, я это только недавно поняла. Выслушивал, сочувствовал, но не принимал близко к сердцу. Потому что и тут была игра. Для него все, что он делал, – одна сплошная игра. Наверное, даже смерть казалась ему игрой.

– Если так, то твой Боровицкий был моральный урод, – жестко сказал Максим.

– Не знаю, – покачала головой Даша. – Я действительно не знаю, кем он был. Но перед смертью он решил сыграть еще в какую-то игру. Придумал правила и сделал меня игроком. Я абсолютно уверена. Потому что он так и сказал в своем письме. Вон, возьми, – она кивнула на комод, – и сам прочитай.

– И что же я должен там вычитать? – огрызнулся Максим.

– «Я же со своей стороны могу лишь немного компенсировать Вам затруднения, с которыми, полагаю, Вы неизбежно столкнетесь», – процитировала Даша уже запомненное наизусть. – Максим, как ты думаешь, какую компенсацию Боровицкий мог иметь в виду, а? Вот как раз квартиру. Других вариантов просто нет.

– О господи! – вздохнул Максим. – Даже если так и есть на самом деле, то неужели он до такой степени заигрался, что решил отправить тебя на поиски убийцы в пансионат? Дашенька, милая, согласись: получается нелепица, абсурд. Только в голливудских фильмах может быть такой сюжет, и то в самых паршивеньких. Ты что, будешь ползать по кустам, высматривая нянечку с кинжалом? Или санитарку с газонокосилкой? А других способов для поиска убийцы я не вижу. Я готов допустить, что примерно такие мысли и бродили в голове нашего доморощенного Холмса – на него очень похоже, судя по твоим рассказам, – но неужели ты думаешь, что тебе позволят бродить по пансионату и расспрашивать всех проходящих: «Ой, извините, а не вы ли случайно угробили писателя Боровицкого? Не вы, да? Ну, извините». Ты же не в детективе Агаты Кристи живешь, а в реальной жизни! Не исключаю, что Боровицкий под старость лет слегка съехал мозгами, и ты вслед за ним, но тебе я постараюсь их вправить.

– Есть еще один вариант, – помолчав, продолжала Даша. – Понимаешь, Боровицкий был очень необычным человеком. Идея с выслеживанием убийцы по следам или уликам его бы не увлекла.

– А что бы увлекло столь нестандартную личность? – с сарказмом поинтересовался Максим.

– Ребус, – коротко сказала Даша. – Он ведь очень любил мне всякие психологические загадки загадывать.

– Не понял... Что еще за ребус?

– Обычный ребус, – размышляла вслух Даша. – Максим, ты можешь спорить сколько угодно. Я все равно уверена, что так оно и есть...

– Да подожди ты! Какой ребус, можешь ты объяснить по-человечески или нет?

Даша присела на подоконник и подняла глаза на мужа.

– Истории, которые он вложил в конверт. В них сказано, кто убийца. Это и есть ребус Боровицкого.

Открыв рот, Максим смотрел на жену. Через пару секунд он спохватился:

– Да там ничего нет, мы же с тобой их читали!

– Значит, плохо читали, – возразила Даша. – До меня только сейчас дошло, что Боровицкий не зря так упорно знакомил меня со стариканами в пансионате. Он именно их и описывал, понимаешь? Их истории. Если мы с тобой пойдем, кто где описан, то пойдем, кто убийца. Наверное, так.

Максим несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

– Хорошо, допустим, – заговорил он ровным голосом. – Допустим, ты действительно вычитаешь из его историй, кто убийца. А что потом? Что потом?

– Не знаю, – призналась Даша. – Но Боровицкий, я уверена, и это предусмотрел.

– Мне даже представить страшно, что мог предусмотреть твой Боровицкий, – сквозь зубы процедил Максим. – То есть ты хочешь сказать, что если вычитаешь из историй, кто его прикончил, то оставишь квартиру себе?

– Оставлю, – кивнула Даша без тени сомнения. – Потому что Боровицкий мне ее затем и завещал. Как приз. А приз нужно заработать. Или выиграть. Вот тогда все будет честно.

– Черт с тобой, вычитывай, – махнул рукой Максим. – Никогда я твою перекошенную логику не пойму. Но чтобы к пансионату близко не подходила!

* * *

На следующий день Даша специально проснулась пораньше – у нее были планы, и осуществить их нужно было без Проши. Несмотря на недовольный вид пса, Даша быстренько пробежалась с ним вокруг дома и отвела обратно. Около лифта Прошка посмотрел на нее глазами Сталлоне, которому не дали роль, но на сей раз Даша была неприступна.

– Проша, у меня дела, – извиняющимся тоном сообщила она. – До обеда потерпи, потом нагуляешься. Хорошо?

Пес вздохнул совершенно по-человечески и пристроился на коврик в прихожей. Пройдя на цыпочках в зал, Даша взяла записную книжку и ручку, сунула в сумочку сотовый телефон и вышла из квартиры.

По дороге она обдумывала третью историю. Так же, как и в двух предыдущих, в ней не было совершенно ничего особенного – описание одной из тысяч семей, может быть, чуть более счастливых или удачливых. Кого же описывал Боровицкий? И почему он вообще заинтересовался историей жизни нескольких людей? Даша остановилась на дороге и попыталась приложить к кому-нибудь из тех старушек, с которыми знакомил ее Боровицкий, портрет Дианы. Ничего не получалось. Необходимо было поговорить со всеми, про кого рассказывал Боровицкий, и Даша полагала, что сделать это окажется не так-то просто. «Первый раз мне позволили беспрепятственно пройти на территорию пансионата, потому что меня позвала Римма Красницкая, – размышляла она, – но вряд ли Лидия Михайловна Раева обрадуется моему повторному появлению».

Сзади зазвенел предупреждающий звоночек велосипедиста, и Даша отошла на обочину. Затем двинулась, не торопясь, по тропинке, размышляя, что же такого убедительного сказать Раевой, чтобы та пустила ее в пансионат. Ничего не придумав, она решила сориентироваться по ситуации. «А может, и ориентироваться-то не придется, – тихо шепнул внутренний голос, – может, проскочим на авось, как в первый раз».

Однако, когда Даша приблизилась к ограде, стало очевидно, что «на авось» не получится. Как и прежде, ворота были гостеприимно распахнуты, однако перед ними стоял крепкий молодой человек в форме охранника и с бейджиком на груди. Надпись сообщала, что парня зовут Андреем.

– Простите, вы к кому? – вежливо осведомился он.

«Вот и закончилось мое расследование, не успев начаться, – мелькнула у Даши грустная мысль. – Очень так просто и незамысловато, вопросом „Вы к кому?“».

– Я к Раевой, – неожиданно для себя вдруг ответила она. И зачем-то прибавила: – К Лидии Михайловне.

– Подождите секундочку, пожалуйста, – так же вежливо попросил охранник и нырнул в будку. Но тут неожиданно на дорожке появилась сама управляющая.

«Из окна меня увидела, наверное, – догадалась Даша. – Сейчас выразит соболезнования и корректно объяснит, почему я не могу посещать их пансионат». И тут же вдруг сообразила, что нужно сказать. И даже готовые фразы возникли непонятно откуда в голове.

– Добрый день, Дарья Андреевна, – поздоровалась Раева, подойдя к ограде. На ней был темно-синий брючный костюм, подчеркивавший цвет серо-голубых глаз. – Чем могу быть вам полезна?

Она не пригласила Дашу зайти за ограду и сама осталась стоять в воротах.

«Так, на соболезнованиях решили не останавливаться, – подумала Даша. – Деловая женщина сразу перешла к делу. Что ж, стоит последовать ее примеру».

– Здравствуйте, Лидия Михайловна. Я просто хотела спросить: не будете ли вы против, если я иногда буду навещать некоторых пациентов? – спросила Даша, удивляясь собственной непонятно откуда взявшейся наглости.

Видимо, Раева тоже несколько удивилась, потому что во взгляде ее промелькнуло легкое недоумение.

– А, собственно, почему... – начала она, но Даша не дала ей закончить:

– Знаете, Лидия Михайловна, Петр Васильевич в своем завещании попросил меня дописать то, что он начал. Для меня его просьба очень важна. А еще Петр Васильевич объяснил мне, что вы очень хорошо относитесь к писателям и журналистам, потому что они могут оказать большую услугу вашему пансионату.

– А при чем здесь вы? – пожала плечами Раева. – Вы, простите, чем занимаетесь?

– Сейчас как раз тем, что дописываю книгу Петра Васильевича, – не моргнув, сообщила Даша, глядя прямо в глаза управляющей. – Мне, конечно, неудобно просить вас о таком большом одолжении, но Петр Васильевич всегда рассказывал о вашей отзывчивости...

Раева чуть отвернулась от Даши и посмотрела на пациентов, прогуливавшихся по дорожкам.

– Конечно, если сами пациенты будут против... – добавила Даша, теряя всю свою уверенность от молчания этой элегантной женщины. – Но я надеюсь, что... в общем, мне нужно совсем немного времени...

Она умолкла и уже собиралась полностью признать свое поражение, когда Раева заговорила, по-прежнему не глядя на нее:

– Если так хотел Боровицкий, то не вижу причин вам отказывать. Но хочу вас предупредить: если я замечу, что ваши визиты приносят моим подопечным вред, они будут немедленно прекращены.

– Разумеется! – обрадованно закивала Даша. – Спасибо вам большое!

Раева постояла еще некоторое время, словно собиралась сказать что-то, но просто отошла к будке охранника. Два негромких слова ему, кивок в сторону Даши – и она быстрой походкой двинулась по направлению к корпусу.

Даша посмотрела ей вслед, вздохнула и ступила на территорию пансионата.

Уже стоя около аккуратной скамейки под навесом, она сообразила, что у нее нет никакого плана. То есть общие его очертания имелись – побеседовать с теми людьми, с которыми общался Боровицкий, но она понятия не имела, с чего начать. Даша оглядывалась по сторонам в надежде заметить хоть одно знакомое лицо, но вдоль дорожек бродили безучастные старики, не обращавшие на нее ни малейшего внимания, а около здания никого не было видно. «Нужно обойти пансионат. Может быть, кто-нибудь гуляет на заднем дворе...» – решила Даша, обернулась и вздрогнула – по посыпанной гравием дорожке к ней быстро приближалась, размахивая руками, крупная женщина, в которой Даша узнала Ирину Федотовну Уденич, оставленную в доме престарелых усыновленными детьми.

Желание разговаривать с кем-либо, вспоминать Петра Васильевича улетучивалось у Даши тем быстрее, чем ближе к ней подходила эта пугающая ее женщина. Но когда Уденич приблизилась, она, вопреки опасениям Даши, не стала кидаться с кулаками, а, запыхавшись, задала вопрос:

– Вы что, кого-то ищете?

– Вообще-то ищу, – осторожно ответила Даша.

– Меня? – напрямую спросила Уденич, тяжело опускаясь на скамейку и силой усаживая Дашу рядом с собой. – Я так и думала, что вы меня будете искать. Как звать-то вас, я забыла...

– Даша, – ответила Даша, внимательно глядя Уденич в лицо. – Дарья Андреевна.

– Вы вот что, Дарья Андреевна, вы меня за сумасшедшую не держите, – попросила Уденич, и голос ее был голосом совершенно здорового человека. – Вам ведь Боровицкий велел со мной поговорить, правда?

Овета Даша сразу не нашла, поэтому промолчала, внутренне вся напрягшись.

– Знаю, знаю, можете не отвечать. Он только мне здесь доверял, а больше никому, и правильно делал. Они здесь все заодно! – Женщина наклонилась вплотную к Даше, понизив голос до глухого шепота: – И даже те, на кого никогда не подумаешь, тоже.

– Что значит – заодно? – тоже тихо спросила Даша, которой стало не по себе.

– Дурой-то не притворяйся, – вполголоса произнесла Уденич, оглядываясь. – Петр Васильевич много чего узнал – люди ему все рассказать хотели, ну чисто как исповеднику. Многие и

рассказывали, а потом как поняли, что наделали, так и... Ты осторожно тут ходи! И не разговаривай ни с кем, кроме меня, поняла?

– Ирина Федотовна, расскажите мне, пожалуйста, все, что знаете, – попросила Даша.

– Да что рассказывать-то? – удивилась Уденич. – Ты и сама все знаешь. Убивают нас здесь, голубушка моя, вот и весь рассказ. Петр Васильевич как про то узнал, так и сел свою книжку писать – хотел преступление века раскрыть. А оно вон как обернулось... Теперь тебе нужно все вместо него закончить. Вот и заканчивай. А я чем смогу помогу. Раз уж эти отродья решили меня до смерти здесь довести, я хоть напоследок одно дело хорошее сделаю.

Позади Даши раздалось покашливание, и ехидный старческий голос произнес:

– Ваше хорошее дело, Ирина Федотовна, вас в медицинском кабинете ждет.

Даша с Уденич вздрогнули и обернулись – прямо за скамейкой, в зарослях золотых шаров стояла Виктория Ильинична Окунева, престарелая балерина, и с нежной улыбкой смотрела на Уденич.

– Ах ты, господи! – захлопотала Уденич. – Мне ж на укол пора, а я и забыла!

– Там Сонечка про вас уже два раза спрашивала, – медовым голосом сообщила Окунева, поглядывая на Дашу.

– Бегу, бегу уже...

Ирина Федотовна неловко оторвала от скамейки свое грузное тело и правда почти бегом, переваливаясь с ноги на ногу, заковыляла к пансионату.

– Простите, деточка, я с вами даже не поздоровалась, – мило улыбнулась Виктория Ильинична, покачивая в такт словам белокурой головкой.

На долю секунды Даше показалось, что перед ней стоит ожившая фигурка из часов и что сейчас Окунева, не переставая улыбаться, сделает книксен и под бой часов скроется в тех же зарослях, из которых появилась так неожиданно. Но вместо этого бывшая балерина грациозно присела на краешек скамейки рядом с Дашей, так прямо держа сухощавую спину, что Даша тоже распрямила плечи.

– Виктория Ильинична, простите за нескромный вопрос, а кто были ваши родители? – внезапно спросила она у собиравшейся что-то сказать Окуневой.

– Мои родители? – слегка удивилась та, вздернув тонкие, в ниточку, брови. – Они, к сожалению, были далеки от искусства. Мама всю жизнь преподавала основы кройки и шитья, а отец работал на заводе.

– А ваш муж? – аккуратно спросила Даша.

– Я, деточка моя, не любила связывать себя всяческими узами, – пожала плечами Окунева. – Все-таки в них есть что-то очень мещанское. В моей жизни была большая любовь, но, увы, мой избранник не был свободен. И он так и не смог преодолеть предрассудки.

– Преодолеть предрассудки – значит бросить жену и детей и стать вашим любовником? Или стать им, не бросая жену? – полюбопытствовала Даша, внезапно почувствовав, что ее бросает в дрожь от холодноватой, насквозь фальшивой собеседницы. Как она могла так ошибиться в ней при первой встрече? Или это слова Боровицкого, рассказавшего про сына Окуневой, так подействовали на нее?

– Вы еще очень юны, Дашенька, и многого не понимаете, – снисходительно заметила Виктория Ильинична, совершенно не обидевшись. – Есть много вещей, которые для обывателя выглядят странно, даже неприемлемо, но для людей искусства...

Она не закончила, мечтательно уставившись на клумбы. На бледных щеках появился легкий нежный румянец, и профиль бывшей балерины стал похож на камею.

– А ваш сын тоже человек искусства? – тихо спросила Даша.

Превращение, в одну секунду произошедшее с камеей, ошеломило ее. Окунева молниеносно повернула к Даше лицо, из бледно-розового ставшее пунцовым, и прошипела:

– Мой сын сдохнет в яме под забором, понятно вам? Под забором! А вы... – Она отстранилась от Даши и теперь стала похожа на змею, изготовившуюся к броску. – Вы что, с ними заодно, да? Это он вас прислал сюда?

– Виктория Ильинична, что с вами? – оторопела Даша. – Какой сын? Я пришла, потому что Боровицкий...

– Сдох твой Боровицкий, – неожиданно тихо произнесла Окунева, чуть склонив набок голову и глядя на Дашу с каким-то нездоровым воодушевлением. – Вынюхивал тут, лез не в свои дела и сдох.

Даша секунду пристально смотрела в серые глаза, потом вскочила и быстро пошла прочь от

скамейки. За ее спиной раздался негромкий смех. Не выдержав, она обернулась и увидела, что Окунева посмеивается, глядя ей вслед, как воспитанный человек посмеивается хорошей шутке. Даша ускорила шаг и до поворота ощущала позвоночником взгляд, от которого у нее по спине бежали мурашки.

Завернув за кусты, она умерила темп, обдумывая сказанное Окуневой. Но мысли пришли в такой беспорядок, что Даша не могла ничего сообразить, кроме одного – Окунева не подходит ни под одну из прочитанных ею историй. Если только... если только Боровицкий не придумал очередную загадку в загадке и на самом деле его истории следует понимать не в буквальном смысле. «Надо с Максимом посоветоваться, – решила Даша. – Он обязательно что-нибудь подскажет».

Следовало бы поговорить еще с несколькими обитателями «Прибрежного», но на Дашу короткий разговор с бывшей балериной произвел такое тягостное впечатление, что она заколебалась – стоит ли ей сегодня продолжать то, что она наметила сделать. Незаметно Даша дошла до здания пансионата и остановилась у входа. Ее в который раз поразило, что не видно ни одного охранника, хотя Боровицкий не раз говорил ей, что территория дома престарелых очень хорошо охраняется. Отступив от двери на несколько шагов, Даша подняла голову и стала вглядываться в окна на втором этаже, сама толком не понимая, что надеется там увидеть. За аккуратными кружевными занавесками вроде бы не наблюдалось никакого движения. В крайнем окне, правда, почудился мелькнувший силуэт, но это просто ветер качнул ткань, залетев в приоткрытую форточку. Еще пару секунд Даша пристально смотрела в заинтересовавшее ее окно, но потом, тряхнув головой, словно отгоняя непрошенные мысли, развернулась и медленно побрела прочь от корпуса.

Однако мысли не отгонялись, настойчиво возвращаясь вновь и вновь. В пансионате и людях, обитающих здесь, ощущалось нечто странное. Даша не могла объяснить, что именно, но прикладывала все усилия к тому, чтобы понять. Дело ведь не только в том, что некоторые старики вроде Окуневой производят такое... гнетущее впечатление, дело в чем-то еще. Или она фантазирует?

Дойдя до ворот, она обернулась и окинула взглядом голубоватый корпус, над которым плыли низкие осенние облака. Да, все аккуратно и даже красиво. Со стен не сыплется штукатурка, стекла в окнах не потрескались, а клумба с георгинами перед входом ухожена, так же как и все в этом месте. Даша постояла еще секунду, оглядывая здание, и тут взгляд ее снова упал на то самое окно с голубой занавеской. Сейчас там ясно виднелась какая-то фигура. Даша готова была голову дать на отсечение, что человек в окне смотрит на нее, но никак не могла понять, кто же там стоит. Она сделала несколько шагов назад, в сторону дома, но тут человек отошел в глубь комнаты, и снова только голубые занавески качались от ветра.

Даше в который раз стало неприятно, она поежилась и быстро пошла через лесопарк.

Человек увидел давно поджидаемую им женщину неожиданно – она вынырнула откуда-то из-за кустов, и в первую секунду он даже не понял, что не так. Дамочка шла быстро, низко опустив голову и не глядя по сторонам, и это было ему очень на руку. Не хватает еще, чтобы она начала глазеть куда попало. А потом он вдруг осознал, что насторожило его, и чуть не присвистнул от радости и охватившего его охотничьего азарта. Собака! Рядом с этой сукой не было собаки!

Человек радостно осщерил зубы – ему понравился собственный незамысловатый каламбур, и он, стараясь держаться за кустами и деревьями, бросился догонять женщину. Он подбежал все ближе и ближе, пока не оказался на расстоянии десяти шагов от нее. Теперь он просто шел за ней, стараясь не сокращать и не увеличивать дистанцию, и быстро обдумывал, что же делать дальше. С одной стороны, делать ничего не нужно было. С другой – такой удобный случай мог больше не выпасть, и им стоило воспользоваться.

Даша услышала шорох, когда выход из парка был совсем рядом, и вздрогнула. Первым побуждением ее было позвать Прошку, но в ту же секунду она вспомнила, что пес остался дома. Даша обернулась, вглядываясь в уже поредевшие кусты и деревья, и различила замершую за ними фигуру. Она не двигалась, просто стояла, и ей пришла в голову глупая мысль – это тот же человек, который смотрел на нее из окна пансионата. Но Даша тут же поняла, что такого не может быть. Если только он не кинулся бежать за ней сразу же, как только она отвернулась от окна, а это было очень сомнительно...

– Простите, вам что-нибудь нужно? – громко спросила Даша, не сводя глаз с фигуры за кустами.

В ответ раздался негромкий звук, напоминающий смешок, и ей стало не по себе. Истории об

убийствах и изнасилованиях в парках всплыли у нее в голове, и Даша сделала шаг назад, ощутив под подошвой мягкую, пружинящую листву. Человек за кустами тоже шагнул вперед. Теперь Даша была уверена, что это мужчина, но, как ни старалась, не могла рассмотреть его лица. «Глупо, – промелькнула мысль, – очень глупо нападать на человека среди бела дня. Здесь может ходить кто угодно...» Но человек за кустами двинулся к ней, и Даша сделала единственно правильную вещь, которую могла сделать, – молниеносно развернувшись, она помчалась по дорожке, стараясь думать только об одном – куда правильно ставить ногу, чтобы не поскользнуться и не упасть. Не оборачиваясь, она знала, что человек бежит за ней, и знала, что если он догонит ее, то ей никто не поможет.

Он бежал за ней, грязно матерясь про себя, запоздало понимая, что нужно было сразу же бросаться на эту стерву, а не стоять и наслаждаться ее растерянностью и страхом. Но кто мог знать, что сучка рванет с места, как спринтер! Для немолодой бабы она бежала очень быстро, и его подхлестывала злоба из-за того, что она так обманула его ожидания. Он забыл про собственную безопасность, забыл о том, что во дворах могут быть люди, он хотел только одного – догнать ее.

Даша почувствовала, что задыхается. Она полностью выложились в парке, и теперь, когда до подъезда оставалось пробежать совсем немного, ее начало охватывать отчаяние. Господи, какой-то бред! Я сейчас начну кричать, подумала она, но тут же поняла, что на ее крик никто не успеет отреагировать, а если и успеет, все равно будет уже поздно. На ходу сунув руку в карман и нащупав ключ от подъезда, она с ужасом осознала, что около подъезда-то он ее и догонит, потому что она не успеет отпереть дверь. Но, завернув за угол дома, Даша увидела перед собой широко распахнутую дверь, которую, наверное, в очередной раз забыла закрыть старушка с первого этажа. Взлетев по ступенькам, Даша потянула на себя тяжелую дверь и успела увидеть, как резко разворачивается почти добежавший до ее дома человек, как он бежит обратно.

Сердце бешено колотилось. Дрожащими руками Даша вызвала лифт и чуть не закричала в голос, когда на ее площадке в сторону мусоропровода метнулась какая-то тень. Но это оказалась соседская кошка, и Даша истерически рассмеялась. Она почти спокойно вошла в квартиру, разулась, повесила на место куртку и погладила вышедшего ей навстречу Прошу, который настороженно и недоуменно посмотрел на хозяйку.

– Все в порядке, мой дорогой, – тяжело дыша, сказала Даша, ощущая, что страх растворяется рядом с собакой. – Все в порядке. Я больше без тебя гулять не буду.

Она взяла телефонную трубку, быстро набрала номер и произнесла ровным, лишь чуть запыхавшимся голосом:

– Ты не мог бы приехать? За мной в парке гнался какой-то человек, он меня очень испугал. Да, пожалуйста. Спасибо, я тебя жду.

Потом села на табуретку в кухне и разрыдалась.

Римма Красницкая, много лет назад

Римма, не торопясь, шла по тротуару, щурясь от яркого солнца. День был чудесный, солнечный и теплый, а вовсе не жаркий.

«Ре-пе-ти-тор, ре-пе-ти-тор», – звонко выстукивали ее каблучки по мостовой. Римма всегда носила высокие каблучки – во-первых, потому что сама была маленького роста, а во-вторых, потому что считала, что две вещи делают женщину настоящей женщиной: каблучки и шляпка.

Шляпки, положим, на ней сегодня не было. А каблучки были всегда – даже дома Римма носила маленькие туфельки, что очень нравилось Васеньке.

– Пигалица ты моя, – ласково приговаривал муж, надевая ей на ноги лодочки. – Красота неопишная!

И Римма продолжала цокать по дому на каблучках, к возмущению соседей. Но на них они с Васей не обращали внимания. Пускай себе в тапках ходят, если хотят.

Сегодня Римма шла на занятия к очередному мальчику, решившему подтянуть свой французский язык для поступления в институт. Мальчик был неплохой, старательный, и заниматься с ним Римме нравилось. Ей вообще нравилось ее дело – нравилось приходить в чужие квартиры, незаметно осматриваться в них, нравилось уважение, которое проявляли к ней и ученики, и их родители.

Особенно – родители. Некоторые начинали заискивать, но этого Римма не любила.

А больше всего нравилось ей, когда в прихожей уже перед самым ее уходом ей протягивали конвертик – мягкий, чуть помятый. И она неторопливо расстегивала молнию своей модной сумочки (чтобы хозяева успели оценить и прелесть сумочки, и неторопливость ее жеста) и опускала туда конвертик. Вжик – застегнула молнию, кивнула хозяевам с высоты своих метра пятидесяти шести сантиметров, попрощалась – и домой, домой, выстукивать каблучками «по-лу-чи-ла, по-лу-чи-ла».

Еще пять лет назад Римма решила, что жить так, как окружающие, они с мужем не будут. А будут... Нет, не шиковать, конечно, но и не бедствовать. Главное – иметь возможность позволить себе чуть больше, чем те же соседи в тапочках. Вот чего хотела Римма и в чем она убеждала мужа.

Василию, положим, было труднее, чем ей. Хоть и врач он хороший, и больница, где он работал, – одна из лучших в городе, но больше зарплаты не заработаешь – опасно. Опасностей Римма не любила. А вот она сама вполне могла к своей зарплате преподавателя прибавить конвертики, которых постепенно становилось все больше и больше: Римма Красницкая была хорошим репетитором. Последний год они с Васей наконец-то смогли позволить себе покупать и мелочи всякие приятные, вроде той же сумочки или перчаток, и чуть-чуть откладывать. «А пальто Васеньке какое чудное купили!» – вспомнила Римма Сергеевна и заулыбалась. Но улыбка быстро стерлась с ее лица: она вспомнила, что ей предстоит принять до сих пор неприятное решение.

Неприятное решение было связано с просьбой ее старой приятельницы Катьки Черненко. Они дружили с первого курса института – Римма, Катька и две Наташи, Наташа Красько и Наташа Бородина. К легкомысленной Катьке Римма относилась слегка покровительственно и свысока, а вот перед обеими Натальями чуть робела – особенно перед Бородиной. Та была вся такая безупречная, говорила всегда правильно и красиво, да и поступала всегда тоже правильно и красиво. Пока Римма бегала по своим ученикам, Бородина заканчивала аспирантуру и справедливо считалась самой умной из приятельниц.

А вот Катюха была самой бестолковой. И не потому, что училась плохо – нет, способности к языкам у Черненко были прекрасные, она их схватывала на лету, – а потому, что на двадцать втором году жизни ухитрилась забеременеть от какого-то симпатичного провинциала, да еще оказавшегося женатым. Римма поморщилась: «Женатый провинциал... Фу, какая пошлость!»

И полбеда, что забеременела. Неприятность, конечно, но поправимая. А вот то, что Катька решила рожать, Римма понять и оправдать не могла. Она постаралась объяснить подруге, на какую безбожную глупость та идет, но Катька никого не слушала.

– Римка, я его так хочу! – с сияющей улыбкой заявила она, морща веснушчатый нос.

– Кого? – не поняла Римма.

– Да ребенка же! – рассмеялась Катька. – Пусть он будет на моего оболтуса похож! Нет, лучше на меня – я красивее!

И залилась счастливым смехом.

– Катенька, милая, но как же ты жить-то будешь? – с оторопью спрашивала Римма (Катерина жила с бабушкой в коммуналке, родители ее давно погибли, помогать молодой матери некому).

– Ну как... как все живут, – пожимала плечами Катька. – Да ладно, Римусь, прорвемся! У меня же ты есть и две Наташки. Вот как станете все моего Сашуньку нянчить – я на вас посмотрю!

– Почему Сашуньку?

– Да потому что я уже имя придумала. Пусть будет Сашенька. Красиво, правда?

Римма смотрела на Катьку, не понимая – как можно быть настолько беззаботной? У нее самой уже был муж, да и родители в крайнем случае помогли бы, но она все равно не собиралась рожать. Нет, если вдруг, не дай бог, и случится беременность – только на аборт! Ведь работать нужно, зарабатывать, а какая работа с ребенком на руках? Конечно, есть ясли, но...

Что «но», Римма и сама не могла толком определить. Но точно знала одно: Катька делает огромную глупость, рожая ребенка бог знает от кого.

А Катька и в самом деле родила – Римма до последнего не верила, что это случится. Действительно назвала малыша Сашенькой, заливалась над ним счастливыми слезами и умилялась тому, как он сосет грудь – причмокивая, пуская молочные пузыри.

Римма в то время как раз нашла нескольких хороших учеников и крутилась-вертелась на своих каблучках с утра до позднего вечера: утром – занятия в школе, вечером – с учениками. Так что к Катьке она заглядывала редко и только от Наташи Красько время от времени узнавала: ребенок

заболел, ребенок выздоровел, Катька очень похудела, она страшно недосыпает. Римма на все подобные новости особо внимания не обращала: конечно, болезни, конечно, бессонница – а чего ж еще ожидать? Все же ребенок – не игрушка. И даже какое-то скрытое удовлетворение испытывала от того, что беззаботность Катькина была хоть и немного, но наказана.

А вскоре раздался звонок в дверь, и Римма увидела на пороге самую Катьку – бледную, встрепанную, с некрасивыми зеленоватыми кругами под глазами.

– Привет, Римусь, – устало сказала Катька. – Сашуньку бабушке оставила на полчаса. Чаем напоишь? Поговорить надо.

Римма поила Катьку чаем с вареньем и, закрыв дверь, чтобы Васеньке не мешать разговорами, слушала Катькин рассказ. А точнее, не рассказ – просьбу.

– Трудно мне, Римусь, – призналась Катька, поднимая на подругу покрасневшие глаза. Щеки у нее стали впалые, она похудела, и даже пышная грудь, Катькина гордость, куда-то исчезла. – Что недосыпаю – ерунда. Только вот жить нам с бабулей тяжело – на одну ее пенсию много не покушаешь.

– Кать, у нас с Васей никаких... – Римма споткнулась, подыскивая слово, – никаких запасов нет...

– Да нет, я не про запасы, – покачала головой Катька. – Римм, у тебя сейчас учеников много, мне Наташа рассказывала. Пожалуйста, порекомендуй меня кому-нибудь, а? Мне бы только до годика Сашку дотянуть, а там я его в ясли отдам, работать устроюсь. Не могу я его сейчас чужим людям доверить, такого маленького.

– А твой... оболтус ничего не платит тебе? – нерешительно спросила Римма.

Катька закатила глаза к потолку.

– Но если на алименты подать, или как там это делается... – предложила Римма. – В конце концов, он же отец, пусть отвечает. Если через суд нельзя, так просто найди его, поговори. Согласится, наверное, не захочет семью губить.

– Стыдно мне, Римм, – помолчав, ответила Катька. – Стыдно, правда. Как будто я чужое хочу забрать. У него ведь своя жена есть, да и дети, кажется. Нет, не могу.

«На алименты подавать стыдно, а учеников моих забирать не стыдно?» – мелькнуло в голове у Риммы, но она промолчала.

– Пожалуйста, Римусь, – повторила Катька. – Порекомендуй меня, я тебя не подведу. Ты же знаешь, что не подведу!

Римма только кивнула.

И вот теперь, идя на занятие, она с возмущением думала о том, в какое неудобное положение поставила ее Катька своей бестактной просьбой. Во-первых, нужно объяснять родителям, что теперь их чадо будет учить не она, Римма, а ее подруга. Еще не обязательно, что все согласятся. Но самое главное – лично она потеряет хороших клиентов! Потеряет не просто деньги, но и репутацию, в конце концов. Не зря же она зарабатывала ее! И в смысле материальном сколько она потеряет, пока найдет новых учеников... Причем летом, в самое неподходящее время... А все из-за чего? Из-за Катькиной глупости!

Римма даже остановилась и сердито топнула каблучком. Ну надо же! Ведь когда Римма предупреждала ее, Катька и слушать ничего не хотела, а теперь требует, чтобы Римма ради нее пожертвовала тем, что важно для нее самой. Да еще как важно!

«Отказаться?» – подумала Римма, но тут же отвергла эту мысль. Во-первых, выглядеть будет нехорошо: подруга попросила о помощи, а она отказала. Во-вторых, Катька обязательно расскажет обоим Наташам, и они, конечно же, осудят Римму, особенно Бородина. А ее мнением Римма дорожила, не говоря уж о том, что именно Бородина порекомендовала Римму двум очень хорошим семейным парам с детьми-подростками. Платили те хорошо, и приходиться к ним в дом было приятно. Если принципиальная Наташа рассердится, то больше никаких рекомендаций Римма от нее не получит. Самое обидное, что никто не знает, как важны для Риммы ее частные уроки. А узнают – обзовут обидно стяжательницей, мещанкой, хотя Римме просто хочется жить нормально, вот и все.

От расстройства Римма проскочила нужный ей дом, и пришлось возвращаться назад. А вдобавок ветер налетел непонятно откуда, и она замерзла в тонкой летней блузке. Все не так, все некстати!

У подъезда на скамеечке сидели три бабушки в кофтах. Пробегая мимо них, Римма услышала обрывок разговора.

– Да не подходит он ей, не подходит! – убеждала одна бабулька остальных, неодобрительно

качая головой. – Ничего хорошего у них не выйдет!

– Да ладно тебе каркать, может, и выйдет, – возражала вторая.

Все трое поздоровались в ответ на Риммино приветствие, и Римма заскочила в подъезд, зябко поживаясь. Что же ей делать с Катькой?

Но в голову ничего не приходило. Только, как назло, навязчиво лезли голоса старушек. «Не подходит он ей...» Интересно, что там за мужчина или парень? И почему не подходит?

Римма остановилась, потому что ее неожиданно осенило, что нужно делать дальше. Ну, разумеется! Так никто не останется в обиде. Разве что Катька, но та сама виновата. В конце концов, нельзя быть такой безответственной да еще и разруливать свои сложности за счет подруг...

Первую неделю своего репетиторства Катя летала, как на крыльях. Римма передала ей трех своих учеников, и Катька каждый день бегала на занятия, старательно готовилась, повторяла то, что подзабыла сама. Она очень хотела понравиться родителям и поэтому утром долгое время проводила перед зеркалом, умывая лицо холодной водой, чтобы лучше выглядеть. Бабушке, конечно, приходилось тяжело с Сашенькой, но Катька успокаивала себя и ее тем, что это только на время. Зато к осени можно будет пальто купить, Сашке курточку потеплее... «Ничего, прорвемся!» – привычно повторяла себе Катька.

А в конце недели к ней зашла Римма. Ей явно было не по себе, и Катька поняла, что новости у подруги плохие.

– Кать, мне так жаль... – заговорила Римма, вздыхая. – Но они хотят заниматься со мной, а не с тобой.

– Как? Все... все трое? – упавшим голосом спросила Катька, садясь на табуретку в прихожей. Из ее комнаты раздался требовательный Сашкин плач.

– Да, Катюш, все, – кивнула Римма. – Ты не расстраивайся, я постараюсь тебе других учеников найти. Просто... все родители – они очень требовательные, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Катька. – Да, Римм, я понимаю, конечно.

Римма выскочила из квартиры с легким сердцем. Ну вот, все устроилось просто замечательно! Катьке в голову не придет рассказывать подругам, что она провалила все занятия и качество ее преподавания не устроило родителей учеников. А если и придет – вряд ли кто-нибудь усомнится. Все знают, что Римма – хороший репетитор. А то, что Римма сама предупредила родителей о том, что на неделю ее будет замещать подруга, – никого не касается. Все-таки Катька сама виновата в своих сложностях, а значит, и отвечать должна сама.

Римма улыбнулась и зацокала по дорожке к дому. «Вы-кру-ти-лась, вы-кру-ти-лась!» – весело напевали каблочки.

Глава 9

– Я хочу, чтобы ты немедленно вышла из игры. Потому что это уже не игра.

На сей раз Максим не ходил по кухне, а сидел напротив Даши.

– Максим, там что-то не так.

– Даша, ты слышала меня? – повторил муж спокойно. – Я запрещаю тебе появляться в пансионате.

– Совсе не обязательно, что тот... – она запнулась, – ...что тот человек связан именно с пансионатом. Может быть, он просто...

– Безобидный маньяк, – кивнул Максим. – Дашенька, я больше не собираюсь обсуждать с тобой данную тему. С квартирой ты можешь делать все, что тебе угодно. Я тебе советовать ничего не буду. Но чтобы ноги твоей в пансионате больше не было!

– Там что-то не так, – негромко, но упрямо повторила Даша, и у Максима возникло желание стукнуть жену по светловолосой голове чугунной сковородой.

Он представил себе не очень большую, но толстую, с аккуратной деревянной ручкой сковородку и помотал головой. Такой у них дома не было. Была у его бабушки, которая пекла на ней блинчики,

но бабушка давно умерла, а Дашка пекла блины на здоровенной тефлоновой сковородке...

– Ты зря головой трясешь, – прервала Даша его воспоминания. – Максим, поверь мне, пожалуйста! В «Прибрежном» что-то происходит. Пансионат... он как фасад, понимаешь? Я понимаю сама, что это все очень мелодраматично, но ведь Боровицкого и в самом деле убили! Там пациенты какие-то странные... и директриса, Лидия Раева, тоже... Знаешь, она очень не хотела разрешать мне разговаривать со стариками. Она даже в лице изменилась, когда я попросила. Но все равно разрешила.

– Господи, да совершенно понятно, что управляющая не хотела тебя туда пускать, – вздохнул Максим.

– Нет, Максим, ты меня не перебивай, – покачала Даша головой. – И эта Уденич, которая детей усыновляла, а они ее потом в дом престарелых отдали... она тоже говорила...

Перед Дашей как будто вновь стояла неопрятная тяжеловесная женщина в тренировочных штанах и потертом свитере навывпуск и шептала: «Убивают нас здесь, голубушка моя, вот и весь рассказ».

– Максим, она же сказала, что их там убивают! – Даша посмотрела на мужа широко открытыми глазами. – А я ее слова как-то мимо ушей пропустила. Ну, знаешь, чего только старики не выдумают!

– Правильно, – согласился Максим. – А после твоего забега по парку ты сразу стала ко всему серьезнее относиться, да? После того, как тебе самой чуть было голову не оторвали, идиотка ты безмозглая!

Голос его сорвался на крик. Даша быстро вскочила, подошла к мужу и крепко обняла его.

– Максимушка, прости меня, пожалуйста, – быстро зашептала она. – Я больше без Проши никогда ходить не буду!

Максим отстранился и взглянул на жену.

– Ты вообще больше никуда ходить не будешь, хоть с Прошей, хоть без Проши, – почти спокойно сказал он.

– Максим, но ты же понимаешь, Уденич вполне могла говорить правду! – Даша сделала круг по кухне и вернулась на табуретку. – И какой-то человек смотрел на меня из-за занавесок. А потом кто-то пытался меня догнать. Наверняка тут все связано!

– Да я почти не сомневаюсь, что связано, – кивнул Максим. – Очень может быть, что в этом последнем пристанище, или как там приют называется, в самом деле что-то нечисто. Но ты в этом участвовать не будешь. Банально, конечно, но пусть все странности и убийство Боровицкого расследует наша доблестная милиция.

Даша отвернулась к окну и какое-то время смотрела на волны желто-красных листьев в парке. А потом тихо сказала:

– Буду, Максим. Буду.

«Сковородка... – подумал Максим. – Самое лучшее, что можно придумать. Стукнуть по любимой голове, чтобы сама не мучилась и меня не мучила». Он потер виски и налил себе стакан воды из-под крана.

– В графине есть, – не оборачиваясь, заметила жена. – Не надо всякую отраву пить.

Максим отпил воды, поморщился и выплеснул воду в раковину. Собственно говоря, все дальнейшие его слова были сейчас бесполезны – он хорошо знал свою жену. В некоторых вопросах она становилась непостижимо упрямой, и пересилить ее было невозможно. Подобных ситуаций возникало всего две-три за всю их совместную жизнь, но и их хватило, чтобы Максим хорошо запомнил интонацию, с которой Даша говорила о принятом решении. Этакую немного извиняющуюся, будто ей самой неловко за то, что она не может уступить. Именно так она только что сказала: «Буду, Максим. Буду». Все. Больше темы для обсуждения у них не было.

«Разводом ей пригрозить, что ли?» – тоскливо подумал он, и тут Даша произнесла:

– Помоги мне, пожалуйста, Максим. Я без тебя не разберусь.

Максим начал смеяться.

– Ну, Дашка! – сквозь смех выдавил он. – Правду говорят: наглость – второе счастье! Ты даже не хочешь подумать о том, каково мне будет думать, что тебя угробить могут в том мерзком пансионате, но мало того – меня же еще просишь о помощи. Ну ты, мать, обнаглела!

– Максим, я всего лишь хочу выяснить, о ком писал Боровицкий в своих рассказах, – твердо сказала Даша, обернувшись к нему. – Я не собираюсь шастать по пансионату ночью. Я просто

несколько раз встречусь с некоторыми стариками. Уверена, что мне хватит, чтобы понять – кто из них кто. И без Прошки я больше ходить не буду, а с ним на меня вряд ли кто-нибудь вздумает напасть. Но с твоей помощью я все сделаю гораздо быстрее, понимаешь? – Она помолчала и негромко добавила: – Пойми, я не могу бросить это дело. Не могу.

Максим уселся прямо на пол и взглянул на Дашу снизу.

– Ладно, давай подумаем вместе. Предположим, твой пансионат – какая-нибудь база перевалки наркотиков, – довольно весело заявил он. – Почему бы и нет, а? Очень популярная сейчас тема, какой канал ни включи – везде то поле конопли найдут под глухой деревушкой, то большой начальник устроит грамотный наркотрафик. Правда, хорошее объяснение! Только тогда, – продолжал он, не давая жене себя перебить, – Прошка тебя ни от чего спасти не сможет, безумная ты моя женщина! Тебя просто пристрелят в том же лесопарке, и хорошо, если мы с Олесью сможем оплакать твой изуродованный труп. А скорее всего, и не найдем ничего.

– Максим, хватит глупости говорить, – поежилась Даша. – Нет там никаких наркотиков.

– Хорошо, пусть будет разработка нового лазерного оружия, – согласился Максим.

– Да ну тебя!

– Милая моя, ты сама себе противоречишь. То говоришь, будто в пансионате что-то не в порядке, то отказываешься верить в реальную угрозу, исходящую из него. Кстати, – нахмурился Максим, – а почему заведующая вообще пустила тебя в пансионат? Ты ведь совершенно посторонний человек...

– Я ее припугнула, – призналась Даша.

– То есть как припугнула? Чем? Пистолетом, что ли?

– Понимаешь, я вспомнила все, что Боровицкий мне рассказывал о пансионате, и намекнула: мол, если она меня не пустит, я шум подниму. Вот она и согласилась.

Максим ошарашенно смотрел на Дашу.

– Слушай, у тебя вообще есть мозги в голове, а? – наконец спросил он. – Если там действительно очень серьезное дело затеяно, то ты выбрала самый худший способ выяснить о нем.

– Серьезное, но не настолько, – покачала головой Даша. – Максим, поверь мне, пожалуйста, как только мы с тобой раскроем, кого из пациентов Боровицкий зашифровал в своих рассказах, мы пойдем, кто убийца. Может быть, ребус Петра Васильевича вовсе и не имеет отношения к тому, что в пансионате что-то неладное.

– О! – поднял палец Максим. – Первую разумную мысль услышал от тебя за сегодняшний день! До нее был сплошной бред душевнобольной.

– Тогда сдашь меня в тот же пансионат, когда состарюсь, – посоветовала Даша. – Максимушка, ты мне поможешь? Я без твоих мозгов не обойдусь.

– Ладно, – сдался Максим. – Но договариваемся – если еще раз за тобой кто-нибудь погонится или просто испугает тебя, ты выходишь из игры. Договорились?

– Договорились, – кивнула Даша.

– Тогда пошли читать, что нам еще твой Боровицкий припас, возьми его нелегкая.

* * *

«Инна столкнулась с этой бабушкой в августе, когда в их доме сломался лифт. Она поднималась по лестнице и услышала над головой пыхтение и вздохи. Посмотрев вверх, Инна обнаружила то, что и следовало ожидать, – раздутые бледные ноги в синих ручьях вен и две хозяйственные сумки.

– Подождите, пожалуйста, – позвала она. – Я вам сейчас помогу.

И быстро поднялась к ногам и сумкам. Низенькая бабушка, вся красная и потная от напряжения, умоляюще смотрела на нее.

– Доченька, уж помоги, а? – выдохнула она. – Совсем сил никаких моих нет. Что ж с этим лифтом-то делается?!

Инна бодро подхватила сумки, оказавшиеся ужасно тяжелыми, и поволокла их наверх. Старушка что-то бормотала, но Инна не вслушивалась. Она обдумывала рецепт салата, которым собиралась порадовать своего Витеньку сегодня вечером.

– Доченька, пришли, – раздался голос сзади.

Затаскивая сумки в квартиру, Инна машинально отметила ее запущенность.

– Ты уж прости, милая, что так не прибрано у меня, – засуетилась старушка неизвестно отчего. Будто Инна была долгожданной гостьей.

Ее суетливость и жалкая интонация так резанули Инну, что она неожиданно сказала:

– Меня Инной зовут.

– А меня Марьей Васильевной, – ответила старушка. – Давай, доченька, ты со мной чайку попьешь, а? Я вот и печенье купила.

Инна собиралась отказаться, потому что дома ждали уборка, и салат, и еще куча неотложных домашних дел, но взглянула на сумки, на распухшие ноги и неожиданно для самой себя согласилась.

За чаем, заваренным в большом чайнике с красными цветами и неперменным золотым ободком по краю крышки, Марья Васильевна рассказала о своей немудреной жизни: муж у нее давно умер, дочь уехала в другой город и о матери последние десять лет не вспоминает.

– Поссорились мы с ней, – рассказывала Марья Васильевна, кроша по столу дешевое печенье. – Я уж и не помню почему. Мы с дочкой все время ругались. А потом она письмо прислала – мол, все, мама, хватит тебе меня воспитывать. А я что – напрашиваться буду? Да никогда!

Старушка собрала пальцами крошки и задумчиво ссыпала их в свой чай.

– Марья Васильевна, что вы делаете? – спросила Инна.

– А? Что? – удивилась та. – Так ведь чай-то несладкий! Вот посластишь – и вкусно!

Она прихлебнула чай и расплылась в улыбке. Инна пододвинула к себе сахарницу и заглянула под крышку. Аккуратно закрыла и отодвинула обратно.

– Витя, ты себе не представляешь, – рассказывала она вечером мужу, ходя по комнате. – У нее там серные головки от спичек!

– Очень даже представляю, – отозвался супруг. – Бедная, одинокая женщина, определенно начала впадать в детство. Таких стариков – тьма-тьмуца! Жалко их, конечно...

На следующей неделе Инна заходила к Марье Васильевне дважды. Сначала принесла продукты, потом привела квартиру в порядок. Старушка бегала за ней по комнаткам, причитала, благодарила и всячески мешала. Зато под конец, когда Инна стала прощаться, вынесла из комнаты фарфоровую кошечку с отбитым хвостом и торжественно сказала:

– Деточка, это тебе, на память! Я тебя, милая, еще со школы помню. Ты мне всегда нравилась.

Инна взяла кошечку и дома долго не знала, куда ее пристроить. Безделушка невыносимо раздражала ее, но выкинуть не поднималась рука. В конце концов Инна спрятала фигурку в дальний ящик и села писать письмо дочери Марьи Васильевны. Адрес она посмотрела в адресной книжке, которая лежала у старушки на видном месте.

Спустя две недели пришел ответ. Супруг дочери в краткой записке посоветовал Инне больше не беспокоить его жену и не совать нос в чужие дела. Последняя фраза привела Инну в недоумение. «Хотите денег – идите в милицию», – написал мужчина.

– Ну не нужна она им, не нужна, – объяснил ей вечером Виктор. – Больная старуха, что ты хочешь...

Инна хотела, чтобы больная старуха жила где-нибудь в другом месте и не имела к ней, Инне, никакого отношения. Или чтобы лифт не ломался, и она никогда бы не встречала Марью Васильевну.

Потому что ей, Инне, хотелось жить своей жизнью, заниматься любимой работой, проводить время с любимым мужем! А вместо этого почти каждый день она заходила к Марье Васильевне, готовила еду, периодически убирала в ее квартире и выслушивала то детский лепет, то вполне связные речи – в зависимости от того, насколько хорошо чувствовала себя старушка.

Два раза Инна, сжав зубы, заставляла себя идти домой, а не к больной старухе. Но у нее перед глазами вставала жалкая сутулая фигура, и Инна чувствовала себя последней сволочью.

– Милая, ты у меня просто мать Тереза, – удивленно шутил Витька.

Инна пыталась объяснить ему, что она и хотела бы бросить свою благотворительность, да не может. Но муж ее не понял.

– Не хочешь ходить к бабушке, так не ходи. Какие проблемы? – сказал он. – Совесть мучает? Совесть должна мучить ее дочь. А ты помогла уже всем, чем могла.

Конечно, Виктор был прав. Но только в теории. А на практике Инна попала в зависимость от собственной совести. Теперь она заходила к Марье Васильевне каждый день, включая выходные. Муж сначала недоумевал, потом начал сердиться.

Инна с нетерпением ждала их совместной поездки в Париж, которую они наметили полгода назад. Но за три дня до их отъезда Марья Васильевна свалилась с сердечным приступом. Инна примчалась в больницу, насовала денег всем, включая уборщицу, долго добивалась беседы с врачом... И уже совсем решила, что вот сейчас уедет домой, как вдруг молоденькая медсестра взяла ее под руку и быстро повела за собой.

– Вообще-то у нас не полагается пускать посторонних, – нашептывала медсестра, – но для вас и вашей бабушки...

Инна застыла в дверях, глядя на жалкое лицо с закрытыми глазами. Сделала шаг и почувствовала, что под ногами что-то хрустнуло. Таракан. Жутко воняло хлоркой и чем-то отвратительным, прокислым. Марья Васильевна открыла глаза и застонала. Лицо у нее было в чем-то желтом, уголки губ запеклись.

– Принесите мне воды и губку, – сказала Инна медсестре непререкаемым тоном, ненавидя себя.

Девочка выскочила за дверь и через минуту вернулась.

– Выйдите, пожалуйста, – вежливо и отстраненно попросила Инна, как она разговаривала со всеми сотрудниками своей фирмы.

Как и сотрудникам, медсестре не пришло в голову возражать этой красивой и властной женщине. Инна осталась одна. Она умыла Марью Васильевну, привела в порядок кровать, а потом набрала номер мужа.

– Витенька, – сказала она в трубку, – я не смогу поехать. Марья Васильевна заболела...

Вернувшись домой после приступа, Марья Васильевна совершенно впала в детство. Виктор так и не простил жене, что они не поехали в Париж. Все соседи в доме благословляли Инну, а соседка по площадке так и сказала ей:

– Инночка, голубушка, дай вам бог здоровья за вашу доброту! Если б не вы, Марья Васильевна давно бы уже померла!

Сознание зацепило одно слово – «померла». Инна представила, что Марья Васильевна больше нет, и поняла, что ей нужно сделать.

Один за другим она перебирала планы убийства и от каждого отказывалась. Удушить женщину она бы не смогла. Утопить – трудно физически. Вытолкнуть из окна? Устроить удар током?

По утрам Инна смотрела в зеркало и не узнавала свое лицо. Неужели это она, Инна Востокова, владелица преуспевающей фирмы? Это она обдумывает, как избавиться от старушки, которой сама же и начала помогать?

«Ты в ответе за тех, кого приручил», – звучало у нее в ушах, когда она делала очередную попытку бросить Марью Васильевну на произвол судьбы. Но теперь поступить так было совершенно невозможно – старушка стала почти беспомощной. Инна наняла сиделку, но после работы не могла не зайти в маленькую квартирку, в которой пахло болезнью. И, глядя в пухлое улыбающееся лицо, ненавидела и его, и себя, и собственную ненависть. У нее начинали дрожать руки, и однажды сиделка удивленно спросила:

– Что с вами, Инна Владимировна? Вам плохо? У вас даже лицо перекошено.

«Пора кончать с этим, – поняла Инна. – Иначе я сойду с ума».

В среду вечером она вышла из лифта возле квартиры Марьи Васильевны, обдумывая идею с передозировкой. И сразу на нее обрушились голоса:

– Инночка, беда-то какая!

– Инна Владимировна, – голос сиделки, – я не виновата! Она сама встала...

– Все там будем... Да уж и возраст-то у нее был...

Дверь распахнулась, и санитары вынесли в мешке тело.

«Умерла! – поняла Инна. – Сама умерла!»

Счастье и облегчение нахлынули на нее. Такое беспредельное счастье и облегчение, что она чуть не задохнулась. Инна закричала, лицо залило слезами, и она почти упала на колени перед мешком. Кто-то подхватил ее под руку, соседки отвели Инну в сторону, уступая дорогу двум небритым мужикам с носилками. В суете кто-то проговорил:

– Батюшки! Инна Владимировна, бедная, как убивается-то! Любила покойницу, прими господь ее душу.

Инна закрыла глаза и с облегчением потеряла сознание».

* * *

– Все, милая, – сказал Максим, дочитав рассказ и откладывая рукопись в сторону, – твои построения ни к черту не годятся.

– Почему? – насторожилась Даша.

– Потому что из всех историй к твоим богатеньким стариканам может подходить только первая. А во всех остальных, если ты заметила, есть приметы времени. И они никак не могут относиться к событиям сорокалетней давности, а то и больше. Вот, погляди... – Максим порылся в листах и выудил один из нижних. – Про девочку-сироту, Ирину... Эпизод с паспортисткой не мог произойти тридцать лет назад. И двадцать тоже не мог. А какую, скажи, пожалуйста, милостыню она просила на кладбище?

– Да я и сама знаю, – начала было Даша, но муж не дал ей договорить.

– А про журналиста с женой? – повысил он голос. – Что за бизнес они ставили на ноги? Видеопрокатный! В Советском Союзе? А уж последняя история с бизнесвумен и несостоявшейся поездкой в Париж – просто курам на смех! Что мы тут с тобой пытаемся найти?!

– Да подожди ты, дай сказать! – рассердилась Даша. – Я уже думала над этим, как раз хотела с тобой посоветоваться. Пойми, вовсе не обязательно, чтобы Боровицкий конспектировал их биографии. Даже, скорее всего, наоборот. Я думаю, что каждая история – что-то вроде аллегории. Понимаешь, история из прошлого, переведенная на язык нашего времени.

– Ты хочешь сказать, – задумчиво произнес Максим, – что Инна могла быть, скажем, преуспевающим партийным функционером?

– Ну да, что-то в таком роде. Не забывай, что Петр Васильевич был писателем, любящим всякие ребусы и загадки.

Максим покивал головой и сложил листки аккуратной стопочкой.

– Хорошо, – согласился он, – вполне возможно. Тогда тебе будет еще сложнее определить, к кому какая история подходит. Кстати, ты заметила, что рассказ про Инну и старушку – первый неправильный рассказ? Твой Боровицкий описал небольшой эпизод, причем в самых мрачных оттенках.

– А мне как раз показалось, что не в самых мрачных, – возразила Даша. – Ведь она же бабушку не убила, правда?

– Слабое утешение, – пробормотал в ответ муж. – Между прочим, Дашка, это первая история, где участвует старый человек. Как в доме престарелых. Тебя это не наводит ни на какие мысли?

Даша старательно покопалась в своих мыслях.

– Нет, Максимушка, не наводит, – с сожалением призналась она.

– А меня наводит. По-моему, концовка немного притянута за уши.

– В каком смысле?

– В таком, что Марья Васильевна подозрительно вовремя умерла. Может, на самом деле Инна убила старушку? А Боровицкий историю зашифровал. Дописал счастливый конец, вроде как все само собой свершилось. И что мы тогда имеем?

– Что мы тогда имеем? – повторила Даша, осмысливая предположение мужа.

– Мы имеем первый рассказ, в котором совершается убийство.

Глава 10

Идя через лесопарк к пансионату, Даша тревожно оглядывалась по сторонам. Но о человеке, гнавшемся за ней, ничего не напоминало. Под падающими с деревьев листьями неторопливо

прогуливались мамы с колясками, косясь на Прошу. Даша дошла до «Прибрежного», уложила пса в кустах, которые уже начали редеть, и стала осматривать скамейки в поисках знакомых лиц.

Еще вчера они с Максимом решили, что на роль Инны подходят два человека – бывшая балерина Окунева и «божий одуванчик» Римма Сергеевна Красницкая.

– А мать-героиню, Уденич, ты исключаешь? – спросил Максим.

Даша подумала и кивнула.

– Понимаешь, Уденич совершенно не подходит под описание Инны, – объяснила она. – В рассказе Боровицкого Инна занимается своей карьерой, а Ирина Федотовна никогда работе не уделяла внимания. Она всю жизнь растила детей.

– Пожалуй, ты права, – согласился Максим. – Осталось узнать, кто же такая Инна – Окунева или Красницкая.

Именно этим Даша и собиралась заняться, стоя утром перед зданием пансионата «Прибрежный». Но ни той, ни другой старушки не было видно. И тут она заметила Уденич, торопящуюся к входу.

– Ирина Федотовна! – окликнула ее Даша.

Но женщина не отозвалась, и Даше пришлось догонять ее.

– Ирина Федотовна!

Та вздрогнула и обернулась. Лицо у нее было красное, потное.

– Что с вами? – сочувственно спросила Даша. – Вам помочь?

Уденич махнула рукой.

– А, ничем мне не поможешь! Опять эти приезжали, – презрительно кивнула она головой в сторону ограды, – разозлили меня, дуру старую. Тебе, говорят, здесь лучше будет! А сами, поди, ждут не дождутся, когда меня врачи отравят.

– Ирина Федотовна, а с чего вы взяли, что вас травят? – осторожно сказала Даша.

– Да разве ж у меня глаз нету? – усмехнулась та. – Кого хошь спроси – тебе все скажут. Только на ухо, чтоб заведующая не услышала! Ладно, пора мне...

Уденич развернулась и быстро поковыляла к пансионату. Даша задумчиво посмотрела ей вслед, а потом решительно пошла к выходу.

Как она и предполагала, дети Уденич не успели далеко уйти. Их было двое – толстый небритый мужчина и высокая изможденная женщина лет сорока.

– Простите, пожалуйста! – позвала их Даша.

Она представилась и в двух словах пересказала то, что совсем недавно говорила ей Уденич.

– Ваша мама утверждает, что в пансионате убивают пациентов, – негромко закончила Даша. – Я понимаю, что это не мое дело. Но, может быть, ваша мама что-то заметила?

Женщина и мужчина переглянулись. Затем дочь Уденич нехотя сказала:

– Знаете, наша приемная мать, – подчеркнула она слово «приемная», – очень больна.

– И не контролирует, что говорит, – добавил ее брат.

– Мне кажется, вам нужно меньше обращать внимания на фантазии стариков, – закончила женщина. – Да, а кто вы вообще такая? Почему вы разговариваете с нашей матерью?

– Я... я просто знакомая, – немного растерянно сказала Даша.

– Послушайте, просто знакомая, не лезьте-ка вы лучше не в свое дело! – посоветовал мужчина.

Они прошли мимо Даши и скрылись за деревьями. Даша смотрела им вслед в недоумении. Потом пожала плечами, позвала Прошу и отправилась домой. Визит закончился неудачей.

Ночью Ирине Федотовне не спалось. То деревья скрипели за окном, то в соседней комнате раздавались голоса. «Комната, как же! – усмехнулась она. – Палата, как есть палата...»

Голоса стали громче, и Уденич узнала один из них – принадлежащий той тощей злобной воoble, Окуневой. Голоса становились все громче, скандальнее. Ирина Федотовна разозлилась. Кряхтя, она вылезла из-под одеяла и прошлепала босыми ногами по ковровой дорожке.

– Эй, вы! А ну тихо! – рявкнула она, высунувшись в коридор.

Голоса стихли.

«Ой, зря я шумела – сейчас сиделка придет и устроит мне...» – с запоздалым испугом подумала Ирина Федотовна, боявшаяся всех людей в белых халатах, как огня. И точно – по лестнице застучали каблукы. Уденич быстро прикрыла за собой дверь и притаилась, со страхом ожидая стука. Однако

сиделка процокала мимо. «На улицу вышла, – подумала Ирина Федотовна. – И чего ей на улице понадобилось в полночь, а?»

Ирина Федотовна накинула халат, сунула ноги в тапочки и вышла в коридор. По ногам потянуло холодом. Женщина двинулась к выходу, но тут у нее за спиной скрипнула дверь, и она резко обернулась.

– Кому тут еще ночью не спится? – настороженно спросила она.

Никто не отозвался. Уденич вперевалку дошла до двери и остановилась у поста охранника. Пусто. «Ну и дела... Куда ж наш цербер подевался? – удивилась она. – Может, и он на улицу отправился?»

Женщина толкнула тяжелую дверь. На нее пахнуло ноябрьской ночью – промозглой, сырой.

Сиделки не было видно. И охранника тоже. «А может, по коридору вовсе и не сиделка ходила, а кто другой? – спросила сама себя Ирина Федотовна. – Только кто другой будет ночью по больнице шастать?»

Она сделала по дорожке пару шагов и заметила тени за кустами. Прищурившись, женщина подошла поближе... и тут в сердце ее кольнуло. Раз, а затем другой. Уденич схватилась за грудь и начала заваливаться набок. Тени то приближались, то отдалялись. Она закричала, но из горла вырвался только слабый хрип. Ирина Федотовна упала на мокрую траву, закрыла глаза и вдруг увидела, что за тень перед ней. «Это же Павлик! – поняла она. – Павлик, Павлушечка!» Сын бежал по берегу моря и махал ей рукой. «Иду, милый, иду!» – крикнула она и побежала за ним...

На следующее утро Даша еще издалека заметила высокую фигуру за воротами. «Виконт!» – вспомнила она прозвище старика, удивительно идущее ему. Оставалось только вспомнить его имя.

– Добрый день, – улыбнулась Даша, подходя к нему. «Все-таки до чего же элегантный джентльмен! Один синий костюм чего стоит!»

– Приветствую вас, Дарья Андреевна, – поклонился Виконт. – Но, боюсь, день сегодня не самый добрый.

– Что-то случилось? – насторожилась Даша.

– Увы. Ирина Федотовна скончалась.

– Ирина Федотовна? Уденич? Не может быть! – ахнула Даша.

Старик покивал, сочувственно глядя на нее.

– Тело только что увезли, – сказал он. – Я не смогу присутствовать на похоронах, к сожалению. Но хотя бы трауром обязан почтить память Ирины Федотовны.

– Как же так... – проговорила Даша, – как же так?..

Она хотела сказать, что этого не может быть – ведь только вчера Уденич ругала своих детей, жаловалась на пансионат и на то, что ее хотят...

– Как она умерла? – быстро спросила Даша.

– От сердечного приступа, – вздохнул Виконт.

«Очень, очень вовремя умерла Ирина Федотовна от сердечного приступа! Еще вчера ее дети посоветовали мне не лезть не в свое дело, а сегодня – раз! – и проблемы уже нет», – передернуло Дашу, и она схватила Прошу, покорно стоящего рядом, за холку. Пес недовольно заворчал, и она пришла в себя. «Иван Сергеевич Яковлев», – неожиданно всплыло у нее в голове имя Виконта.

– Иван Сергеевич, а как она умерла? – спросила Даша.

– Довольно странно, – задумчиво ответил Яковлев. – Ирину Федотовну нашел охранник в двух шагах от выхода. Она зачем-то пошла ночью одна на улицу, даже не одевшись. Зачем? Этого нам с вами, Дарья Андреевна, уже не узнать.

Он вздохнул, поклонился Даше и побрел по дорожке – высокий, похожий на грустного грача.

Иван Яковлев, много лет назад

Иван Сергеевич женился поздно: в тридцать два года. Окружающие его люди искренне недоумевали, когда образовался столь необычный союз: интеллектual и умница Иван Сергеевич и коротышка Машенька, которую никто и никогда не звал иначе, чем уменьшительным именем. Глупенькая она была. Глупенькая и какая-то... недоразвитая.

Да, вот так прямо и грубо и говорил о ней Володька Берцов, приятель Ивана Сергеевича, –

бабник, красавец, любимец женщин. Правда, следует признать, что Володька так относился к Машеньке только поначалу, в первые год-два ее с Иваном семейной жизни. А потом как-то постепенно выяснилось, что не такая уж Машенька и недоразвитая. И глупенькой, пожалуй, ее тоже не назовешь. Все-таки, значит, знал Иван Сергеевич, что делал, когда взял простушку Машеньку в жены, при том, что вокруг полно было своих институтских красавиц, студенточек и аспиранточек. В общем, раздолье для молодого, красивого преподавателя, подающего большие надежды.

А он выбрал Машеньку – глупышку с короткими белыми ручками и бессмысленными глазками навывате. Познакомились они, как это часто бывает, на дне рождения у общей приятельницы, которая обожала собирать у себя знакомых из самых разных кругов. Иван Сергеевич хорошо помнил, как там, на том дне рождения, гости подшучивали над Машенькой, а та в ответ радостно-глуповато улыбалась. Ни одной из шуток она не понимала, что еще больше веселило гостей, из которых половина относилась к интеллектуальной элите – так они сами себя называли. Иван Сергеевич, безусловно, принадлежал к данной половине, но он над Машенькой не смеялся.

Они поженились через три месяца после встречи.

Иван Сергеевич знал, что он открыл свою жену. Да-да, сделал самое настоящее открытие, какое можно сделать в физике или математике, например. Он сразу, с первой встречи, знал, на что способна его жена, и Машенька полностью оправдала его надежды.

Она была необыкновенно восприимчива. Все, о чем рассказывал ей Иван Сергеевич, навсегда оседало в ее кудрявой головке. И не просто оседало, а подкреплялось Машенькиными размышлениями, перемалывалось, перемешивалось и выходило наружу в виде совершенно новых мыслей, которые порой удивляли и самого Ивана Сергеевича.

– Золотце, ты у меня такая умница! – восхищался он тогда. И совершенно искренне.

Машенька действительно была умницей, только умницей, глупой от рождения. Как пустая шкатулка, которую можно наполнить в одну минуту, хотя прежде нужен ключик, чтобы ее открыть. Встретив Ивана Сергеевича, она начала умнеть на глазах, временами удивляя знакомых своими высказываниями и взглядами на жизнь. А потом поумнела настолько, что перестала удивлять – поняла, что ничего, кроме неприязни, у людей ее высказывания и взгляды не вызывают. Уж родилась дурочкой – так будь добра и помереть ею. Не разочаровывай людей.

Большинство ее коллег искренне полагало, что Машенька – хорошенькая глупышка, от которой и выдающихся достижений ждать не приходится, но и пакостей она не подстроит. Характер у Машеньки был ровный, спокойный, веселый, и как-то интуитивно все чувствовали, что Машенька – человек хороший, добрый. Она такой и была.

Все это Иван Сергеевич понял, пообщавшись с Машенькой двадцать минут на том самом дне рождения. И половину их совместной жизни он радовался бескорыстной радостью ученого, глядя, как подтверждаются его гипотезы.

А потом Машенька родила.

Произошло это совершенно неожиданно для них обоих – у Машеньки были проблемы по женской части, как она деликатно это называла. И вдруг – беременность! Хотя Иван Сергеевич никогда особенно не переживал из-за отсутствия детей, да и Машенька не заглядывала с умилением в чужие коляски, оба они обрадовались. «Поздний ребенок – избалуете», – уверенно заявляла соседка, глядя, как Машенька пыхтит-переваливается со своим животом по лестнице. «Дайте родить сначала, тетя Люба!» – смеялась в ответ Машенька.

И она родила – родила здорового, крепкого мальчишку, которого немедленно нарекли Владимиром в честь обоих дедушек сразу, а заодно и в честь Володьки Берцова. Тот уже много лет как не называл Машеньку недоразвитой, а время от времени, выпив, жаловался Ивану Сергеевичу на несложившуюся личную жизнь и на то, что не дала ему судьба шанса встретить такое же сокровище.

А сокровище растило сына, который оказался копией матери. Иван Сергеевич иногда думал, что, будь сын похож на него самого, он не смог бы любить его такой нежной, ласковой любовью. Володька был, правда, высоким худым мальчиком, но лицом – вылитая мать. Точно так же, как Машенька, он обнажал в улыбке мелкие мышьи зубки, точно так же заправлял тонкие кудрявые волосики за уши. И был настолько же восприимчив, как она. Это и оказалось проклятьем их семьи.

Машенька была человеком, старавшимся не делать другим зла, что всегда безошибочно определяли окружающие. Знания, которые она получала от любимого мужа, касались обыденной стороны жизни в ее самых обыденных проявлениях: как правильно поговорить с начальником, что

сказать мастерице в парикмахерской, чтобы запомнила приятную клиентку, как лучше помочь подруге, у которой опять депрессия после ссоры с любовником... И много, много всего другого, из чего и складывается жизнь большинства людей.

А подросток Володя впитывал от окружающих то, что касалось запретных для Машеньки и Ивана Сергеевича сторон жизни. Он тянул в себя запретное, как воронка. В девятом классе он сошелся с какой-то непонятной темной компанией из соседнего двора и, к ужасу матери, был вскоре схвачен за руку при попытке вскрыть квартиру в соседнем подъезде.

– Володенька, зачем же ты это сделал? – беспомощно повторяла Машенька, когда сына вернули домой.

– Да ладно, мам, ну подумай! – весело и задиристо ухмылялся Володька, словно не чувствуя за собой никакой вины. – Ну, побаловались... Так ведь отпустили же нас! Все нормально, отмазались.

– Что вы сделали? – недоуменно переспросил Иван Сергеевич.

– Ну, отбрехались, – поморщился Володя. – Пап, да что вы как маленькие! Я же выкрутился – значит, все в порядке. Не беспокойтесь вы за меня!

Иван Сергеевич с изумлением смотрел на сына, словно увидел перед собой другого человека.

– Володенька... Володя, но ведь то, что ты сделал, – очень плохо! – наконец воззвала к нему Машенька. – Неужели ты сам не понимаешь?!

Володя задумчиво посмотрел на мать, потом – на отца. Первый раз Иван Сергеевич заметил, что у сына очень взрослые глаза.

– Да, мам, очень плохо, – послушно повторил он, словно не вслушиваясь в смысл произносимых слов. – Плохо, конечно. Я больше так не буду, простите, пожалуйста. Просто поиграть захотелось.

Машенька с невыразимым облегчением вздохнула и бросилась обнимать сына. Иван Сергеевич смотрел на них и изо всех сил пытался отогнать предчувствие беды. «Он же сказал, что все понял! – убеждал Иван Сергеевич сам себя. – Он же согласился с матерью!»

Володя и в самом деле согласился. Соглашался он и потом, когда мать, узнав об очередных слухах от соседей, бежала в комнату сына.

– Мам, ну что ты! – ласково обнимал ее Володя. – Ну что ты так убиваешься? Меня что, в комнату милиции забрали, что ли? Не забрали. И не заберут никогда.

– Да при чем здесь комната милиции? – плакала Машенька. – Ванечка, ты слышишь? Володя, про тебя и твоих друзей говорят, что именно вы магазин на Дерябинской обокрали!

– Ма, перестань, – чуть раздраженно отстранялся Володя. – Не забивай себе голову всякой ерундой. Главное, что я с вами, живой и здоровый.

Эта фраза стала его постоянной присказкой.

Школу Володя окончил и поступил... не в отцовский институт, а неожиданно для всех в кулинарный техникум. «Я ж готовить люблю!» – с улыбкой объяснял он знакомым, недоумевающим, зачем для поступления в кулинарный техникум нужно было заканчивать десять классов престижной школы.

«Главное, что я с вами, живой и здоровый», – улыбался он, когда отец расспрашивал о том, что он делал всю ночь. И ту же фразу повторил матери, когда она случайно вытряхнула у него из кармана маленький пакетик с серо-желтым порошком. Правда, пакетик немедленно отобрал и куда-то унес.

В конце концов Иван Сергеевич не выдержал. Его страусиной тактике пришел конец, когда Володьку забрали по подозрению в краже, но потом выпустили. Он сидел дома, потягивал горячий чай, знакомым жестом накручивая вихры светлых волос за уши, и пытался объяснить матери, что все в порядке, следователи просто ошиблись.

– Слушай, ма, ну что ты паникуешь? – с обычной улыбкой сказал сын. – Главное, что я с вами, живой и здоровый.

– Главное не это! – с закипающей яростью произнес Иван Сергеевич, чувствуя, как рушится вокруг него стена, которую он сам же и соорудил для своей защиты. – Не это главное! Главное то, что ты у нас вырос подонком, вот что главное! Вором и подонком!

– Пап, ты чего, с ума сошел?! – изумился Володька.

– Лучше б я сошел! – закричал, уже не сдерживаясь, Иван Сергеевич. – Ты что думаешь, мы с матерью дураки? Думаешь, мы не видим, чем ты занимаешься?

– Да я учусь! – с усмешкой возразил Володька, и Иван Сергеевич с размаху ударил его по лицу раскрытой ладонью.

Раздался звонкий звук пощечины, сын вскочил, опрокинув чашку, и громко грязно выругался, обжегшись горячим чаем. Опешивший от мата Иван Сергеевич сразу растерял все слова, а Машенька в наступившей тишине поднесла руки к лицу и тихо-тихо, по-детски заплакала.

Володька прожил с родителями в квартире еще полтора года – до смерти матери. Машенька умерла быстро. Врачи поставили свой диагноз – рак, но Иван Сергеевич знал, что на самом деле убивает его жену. На следующий день после похорон он собрал Володины вещи, аккуратно сложил их в сумку, выставил на лестницу и закрыл дверь.

У него больше не было ни жены, ни сына.

* * *

В кармане у Максима зазвонил телефон.

– Да? – сказал он. – Дашка, что случилось?

– Уденич умерла, – раздался в трубке далекий голос жены. – Максимушка, ты слышишь? Ирину Федотовну нашли утром мертвой.

Пару секунд Максим пытался понять, о чем идет речь. И тут до него дошло.

– Ты где? – резко спросил он.

– Я? – удивились в трубке. – К дому иду.

– Значит, так. Зайди за Олесей в школу... Нет, лучше я сам зайду! Иди домой, быстро! Проша с тобой?

– Со мной, со мной. Максим, да не беспокойся ты! Может быть, это никак не связано... в общем, ты понял с чем.

– Может, и не связано, – согласился он. – А может, связано.

Он нажал «отбой» и стал собираться. Нужно было быстро забрать Олесю...

Вечером был созван семейный совет. Олесе разрешили остаться, и теперь она сидела в кресле, поджав ноги, и испуганно тарасила на родителей глаза. Максим ходил по комнате, а Даша сидела около Проши на полу.

– Вот, – веско сказал Максим, разворачиваясь к жене, – вот к чему привели игры твоего Боровицкого.

– Максим, но ведь еще неизвестно...

– Что неизвестно?! – рявкнул он. – Ты вчера разговаривала с Уденич, а сегодня утром ее находят мертвой. Что она тебе сказала?

– Что ее пытаются отравить, – вздохнула Даша.

– Вот именно. И ее собственные дети не пожелали тебя слушать. А теперь я дергаюсь каждую минуту за тебя и за Олесю!

– Пап, а за меня почему? – пискнула Олеся.

Максим и Даша посмотрели на нее так, что она съежилась в кресле.

– А ты... Чтобы от школы никуда не отходила, поняла? – жестко сказал Максим. – Наша мама ввязалась черт знает во что! Впору в милицию звонить.

– Так давай позвоним, – дернулась Даша. – Максим, ведь все сходится! Раева и главврач пансионата, Борисов – или Денисов? – убивают стариков. Не знаю зачем. Может быть, их родственники нанимают. Точно, родственники! Потому дети Уденич от меня и шарахнулись, как от прокаженной.

– И Боровицкий как-то все это раскопал, – задумчиво продолжил Максим.

– И его убили, – закончила Олеся. – А теперь мы тоже знаем тайну, и нас тоже могут убить.

– Типун тебе на язык! – бросил Максим. – Так, давайте без эмоций. Даша, нужно поговорить с тем следователем, который дело Боровицкого расследует. Расскажешь ему все, что знаешь, заявление напишешь. У тебя телефон остался?

– Где-то был, – кивнула Даша.

– Ищи и звони. Причем прямо сейчас.

Даша долго рылась в сумке, потом выворачивала карманы и в конце концов отыскала клочок бумажки с телефоном следователя. Она закрыла за собой дверь кухни, набрала номер и, услышав ответ, быстро сказала:

– Игорь Витальевич? У вас есть время? Я хочу с вами поговорить.

Через пять минут Даша вернулась, вертя в пальцах комочек бумаги.

– Ну что? – встал Максим. – Позвонила? Нужно заявление написать?

Даша покачала головой.

– Заявление мы с тобой, конечно, можем написать, – сообщила она, усаживаясь в кресло. – Только вряд ли это к чему-нибудь приведет. Потому что, как объяснил мне господин следователь, следствие, скорее всего, будет приостановлено. Потому что некого обвинять.

– Да что за бред! – возмутился Максим. – Как так – некого? Человека ножом закололи, имеется двадцать человек подозреваемых, и следствие приостанавливают?!

– Максим, я все понимаю, – грустно сказала Даша. – Если хочешь, ты можешь свои вопросы задать уважаемому Игорю Витальевичу. Как ты думаешь, что он тебе ответит?

Максим подошел к окну, приоткрыл форточку и снова уселся на диван.

– Слушай, но у них же есть улики, – покачал он головой. – Нож, отпечатки какие-нибудь... И потом, убитый ведь не какой-нибудь бомж, найденный в мусорном баке. Это, мать его, относительно известный писатель, солидный человек...

– Отпечатков, положим, нет, – устало ответила Даша. – Насчет ножа мы ничего не знаем. Зато одно знаем точно – никому не хочется выяснять, кто и отчего убил Боровицкого. Понимаешь? Никому, кроме нас. Да и нам-то тоже...

Она не закончила фразу, старательно смяла комочек с телефоном следователя и бросила его в форточку.

Глава 11

Олег Боровицкий сидел в своем кабинете, обставленном в стиле хай-тек, и с отвращением смотрел на чашку кофе и эклер. Кофе дымился, как полагается, эклер заманчиво поблескивал глазированной спинкой, но Олегу Петровичу совершенно не хотелось ни того, ни другого. Ему вообще не хотелось есть, а хотелось вытряхнуть душу из той бледной дряни, из-за которой вся его семья уже неделю с ним не разговаривает.

Ну, папаша... Ну, удружил... Знал ведь, как нужна Олегу квартира! И о том, что младший сын не жирует, тоже знал. Олег хоть и пытался раскрутить свой бизнес, но, в отличие от хваткого и деловитого Глеба, пока не преуспевал. Хоть и предупреждал его Глеб, он все-таки вложился в авторемонтную мастерскую и увяз в ней крепко-накрепко. Не то что купить квартиру – Наталье на Гоа не на что было в нынешнем году поехать!

Олег чуть не заскрипел зубами от бессильной злости. «Так привык парить мозги всем вокруг по поводу своего благосостояния, что уже и себе врешь? Какое Гоа, мать твою... Дай бог, если на паршивую Турцию хватит, да не в приличный отель, а в какие-нибудь вшивые „три звезды“, для неудачников. Еще и за Витькину учебу нехило бабок отвалить нужно... Черт, черт, черт!

Олег вспомнил вчерашний скандал и скривился.

– Она что – спала с твоим отцом? – кричала жена. – Почему ты о ней ничего не знаешь? Ты же мужик, вот и придумай что-нибудь!

– Наташенька, Глеб уже придумал, – попытался он возразить. – Предложил ей треть стоимости квартиры. И дамочка взяла тайм-аут на раздумья.

– И сколько же она будет думать? – мрачно спросил Витька.

– А ты вообще не лезь не в свое дело, – обернулся к сыну Олег.

– Ни фигя себе – не мое! – присвистнул Витька. – У меня, можно сказать, квартиру отбирают, а ты говоришь – не мое. Или ты, папочка, хочешь, чтобы я к вам жену привел?

– Забудь и думать, – отрезала Наталья. – Мне еще не хватало с твоими детьми нянчиться. Будет у тебя своя квартира! Отец позаботится.

– Позаботится, как же, – хмыкнул Витька. – Вижу я, как он заботится...

Олег хотел отвесить засранцу подзатыльник, но сдержался.

– Я ведь сказал: девица пока думает. Я поговорю с Глебом, чтобы он поторопил ее. Но если она

не согласится...

Он хотел произнести привычную фразу: «Тогда мы решим вопрос через суд», – но споткнулся на полуслове. Кого он обманывает? Папаша обставился вешками со всех сторон. Его завещание любой суд признает законным. Можно, конечно, найти подход к судье, но не во всех же инстанциях! Опять-таки, кто будет этот подход оплачивать? Глеб, конечно, согласится, но ведь и у него мошна не резиновая. Еще потребует себе не половину квартиры, а больше...

– Если она не согласится, мы найдем способ уговорить ее, – услышал он собственный голос.

– Ладно, – помолчав, сказала жена. – Только давайте там побыстрее. И нечего с ней церемониться, с хапугой!

Даша с Максимом сидели на диване и передавали друг другу прочитанные листы. Зазвонил телефон.

– Я возьму! – вскочила Олеся, ждавшая звонка от одноклассника.

Спустя пару секунд она вернулась в комнату разочарованная.

– Mam, тут тебя спрашивают...

– Я слушаю, – отозвалась Даша, взяв трубку, и услышала знакомый голос.

– Дарья Андреевна, это Глеб Боровицкий. Вы приняли решение, о котором мы с вами говорили?

– Какое решение? – не поняла она.

– Решение о возврате собственности нашей семьи.

– Подождите, Глеб Петрович, – Даша попыталась собраться с мыслями. – Никакого решения я пока не приняла.

– И сколько еще вам нужно времени? – Голос в трубке звучал напористо и жестко, сбивая Дашу с мысли.

– Я не знаю... неделю... или две.

– Через неделю я вам позвоню.

В трубке раздались гудки.

– Кто звонил? – спросил Максим. – Все в порядке?

– Звонил сын Боровицкого, – вздохнула Даша и пересказала короткий разговор. Когда она закончила, Максим расхохотался.

– Потрясающие люди! – прокомментировал он, отсмеявшись. – А ты у меня, Дашка, овца бессловесная!

– Мама не овца! – вступилась Олеся.

– Хорошо, не овца, – не стал спорить Максим. – Тогда божья коровка. Даша, почему совершенно чужой человек диктует тебе какие-то условия? Не он, а ты должна диктовать, когда ему позвонить. А ты блеешь, бледнеешь и ведешь себя так, будто украла у него квартиру.

– Максим, но ведь отчасти... – начала Даша.

– Даже слушать не хочу! – остановил ее Максим. – Мы с тобой все уже обсудили. Пойдем последний рассказ читать. Он, кажется, самый большой.

* * *

«Когда муж признался Яне, что любит другую женщину, она не поверила. Это звучало абсурдно. Бессмысленно звучало и нелепо. Какую другую женщину? Они были счастливы в браке почти двадцать лет! Она старалась быть идеальной женой для него. Не повышала голос, была чуткой к его настроению, оставалась рядом во всех горестях... И он всю жизнь жил так же! Для нее – для Яны, Янушки, Яночки, любимой и единственной, необыкновенной, удивительной. Они любили друг друга. Правда, любили. Все двадцать лет.

И вот теперь он любит другую женщину. Теперь она будет единственной и любимой, а Яна будет... непонятно, кем будет Яна. Бывшей любовью. Смешно. Как будто любовь бывает бывшей....

Поначалу она не приняла это все всерьез. Решила, что у мужа кризис сорокалетнего возраста. А когда узнала, что его избраннице двадцать два, то и вовсе рассмеялась. Конечно, странно и неприятно, что ее собственный любимый муж не оказался исключением из правила, но пережить можно. Главное, чтобы он сам в себе разобрался и понял, что физическое влечение к молоденькой девочке – одно, а семья, которую они строили двадцать лет, – совсем другое. Ценности эти

несравнимы.

Но для ее мужа оказались сравнимы. И еще оказалось, что возраст девочки ни при чем, просто он ее любит. А когда Яна начала объяснять ему про физическое влечение, он посмотрел на нее... с жалостью. С жалостью! Головой так качнул, будто ему воротник горло натер, и сказал, страдальчески улыбаясь:

– Яночка, ты прости меня. Ничего я не могу с этим сделать. И влечение тут ни при чем.

Когда Яна увидела его пассивность, то поняла, что он был прав. Маленькая, тощенькая, взъерошенная – не девушка, а недокормленный попугай. Яна хорошо разбиралась в людях и быстро поставила диагноз: вспыльчивая, истеричная, не очень умная, добренькая.

– Антон, что ты в ней нашел? – спросила она у мужа, искренне пытаясь разобраться.

– Яночка, я ее люблю, – ответил муж, глядя на нее большими глазами. – Прости меня.

– Тоша, но ведь она просто маленькая глупенькая девочка. Ни ума, ни души, – спокойно сказала Яна. – Ты сам-то это понимаешь?

– Это не имеет никакого значения, – грустно улыбнулся он. – Совершенно никакого.

Вещи они собирали вместе. Когда Яна поняла, что его решение окончательно, тактика поведения выработалась сама собой. Она сочувствовала ему, говорила, что все понимает. Как-то раз даже бросила, что и сама уже подустала от их семейной жизни. В общем, их расставание было не просто цивилизованным – оно было идеальным. Так же, как и их семейная жизнь.

Но мир вокруг Яны покачнулся. Временами ей казалось, что предметы вот-вот начнут падать со своих мест, потому что все наклонилось и стало неправильным. Несправедливым. Настолько несправедливым, что жить в этом мире стало невозможно. Нужно было его исправлять.

– Антон, где вы собираетесь жить? – поинтересовалась Яна.

– У нее есть квартира, – отозвался он. – На «Семеновской». Она маленькая, но нам пока хватит.

И ушел, оставив Яну одну в пятикомнатной квартире. Она смотрела из окна, как муж укладывает чемодан в багажник машины, и удивленно качала головой. «Неужели можно так легко предать человека, с которым ты прожил почти всю жизнь? И еще сослаться на любовь, как будто она все оправдывает и извиняет. Нет, Антон. Нельзя. Предательство – страшная штука, а предательство любимого человека – страшный грех. И за грехи нужно платить».

Скоро все друзья и знакомые узнали – Яна выставила мужа из дома за интрижку с какой-то девицей. Посыпались вопросы, но Яна была опытным бойцом.

– Милочка, хочешь правду? – спросила она приятельницу, сидя у той на кухне. – Я давно повод искала и вот нашла наконец. Ты пойми, мне сорок лет. Хочется отдохнуть от рутины и для себя пожить. А как поживешь, когда Антон под боком... Только наш разговор строго между нами, хорошо? Мне его, бедолагу, так жалко!

Приятельница понимающе кивала, обещала никому ни полслова, и спустя неделю весь их круг общения был в курсе решения Яны. С Антоном тему никто не обсуждал, потому что он словно вычеркнул себя из прежней жизни – со старыми друзьями не общался, проводя все свободное время с ненаглядной Светочкой. А попытки знакомых обсуждать вопросы его развода по телефону быстро и решительно пресекал.

А Яна начала готовиться. Положила себе три месяца и знала, что они пролетят быстро. План появился сам, что означало: она все решила правильно. Правда, пришлось нанять детектива, но это было неизбежно.

Антон со Светой начали скандалить и ссориться сразу же, как только поселились вместе. Яна похвалила себя за то, что правильно оценила девочку, – та и в самом деле оказалась истеричкой. В маленькой квартире на «Семеновской» частенько билась посуда и с грохотом падали табуретки. Самое удивительное, что на Яниного бывшего мужа это не оказывало никакого воздействия. Он по-прежнему выходил со счастливой улыбкой из дома, а милую Свету носил на руках по лестнице.

Яна, никогда в жизни не закатившая мужу ни одного скандала, выслушивала донесения детектива с непроницаемым лицом. А через месяц сняла квартиру в том же подъезде, где жил теперь ее бывший муж, это оказалось сделать легче, чем она предполагала, – юноша-студент, хозяин квартиры, собирался уехать на все лето. Квартирантка, да еще так щедро заплатившая, была для него как дар небес.

Теперь по вечерам Яна слушала мужские и женские крики. Иногда скандалы продолжались до утра, прерываясь лишь на короткое время. Ее презрение к мужу только увеличивалось – как

можно было полюбить ЭТО после того, как они счастливо жили вместе? Как можно находить удовольствие в таких омерзительных сценах?

Спустя два месяца Яна знала все маршруты глупой девочки Светы. Она знала, что соседи жалуются на буйную парочку и даже как-то раз вызывали участкового. Теперь можно было начинать действовать.

С мальчиком из Светинового института Яна договорилась очень быстро. И в одно прекрасное утро Антон, выйдя на площадку, обнаружил роскошный букет с маленькой запиской: «Светлане – на память». Сидя в квартирке на седьмом этаже, Яна с удивлением слушала, какие скандалы может закатывать ее уравновешенный бывший муж. Оказывается, он даже способен ругаться матом! Девочка Света не оставалась в долгу.

Дальше все было достаточно предсказуемо – раз в неделю под дверь Светиной квартиры появлялись букеты, и Антон приходил в ярость. Он так ревновал свою безмозглую страшилку, что Яне становилось смешно. Неужели он не видит, что, кроме него, такое чудо никому не нужно? Правильно говорят – когда боги хотят нас наказать, они лишают разума. Соседи вызывали участкового уже дважды, но Антон и Света продолжали с удовольствием ревновать друг друга.

– Катя, он мне житья не дает! – жаловалась Светочка на всю лестничную клетку, звоня подруге по сотовому. – Вчера попытался руку поднять. Я ему говорю: тронешь – убью. Или просто уйду от тебя. А он рыдает и ноги мне целует. А я что? И я тоже рыдаю. Я ж его люблю!

Яна спокойно ждала. Времени у нее было много – сколько угодно. Если понадобилось бы, она могла бы ждать всю жизнь. Ненависти в ней не было – было только холодное осознание того, что предательство должно быть наказано. И не просто наказано – нет, кара должна соответствовать преступлению. Это правильно, потому что справедливо. А выше справедливости, в представлении Яны, не было ничего.

К концу третьего месяца она готова была действовать. Ей лишь нужен был подходящий момент, и он настал в середине августа, когда Антон подхватил простуду. Она прекрасно знала, что, простудившись, он начнет пить парацетамол, от которого станет вялым и плохо соображающим. Яна встретилась с мужем под предлогом продажи их квартиры и между делом спросила:

– Как твои личные дела? Все хорошо?

– Да, спасибо, – ответил он. – Прости, я что-то не очень... как-то паршиво чувствую себя... До встречи.

И он пошел домой, к своей любимой Светочке – глупой, истеричной и все-таки любимой. Яна подумала немного и позвонила по знакомому номеру. Договорилась с мальчиком о точном времени, сверила с ним часы, вернулась домой, переделалась и поехала в квартиру на «Семеновской».

Вечером в двадцать третьей квартире раздался звонок в дверь. Света накинула халатик и быстро выскочила наружу. О, какой букет! Интересно, кто же все-таки их приносит? Внизу хлопнула подъездная дверь, и Светочка машинально перегнулась через перила – посмотреть, кто там.

Яна ждала этажом выше. Она сбегала сверху к Светочке и резко толкнула ее через парапет. Маленькая Света перевалилась через него неожиданно легко и полетела вниз, истошно крича. Крик звенел несколько секунд, а потом раздался удар. Яна пригляделась и поняла, что все в порядке. Она бесшумно взлетела на свой этаж, и тут внизу раздался испуганный голос мужа:

– Света, что случилось? Света, ты где? Света... Све-ета-а-а-а!

Дикий крик прорезал тишину подъезда. Настороженные соседи, вышедшие на шум, обнаружили страшную картину – на первом этаже лежало разбитое тело молодой девчонки, над ним кричал немолодой уже мужчина, тряся за плечи это изломанное, залитое красным, бывшее недавно живым человеком. А рядом валялся огромный букет лилий. Они пахли на весь подъезд.

Суд был недолгим. Показания соседей, участкового, друзей Светы – все говорило об одном: Антон Петрович в припадке ревности толкнул свою любовницу через перила, несчастная разбилась насмерть. Бледный Светин сокурсник если о чем-то и догадался, то молчал, испугавшись обвинения в соучастии. Яна выглядела пораженной до глубины души и искренне переживающей за бывшего мужа. А сам бывший муж...

Антон на суде был в состоянии оцепенения. Он механически кивал на обращенные к нему

вопросы. Обводил зал беспомощным, непонимающим взглядом. Громко спросил у своего адвоката во время речи прокурора: «Разве Свету убили?» В конце концов была назначена психиатрическая экспертиза, выявившая вменяемость обвиняемого.

Когда наступил момент последнего слова, Антон поднялся со скамьи, дрожащей рукой провел по лицу и сказал тихо, словно самому себе:

– Это я ее убил. Я.

Яна возвращалась из суда, ожидая, что вот-вот в душе ее наступит опустошение, о котором она много читала. Она даже приготовилась к нему. Но опустошение не приходило. Наоборот, сейчас ее душа была совершенно спокойна. День был теплый, ясный, и она с удовольствием прогулялась по набережной. Ощущение хорошо выполненной работы – вот что она испытывала. А еще – ощущение, что мир наконец вернулся на свое место».

Глава 12

– Господи, какой кошмар, – сказала Даша, прочитав рассказ.

Они с мужем сидели на диване, а на полу валялись листочки рукописи.

– Да, – помолчав, проговорил Максим. – Мало того, что баба девчонку убила, она еще и мужа посадила в тюрьму. Вот ради этого рассказа Боровицкий, видимо, и оставил рукопись тебе.

Даша задумалась. Итак, рассказов было пять. Три из них были обычными историями из жизни. Один – историей чуть было не произошедшего убийства. И один – историей преступления.

– Все равно не понимаю, – нахмурилась она. – Зачем нужно было оставлять пять историй, если преступление описано только в одной? Они же ничем не связаны!

– Ничего вы не понимаете! – заявила Олеся, входя в комнату со своим вечным вязаньем. – Все там связано. Иначе была бы просто глупость, и больше ничего.

Даша только открыла рот, чтобы ответить, но Максим ее опередил.

– А ведь точно! – медленно сказал он. – Они должны быть связаны!

– Но истории-то про разных людей!

– Ну и что? Слушай, последний рассказ – как раз то, ради чего все писалось. Значит, и остальные истории должны свестись к нему. Может быть, Боровицкий зашифровал свидетелей преступления? Или людей, которые могут что-то сказать о преступнике? Вот поэтому он и просил тебя закончить рукопись – написать последний рассказ!

Даша подняла с пола листы и начала торопливо просматривать.

– Так, вот история о девушке Лене... это – об Ирине... Слушай, Максимушка, ну как они могут пересекаться? А предпоследний рассказ вообще тут при чем? Здесь никаких свидетелей нет, есть только несчастная женщина, которая чуть не убила старушку.

– Кстати, может быть, и убила, – поправил ее Максим. – Не знаю, Даш. Нужно подумать. А самое главное – нужно определить, ху из ху.

– Папа! – воскликнула Олеся.

– Олеся! – с той же интонацией отозвался Максим. – Английский нужно учить, а не шарфики вязать! «Ху из ху» означает «кто есть кто». Совершенно очевидно, что Боровицкий описывал определенных стариков из пансионата. Наверное, каждый из них зашифрован в одной истории.

– Подожди, подожди... – нахмурилась Даша. – И что, все они оказались в одном пансионате? Все свидетели убийства?

– Да, фигня получается, – признал муж. – Тогда остается только одно: часть историй написана для отвлечения, просто так. А одна должна быть связана с последней. И в ней, по всей видимости, описан человек, знающий о преступлении.

– Тогда получается, что мне нужно выяснить... – начала Даша.

– Тебе нужно выяснить, в какой именно истории описан реальный человек, которого ты знаешь. А ты должна его знать, потому что Боровицкий явно не просто так знакомил тебя со всеми.

– Значит, – с нескрываемым сарказмом произнесла Даша, – мне нужно всего лишь узнать у каждого всякие мелочи из биографии. Подходить к ним и спрашивать: простите, у вас родственники не погибли в автомобильной катастрофе? А старушку вы не хотели придушить? Что у нас там еще... – Она заглянула в записи. – Да, вот: соседка никогда мужа у вас не пыталась отбить? Так, глядишь, что-нибудь и выяснится.

Максим воодушевился:

– Вот и я предлагаю: давай бросим эту бредовую затею, пока не поздно, а? Это же и в самом деле нелепо и невыполнимо! Ты только время зря потратишь.

Даша аккуратно сложила листки в стопочку, а потом посмотрела на мужа.

– Завтра попробую поговорить с Красницкой, – сообщила она как ни в чем не бывало. – Она все-таки куда приятнее бывшей балерины Окуневой.

Максим встал с дивана и пошел на кухню. Через минуту оттуда донесся его голос:

– Кстати, не забудь – Боровицкий тебя не только с дамами знакомил. Но и с джентльменами.

– Но в историях-то описаны женщины, – заметила Даша.

– А ты перечитай их внимательно, – посоветовал Максим, появляясь в дверях. – Или мужья у нас нынче за людей не считаются? Так что выяснять подробности биографии нужно не только у старушек, но и у стариков.

Даша вздохнула и отправилась собирать сумку на завтрашний день.

На ее счастье, божий одуванчик Римма Сергеевна встретила ее почти у входа в пансионат. Красницкая бросилась к Даше как к старой подруге и, утирая слезы, начала рассказывать о смерти Уденич.

– Зачем ей понадобилось ночью выходить на улицу? – недоумевала Красницкая. – Вы только подумайте, Дашенька – октябрь, холодно, промозгло... А Ирина Федотовна в ночной рубашке отправляется гулять! Ну не странно ли?

Даша предположила, что Уденич услышала что-то необычное, но Красницкая не стала развивать тему. И Дашины намеки на то, что сердечный приступ у той случился не просто так, тоже пропустила мимо ушей. Тогда Даша решила зайти с другой стороны.

– Римма Сергеевна, – сказала она, – расскажите мне о детях, с которыми вы занимались. Пожалуйста.

Красницкая удивилась, но Даша использовала домашнюю заготовку. Честно глядя в голубые старушечьи глаза, она объяснила, что ей, как логопеду, хотелось бы перенять у Риммы Сергеевны опыт. Красницкая обрадованно подхватила Дашу под ручку и начала рассказывать. Кое-что Даша записывала, пользуясь тем, что Римма Сергеевна не смотрит в ее записи. Спустя час, когда на дорожке показалась медсестра, старушка спохватилась.

– Господи боже ты мой! – всплеснула она руками. – У меня ж процедуры! Ну, Дашенька, ну, звездочка, совсем вы меня заговорили!

Даша не стала напоминать, что весь последний час говорила Красницкая, а сама она только слушала и записывала, улыбнулась и помахала милой старушке рукой. Первый пункт плана был выполнен.

Даше можно было уходить, но что-то заставило ее обогнуть кусты и по выложенной гравием дорожке дойти до маленького прудика. Виконта-Яковлева не было видно. «Его сын – вор в законе», – вспомнила Даша слова Боровицкого. Кем мог быть старик со странным прозвищем Виконт в рассказах Боровицкого? Кем угодно. Мужем девушки Лены, которого соблазняла соседка, или добрым парнем, подбравшим несчастную девушку Иру на кладбище. Вот только не Антоном, осужденным за убийство своей любовницы.

«Что же было с Антоном потом? – задумалась Даша. – Боровицкий оборвал историю на вынесении приговора. Но ведь жизнь его на том не закончилась! Или закончилась?»

Сзади зашуршала галька. Даша обернулась и увидела Бориса Денисова, главного врача пансионата «Прибрежный».

* * *

Борис Денисов ненавидел стариков. Всех. Поголовно. Особенно – тяжело больных. Он искренне не понимал: почему эти люди, дошедшие до самого края жизни, не хотят оборвать свое никчемное, никому не нужное существование? Зачем они страдают сами и заставляют страдать других? Это аморально!

Когда Борис Денисов был маленьким, отец ушел из семьи. Его место быстро занял отчим – большой равнодушный человек с постоянно воспаленными белками глаз. Боренька Денисов, думая об отчине, первым делом вспоминал его красные белки. А больше вспоминать ему было и нечего.

Отчим не обижал Борю, но и не играл с ним. Игнорировал. Школьные задания не проверял, за двойки не ругал – это с успехом делала мать. Когда Боря в тринадцать лет здорово поранил руку ножом и с криком прибежал домой, Петр Иванович только равнодушно бросил:

– Водой промой. И перестань орать – чай, не сдохнешь.

Боря, конечно же, не сдох. Но шрам у него остался надолго. И, глядя на этот шрам, он вспоминал голос отчима: «Чай, не сдохнешь».

А потом Денисов вырос, закончил мединститут, женился в меру неудачно и привел жену в дом матери и отчима. Потому что куда же еще ему было приводить жену? Отчим постарел, но по-прежнему не замечал Борю. Взрослый Денисов стал понимать, что отчим вообще никого не замечает. Может, только себя, и то не всегда.

Жизнь текла своим чередом. Незаметно умерла мать Денисова, жена нарожала детей – шумных и крикливых, и Денисов стал уставать. Ему хотелось, придя с работы, завалиться на диванчик с любимым журналом и отдохнуть в тишине, но комната с диванчиком была занята отчимом, в зале носились и кричали дети, суетилась жена. После долгих раздумий Денисов решил, что квартиру нужно разменять, хотя превращать трешку в двушку очень не хотелось. И тут отчим заболел.

Сначала решили, что ничего серьезного у него нет – так, обычные старческие капризы. Но через три месяца Петр Иванович уже не вставал с постели – лежал, охал, переворачиваясь с боку на бок. Перед угрозой появления лежачего больного в доме Денисов собрал все силы и проконсультировался с врачами. Прогноз оказался неутешительным.

А спустя еще месяц Петр Иванович ослеп. Теперь в третьей комнате, о которой так сладко грезилось Денисову, витал стойкий запах больного тела. Отчим, лежащий на диванчике, казался куда здоровее, чем был все предыдущие годы. И с этого времени он начал замечать всех и вся. Иногда Борису казалось, что предыдущая жизнь Петра Ивановича была только подготовкой к его болезни. Ослепший, больной, он стал злобным и въедливым. Он вслушивался во все звуки, истолковывал их по-своему и раз в неделю закатывал грандиозный скандал. Голос – все, что осталось у отчима, но этим инструментом он пользовался виртуозно. Денисов, приходя домой, знал: кроме ворчания жены и криков детей, он обречен слушать взвизгивания, рычание, глухое бормотание совершенно чужого ему старика.

Денисов нашел место в доме престарелых, договорился с заведующей и уже представлял в подробностях свой отдых на заветном диванчике, но неожиданной преградой на его пути встала супруга.

– Никогда! – кричала она, размахивая перед лицом Денисова костлявой рукой. – Родного человека – в дом престарелых?! Да ты подумал, что о нас соседи скажут?!

Ошарашенный Борис пытался возражать, уверял, что в доме престарелых Петру Ивановичу будет хорошо, прекрасно зная, что лжет. Все было бесполезно. Страх перед людским осуждением в супруге был невероятно силен, и она ни в какую не соглашалась избавиться от старика.

– Чем он тебе мешает, а? – бушевала она. – Мыть его я буду, кормить – по очереди. А там, глядишь, бог и приберет, – закончила она, понизив голос.

Но отчим ее услышал.

– Да он вас раньше приберет, чем меня! – раздался его голос из-за стены. – А ты, Борька, – шельма! Решил, прохиндей, избавиться от меня? Всем, всем расскажу, что ты задумал! Не дождетесь!

Не уточнив, чего именно они не дождутся, Денисов выскочил из квартиры на лестничную клетку и нервно закурил. Из соседней двери тотчас высунулась Клавдия Степановна и зашумела:

– Ты чего ж воздух портишь в общественном месте, а? А ну, иди со своей сигаркой обратно! А еще лучше – бросил бы ты это дело! Дома тоже нечего курить, отца травить дымом. Вон уж и так

довели его, сердешного!

– Какого, на хрен, отца?! – выкрикнул Денисов, но дверь за Клавдией Степановной уже захлопнулась.

Денисов с силой вжал окурки в перила, обжег себе пальцы, взвыл и бросился домой.

С тех пор прошло пять лет, а отчим и не думал отходить в мир иной. Иногда Денисов с тоской думал, что тот и в самом деле переживет все его семейство. Уж самого-то Бориса точно. Если жена не успевала перед тем, как уйти на работу, умыться Петра Ивановича, тот поднимал скандал, и заниматься этим приходилось Денисову. Тоскливо протирая мокрой тряпочкой морщинистое лицо, Денисов брезгливо отворачивался, морщил нос, стараясь не принимать. «Господи, ну почему жена такая непроходимая дура?! – зывал Борис молча к потолку. – Почему я должен ухаживать за совершенно мне чужой старой развалиной? Ради каких-то соседей? Да чтоб они провалились, те соседи!»

Потолок тихо ронял штукатурку на голову Денисова, и отчим немедленно начинал верещать: «Ты что, мышьяк на меня сыплешь? Крысиный яд?» Денисов сжимал зубы и старался не смотреть на подушку под головой Петра Ивановича. Слишком велико было искушение прижать ее к лицу старика.

* * *

Борис Денисов подошел к Даше и укоризненно покачал головой.

– Нету его сегодня, – сообщил он вместо приветствия.

– Кого нету? – удивилась Даша.

– А вы кого ждете, Пушкина? – хамовато осведомился Денисов. – Яковлева нету. Он заболел.

– Что с ним?

– Этого я вам рассказать не могу, и не просите, – пожал плечами Денисов. – Врачебная тайна. Вы здесь его записей не видели? Такую толстую тетрадь в клеточку?

Даша покачала головой.

– Ну и ладно, – равнодушно сказал Денисов. – Обойдется и без нее. А то формулы какие-то, расчеты... Новые напишет.

– Постойте, постойте! – Даша недоуменно посмотрела на главврача. – У Ивана Сергеевича его наблюдения потерялись? Так ведь это очень важно! Давайте вместе поищем.

– Делать мне больше нечего, что ли? – искренне удивился Денисов. – Вот еще, всякий бред сумасшедшего искать!

– Не бред сумасшедшего, а научную работу.

Денисов задержал на Даше иронический взгляд, и ей стало не по себе.

– Девушка, вы о чем? – хмыкнул главврач. – Какая научная работа? Наш Виконт только с виду весь из себя ученый, а в голове-то у него давно мозги скукожились. Он циферки разные пишет и столбиком их считает – вот и весь его труд.

– Но как же... Боровицкий мне объяснял...

– Да Боровицкий, покойный, сам все прекрасно понимал. Я даже боялся, что он Яковлеву как-нибудь скажет правду. Тогда наш Виконт вызвал бы его на дуэль! – Денисов хихикнул, довольный своей шуткой. – Очень уж он трепетно к своей работе относится. Ха! Рыбки!

Выразив в последнем возгласе все свое отношение к научной работе пациента, Денисов вперевалку пошел обратно. Даша присела на корточки и посмотрела в черную воду пруда. Рыбок там не было. Только сверху одиноко плавал ивовый листик, похожий на селедку без плавников.

Глава 13

Сегодня мужчина в кожаной куртке подготовился основательно. Для собаки он захватил отпугиватель, купленный в магазине «Охотник», – продавцы уверяли, что приборчик действует на псов любого вида и размера. А для сучки был припасен хороший кастет, оставшийся еще со времен детских шалостей. Детских не детских, но кастетик был вполне ничего – для задуманного хватило бы.

И опять стерва порушила такой отличный план! В первую минуту, увидев ее без собаки, он возликовал. Но баба, вместо того чтобы идти в парк, завернула к остановке. Человек с кастетом чуть не зарычал и, оттолкнув возмущенного покупателя, выскочил из магазина. Женщина шла очень быстро, и ему пришлось бы бежать, чтобы догнать ее, но это ничего бы не дало. Около остановки толпились люди, и он понимал, что набрасываться на нее сейчас бессмысленно. Мало того, что схватят, так и не дадут выполнить намеченное. А оказаться пойманным ему никак нельзя!

Человек с кастетом в кармане злобно сплюнул, посмотрел на часы и пошел прочь от остановки.

Даша ехала в маршрутке, обдумывая детали предстоящего визита, который был прямым следствием ее разговора с Красницкой и с мужем.

Накануне Даша вернулась домой, расстроенная беседой с Риммой Сергеевной, и с порога выпалила Максиму:

– Ничего не получается! Как будто они сговорились все!

Она раздраженно бросила сумку на стул, сумка свалилась, и все содержимое рассыпалось по полу. Даша присела на корточки и начала быстро забрасывать вещи обратно.

– погоди, не пори горячку, – рассудительно заговорил муж, поднимая старенький тюбик с губной помадой. – Что не получается?

Даша отрывисто объяснила, что никакой – даже самой скупой! – информации из Красницкой ей выжать не удалось.

– Понимаешь, – объясняла она мужу, – я-то думала: вот сейчас начнет она рассказывать про своих учеников, а там постепенно перейдет и на свою жизнь.

– Ага, учителя – они это любят, – с видом знатока подтвердил Максим.

– А ничего подобного не случилось! Знаешь, сколько она мне про своих оболтусов рассказала? Еще и целую кучу полезных советов надавала... А про себя – ничего, вообще ничего! По-моему, для нее ученики в сто раз интереснее, чем она сама! – возмущалась Даша, моя руки и разбрызгивая во все стороны воду. – Ну и что мне теперь делать?

– Извлекать пользу из того, что есть, – неожиданно философски предложил Максим.

– В каком смысле? – не поняла Даша.

– Ну, если она сама о себе ничего не рассказывает, значит, надо найти людей, которые расскажут о ней.

– Так ведь нет у меня этих людей! – возвала Даша к его здравому смыслу. – Не-ту!

– Глупая ты у меня все-таки, Дашка, – пожалел жену Максим. – И мыслишь по шаблону. Ты догадалась у своей репетиторши фамилии учеников выудить?

– Нет... Да... То есть она сама мне их называла, – растерянно вспомнила Даша. – Я еще запомнила, что у одного мальчика была странная фамилия – как порода собаки.

– Шпиц? – усмехнулся Максим.

– Ретривер. Саша Ретривер.

– Так давай попробуем найти этого Ретривера, чтобы ты с ним поговорила, вот и все. Она свою практику прекратила совсем недавно, так что наверняка ученики ее хорошо помнят.

– Да ты что, Максим! – засомневалась Даша. – Как же я приеду к незнакомому человеку и скажу: «Здрасьте, а расскажите мне про своего репетитора».

– Дело хозяйское, – пожал плечами муж. – Мое дело – предложить, а дальше уж сама решай.

Вот поэтому Даша и ехала в маршрутке, вспоминая разговор со старушкой.

«Был у меня, Дашенька, такой мальчик – Саша Ретривер. Ой, какой проказник! И французский не хотел учить – ни в какую! Так я что придумала: объяснила ему, что он будет мушкетер, а я – кардинал. И стала с ним роли разыгрывать. И Сашеньке так это понравилось! – Римма Сергеевна лукаво улыбнулась. – Мы и сценки с ним разыгрывали, и песенки на языке пели. А там само пошло-поехало! Хороший был мальчик, веселый».

У веселого мальчика Сашеньки фамилия и в самом деле оказалась редкая: Максим недолго искал в специальной базе на компьютере – нашел только один адрес. Как уверяла программа, жил Саша Ретривер не очень далеко от их района. Вот только телефона у него не было.

– Поеду просто так, – решила Даша. – Вдруг повезет?

Ей и в самом деле повезло. На звонок дверь открыла пожилая женщина с полным, улыбочивым

лицом.

– Здравствуйте, – представилась Даша. – Скажите, Саша Ретривер здесь живет?

– Нет, – покачала головой хозяйка квартиры.

Даша только собиралась расстроиться, как женщина добавила:

– Они с другом уехали в Германию. А вы, простите, кто?

Даша объяснила, что она корреспондент, пишет статью об учителях. И одна из ее героинь – Римма Сергеевна Красницкая, бывший репетитор по французскому языку.

– Вот я и хотела с Сашей поговорить, – врала вдохновенно Даша. – Все-таки она его учила...

– Да и я сама ее прекрасно помню, – улыбнулась женщина.

– Так, может быть, вы мне расскажете?

– Расскажу, конечно. Проходите.

Следующий час Даша провела, сидя на кухне и послушно записывая рассказы Светланы Игоревны, матери Саши. Красницкую та и в самом деле помнила хорошо – подробно описывала уроки, всю хвалила Римму Сергеевну и тоже вспомнила про игру в мушкетеров.

– Хорошая идея, – заметила Даша. – Творческий подход.

– Ой, наша Римма Сергеевна такая романтичная! – воскликнула Светлана Игоревна, подливая Даше чаю. – То одно придумает, то другое. И детей очень любила.

– Странно, что у нее своей семьи не было... – Даша отхлебнула горячий чай и поставила в блокноте закорючку.

– А может быть, это и хорошо. Скажу вам по секрету, – понизила голос мама Саши, – Римма Сергеевна такая влюбчивая была – просто ужас! Сначала в известного актера влюбилась – страдала, ходила на все его спектакли, а в конце концов даже подарила ему золотой кулон.

– Откуда вы знаете? – изумилась Даша, выходя из роли невозмутимого журналиста.

– Так она же все мне рассказывала, – рассмеялась Светлана Игоревна. – Делилась каждым романом. Так она их искренне переживала – мне иногда, признаюсь, даже завидно становилось. Каждая любовь у нее была необычная, возвышенная. С актером, конечно, ничего не вышло – и она очень страдала. С полгода, наверное. А потом снова влюбилась.

– Опять в актера?

– Нет, в одного известного политика. Он так говорил хорошо – просто дух захватывало. И волосы кудрявые со лба откидывал – залюбуешься!

– А что политик? – полюбопытствовала Даша. – Тоже влюбился?

– Нет, что вы! – махнула рукой Сашина мать. – Римма Сергеевна с ним как-то раз даже пообщалась, но он на нее и внимания не обратил.

– Странно, – удивилась Даша. – Она, наверное, была хорошенькой в юности.

– Так то – в юности! – возразила Светлана Игоревна. – А в тот момент ей лет сорок с небольшим уже было. Конечно, она все равно была очень приятная женщина, но он-то – политик! Ему молоденьких подавай!

В голосе ее послышалось разочарование, и Даша догадалась, что политик был симпатичен и самой Светлане Игоревне. «Пора собираться, – решила она. – Полтора часа потраченного времени – и ни одного полезного сведения. Политик не в счет».

– Жаль, что у Риммы Сергеевны все ее влюбленности были такими безответными, – сказала она, пряча в сумку ручку и блокнот. – Она такая милая женщина.

– Ну почему же все? – возразила пожилая женщина. – Последняя была очень даже взаимная. Только я забыла – как же его звали... Он тоже был известным человеком, журналистом. Да вы, наверное, знаете его!

Она нахмурилась, вспоминая.

– Такая фамилия красивая – что-то с лесом связано... или с грибами...

– Я не помню, – извиняющимся тоном сказала Даша и встала.

– Вспомнила! – Светлана Игоревна хлопнула себя по коленке. – Вспомнила! Боровицкий его фамилия была, вот!

Лидия Раева шла по коридору с зелеными стенами, время от времени останавливаясь и поправляя картины. Встречавшиеся ей навстречу медсестры тихо здоровались и торопливо пробегали мимо. По пансионату уже разнеслось, что Лидия Михайловна не в духе, и попадаться

управляющей под руку никто не хотел.

Причина для плохого настроения у Раевой имелась – пятнадцать минут назад в столовой пансионата случилась драка. Причем драка, что больше всего возмущало Раеву, между женщиной и мужчиной. «Немыслимо! Я могла бы понять, если бы так вела себя Уденич. Но эти...»

Раева распахнула дверь своего кабинета и остановилась напротив участников драки.

– Лидия Михайловна, я хочу сказать... – начал Горгадзе.

Раева прервала его одним взмахом руки:

– С вами, Игорь Кириллович, я поговорю потом. Вижу, первую помощь вам уже оказали? Вы свободны.

Горгадзе злобно посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но не посмел. Бочком протиснувшись мимо управляющей, вышел из кабинета.

– Виктория Ильинична, я жду ваших объяснений.

Раева опустилась в кресло и взглянула на Окуневу. Вид у той был ужасный. Седые волосы, всегда собранные в пучок, растрепались вокруг головы, отчего Окунева сразу стала похожа на ведьму.

– Чего вы от меня ждете? – огрызнулась бывшая балерина. – Гнать надо вашего Горгадзе отсюда.

– Я разберусь, кого мне нужно гнать, – холодно ответила Раева. – Вы мне не ответили.

– Он убить может кого угодно! – воззвала к ней Виктория Ильинична, трясая головой. – Вы посмотрите, что он со мной сделал!

Раева откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Окунева начала горячо рассказывать о произошедшем, напирая на невозможное поведение Горгадзе и всячески обходя молчанием причину драки.

– Виктория Ильинична, – прервала ее Раева на полуслове, – почему вы накинулись на Горгадзе?

Окунева замолчала и стала старательно собирать волосы на затылке в хвост. Раевой стало смешно. «Просто дети, только довольно злобные и глуповатые».

– Виктория Ильинична, я жду, – напомнила она.

Окунева пожевала губами и неохотно произнесла:

– Горгадзе меня оскорбил. Сказал, что Боровицкий хотел написать книгу о моей юности.

– Что же тут оскорбительного? – подняла брови Раева.

– То, что никто ничего не понимает в моей жизни! – не выдержала Окунева. – Люди здесь говорят невыносимые гадости! Смееют даже утверждать, что я была... была ... посредственностью! И такое – мне! Да вы знаете, что мне тогда сам директор сказал: «Вика, я плакал, когда ты выступала!» И после этого...

Лидия Михайловна знала, что останавливать поток воспоминаний бесполезно, поэтому отрешенно слушала. В голове у нее вертелись мысли, из которых она вытаскивала одну: с Денисовым нужно что-то делать. Он порой проявляет черствость, что родственникам пациентов весьма не нравится.

– Поймите, я не могла не дать ему пощечину! – взвизгнула Виктория Ильинична, врываясь в ее мысли. – Горгадзе сказал, что Боровицкий оставил записи, которые... которые выставляют меня в самом неприличном свете! И мерзавец посмел меня ударить! Его нужно гнать, говорю вам, гнать!

«Опять Боровицкий... – вздохнула про себя Лидия Михайловна. – Кажется, мертвый он стал еще менее выносим, чем живой». Двумя словами она успокоила бывшую балерину, пообещала, что Горгадзе будет наказан, и попросила вести себя сдержаннее. Окунева ушла, а Раева достала телефон.

– Послушайте, с Горгадзе нужно что-то делать, – сказала она в трубку. – Сегодня он сцепился с Окуневой. Боюсь, завтра он будет просто непредсказуем.

И нажала кнопку отбоя.

Даша забежала домой за Прошей и теперь быстро шла к пансионату. В голове у нее был полный туман. «Получается, что Красницкая была знакома с Боровицким раньше! И не просто знакома – у них был роман! Правда, мать Саши Ретривера сказала, что он быстро закончился, но почему ни Боровицкий, ни Римма Сергеевна об этом не рассказали?»

Дойдя до последней мысли, Даша остановилась так резко, что дернула Прошу за поводок. Пес обиженно гавкнул, но хозяйка не обратила на него внимания. «Красницкая спрашивала у меня что-то про компьютер Петра Васильевича... – вспомнила Даша. – Она еще удивилась, что на нем сохраняется информация. Но на самом деле в ноутбуке Боровицкого ничего не было... Что же такое

он написал, что ей было неприятно?»

Даша спустила Прошу с поводка, и тот поскакал по тропинке. «Как ни крути, – думала Даша, торопясь за ним, – все дело опять упирается в те пять историй. Уж не под именем ли Инны зашифровал Боровицкий свою бывшую любовь? Но Римма Сергеевна никогда не была бизнес-леди и не делала карьеры... Какую карьеру можно было сделать репетитору по французскому? Господи, сплошные загадки!»

Она проскользнула в ворота, взглянув на охранника в будочке. Тот пристально смотрел на нее. «Интересно, долго еще он будет меня так спокойно пропускать?» – мелькнуло у Даши в голове, но в следующий момент она уже забыла про охранника. На ближней скамейке сидел Игорь Кириллович Горгадзе в спортивной куртке и тонкой шерстяной шапочке. Он повернул голову и заметил Дашу. На вытянутом морщинистом лице появилась неприятная улыбка, старик встал и, не торопясь, пошел ей навстречу.

Раева и Денисов смотрели на них из окна.

– Лидия Михайловна, может, позвать охранника? – неуверенно предложил Денисов.

– Зачем же? – задумчиво ответила управляющая. – Думаю, нашей гостье общение с Горгадзе пойдет на пользу. Может быть, даже отобьет у нее охоту следовать по пути покойного Петра Васильевича.

Главврач искоса взглянул на Раеву. Он никогда не мог понять, о чем она думает, и почти никогда – что имеет в виду, произнося ту или иную фразу. Но для него самого, пожалуй, спокойнее было бы не знать об этом. Денисов молча кивнул и вышел из кабинета. Уже за дверью его догнал негромкий голос Раевой:

– Вы все-таки будьте неподалеку. Мне не хотелось бы повторения утреннего инцидента.

Денисов опять кивнул. Подтверждать свое согласие вслух не требовалось – Раева и так знала, что он выполнит все, что нужно.

Подойдя к Даше, Горгадзе шутовски поклонился и нелепо взмахнул рукой.

– Может, я Боровицкого заменю? – с нескрываемым сарказмом поинтересовался он.

Даша молчала, пытаясь понять, как ей лучше себя вести. То, что старик настроен агрессивно, было очевидно. Становиться объектом нападения ей совершенно не хотелось. Но и уходить просто так она не собиралась.

– Простите, за что вы его так не любили? – вежливо спросила она.

– Да за все, – не задумываясь, ответил тот. Крючковатый нос и тонкие губы делали бы облик Горгадзе карикатурным, если бы не живая злоба, словно пропитавшая его насквозь. – Его все ненавидели. Но убил только я!

Старик с гордостью поднял указательный палец, как будто только что доказал сложную теорему.

Даша опешила, потом собралась с мыслями.

– Вы его убили? – переспросила она, изо всех сил стараясь не нервничать.

– Убил, разумеется, – кивнул Горгадзе, впиваясь в Дашу взглядом. – Ножом заколол. А нож в столовой взял. Подошел – раз! – и ткнул его. – Старик ткнул в Дашу длинным пальцем. – А вы что, не верите мне, что ли?

– Верю, – быстро ответила Даша. – Только вот следователь сказал, что Петра Васильевича убил случайный грабитель, который через окно залез.

Горгадзе нахмурился и покачал головой.

– Сама придумала? – с легким презрением в голосе спросил он.

– Нет, правда, мне следователь по телефону сказал! Вот поэтому я и удивилась...

– Врет твой следователь, как сивый мерин, – веско произнес старик, кривя рот. – Надо бы и его убить.

Он обогнул Дашу, чуть не столкнув ее в клумбу, и направился к пруду. Открыв рот, Даша смотрела ему вслед. Получается, сын Боровицкого был прав? Петра Васильевича и в самом деле убил сумасшедший старик?!

Не дойдя до пруда, Горгадзе неожиданно развернулся и пошел обратно. Даша и сама не смогла бы объяснить, откуда у нее возникло ощущение опасности. Ей показалось, что старик сообразил что-то и теперь собирается расправиться с ней. «Проша!» – мелькнуло у нее в голове, и она уже открыла

рот, чтобы позвать собаку, но тут вмешался новый персонаж.

Горгадзе был в пяти шагах от нее, когда что-то прошуршало сзади и перед Дашей очутился маленький смешной человечек с венчиком волос, обрамляющих идеально круглую лысинку. На человечке была затасканная серая куртка в дырах.

– Ай-яй-яй! – погрозил он Горгадзе пальцем, и тот вынужден был остановиться.

Даше показалось, что она участвует в какой-то не очень удачной постановке. Даже название промелькнуло в голове: «Слишком много стариков». А маленький лысый человечек не отступал, и Горгадзе нависал над ним, словно собираясь клюнуть кривым носом.

– Это Дарья Андреевна, – сообщил человечек с лысиной, – друг моего друга. А ты ее обидеть хочешь. Нехорошо! – укоризненно добавил он.

Даша еще соображала, откуда старичок знает ее имя, а Горгадзе развернулся и пошагал прочь. Неожиданный защитник повернулся к ней, и Даша вспомнила, кто он такой. Местный сумасшедший, Ангел Иванович! Господи, еще один сумасшедший!

– А вы не бойтесь, – тонким голосом сказал Ангел Иванович. – Он не придет больше. Ходит да хвастается, а сделать ничего не может.

Сейчас он говорил совсем не так, как тогда, в лесу. «Картошечки хочется, а мне не дают», – всплыл у Даши в голове просящий голос.

– Он сказал, что Петра Васильевича убил, – с трудом разжав губы, выдавила она.

Ангел Иванович по-птичьему наклонил головку и моргнул.

– Петр Васильевич – мой друг, – нараспев сказал он. – Слушал меня, жалел. Как его убить можно? А ведь убили. Только не этот, нет. Жалко – всех убивают. Тебя не убьют? – Он с тревогой заглянул Даше в глаза. – Нет? Скажи, не убьют тебя?

Столько искренней заботы было в голосе смешного маленького человечка, что Даша быстро помотала головой и, повинувшись порыву, положила руку на рукав Ангела Ивановича. Тот улыбнулся, покивал и попросил:

– Ты уж, пожалуйста, не умирай. Вот друг мой слушал меня, слушал – и умер. А тебе я ничего рассказывать не буду. Ты и останешься живая.

Лицо его неуловимо изменилось – застыло, вокруг губ собрались мелкие складочки, глаза словно помутнели.

– А я ведь не виноват, – сказал он писклявым голосом и вцепился в Дашину руку. – Мне вот что – крики там, или бьют – а я ни при чем! И ведь не скажешь, да, не скажешь! А мне бы по солнышку и по берегу – а топят, и рыбок нет...

Человек залопотал что-то уже совершенно невнятное, раскачиваясь на месте. К ним подбежали две толстые медсестры в толстовках, взяли Ангела Ивановича под руки и нежно повели к пансионату. Он не сопротивлялся, не оборачивался на Дашу. Только прозрачные волосики над его головой трепыхались от ветра, и выглядело это так жалко, что она чуть не рванула за ними следом. Ее остановил негромкий голос за спиной:

– Дарья Андреевна, вы не хотите закончить свои эксперименты?

Даша узнала голос, обернулась.

– Почему же эксперименты, Лидия Михайловна? – ответила она вопросом на вопрос. – Я просто делаю то, о чем просил меня Петр Васильевич, – продолжаю его книгу.

– И о чем она? – после паузы спросила Раева.

– О жизни, – нашлась Даша. И сразу довольно неуклюже перевела разговор: – Скажите, а что с этим стариком, с Ангелом Ивановичем? Он совсем сумасшедший, да?

Раева повернула бледное лицо в сторону удаляющихся трех фигур.

– Да, он очень болен, – подтвердила она. – Мы делаем все, что можем, но он болен не только душевно, но и физически.

В обычных холодных интонациях Раевой Даша с удивлением услышала грусть.

– Лидия Михайловна, – внезапно вырвалось у нее, – зачем вы держите его здесь? Ведь с ним одни хлопоты!

Раева улыбнулась, глядя вслед старичку с лысиной.

– Потому что я решила, что так будет справедливо, – ответила она. – Если в силах одного человека хоть как-то компенсировать страдания, то это должно быть сделано. Потому что божье воздаяние далеко, да я и не верю в него, если ты что-то можешь – сделай это здесь, в этой жизни,

своими руками.

Даша глядела на нее, пораженная этой внезапной откровенностью. Раева по-прежнему не сводила взгляда с троицы, медленно бредущей к дверям, и лицо ее было освещено такой мягкой улыбкой, какой Даша никогда прежде не видела на лице суховатой и сдержанной управляющей.

Глава 14

У дома Дашу ожидал новый сюрприз. Глеб Боровицкий собственной персоной! Она призвала Прошу к ноге и немного нерешительно подошла к сыну Петра Васильевича, пытаясь сообразить, как он узнал ее адрес.

– Здравствуйте. Вы меня ждете?

Глеб смотрел на нее без выражения, не отвечая. Даша в который раз удивилась, что они с братом совершенно не похожи на отца. Лицо у младшего Боровицкого красивое, породистое, но эта породистость была начисто лишена тонкости и интеллигентности, свойственной его отцу. «Типичная внешность голливудского актера», – мелькнуло у Даши в голове.

– Дарья Андреевна, вы очень упорно уклоняетесь от разговора со мной, – сообщил Боровицкий, с ходу ошеломив Дашу.

«Когда я уклонялась от разговора? О чем он?» Она немедленно почувствовала себя виноватой и даже собралась извиниться, хотя не очень понимала, за что.

– Вы приняли решение, о котором мы с вами говорили?

Глеб не сводил с нее темных глаз, и от его взгляда Даша никак не могла сосредоточиться, обдумать, что же ей говорить. Что она расследует убийство его отца? Что у нее остались какие-то непонятные записи Петра Васильевича и она определится с квартирой, когда расшифрует их? «Господи, бред какой...»

– Послушайте меня... – Глеб сделал шаг навстречу Даше и оказался так близко, что она отшатнулась. Он был большой, какой-то квадратный, и от его дорогой кожаной куртки пахло автомобильным ароматизатором. – Долго вы собираетесь тянуть кота за хвост? Сколько можно...

Закончить Глеб не успел. Проша встал на задние лапы и поставил передние ему на грудь. Перед глазами Боровицкого-младшего оказалась лоснящаяся собачья морда. Пес дышал прямо в лицо Глебу, свесив набок лилово-розовый язык. Глеб, который терпеть не мог собак, сейчас с изумлением обнаружил у этого дикого пса ресницы, торчащие кустиками над глазами. А сами глаза были темно-карими и глубокими. Боровицкий отшатнулся, и собачьи когти заскользили по коже куртки.

– Проша, фу! – прикрикнула Даша, приходя в себя. – Фу, тебе сказали!

Пес нехотя снял лапы с человека. Боровицкий не сводил с него взгляда, а Даша не сводила глаз со слюны, оставшейся на куртке Боровицкого.

– Вы бы свою собаку в наморднике держали! – посоветовал Боровицкий, отступая еще на шаг и стараясь сохранять спокойствие. – Она у вас опасна для людей. Будь у меня пистолет...

– Будь у вас пистолет, вы бы даже вытащить его не успели, – резко сказала Даша. Вся ее растерянность улетучилась от одного взгляда на обмусоленную дорожную куртку Глеба. – Вот что, Глеб Петрович, – продолжила она, не давая Боровицкому времени прийти в себя, – расскажите мне, что там у вас за история с Горгадзе. Он ведь – я правильно помню? – ваш родственник?

Глеб хотел было ответить, что их история – не ее собачье дело, но слово «собачье» молниеносно вызвало в его памяти морду с белыми кустиками ресниц и влажным языком. Он поморщился и начал рассказывать.

* * *

Свою сестру Элю Игорь Горгадзе очень любил, хотя она была ему и не родной, а всего лишь сводной. Но какая разница – сводная, родная... Главное, чтобы каждый находил в другом необходимую родственную поддержку. А Игорь ее, безусловно, находил. Сколько себя помнил, он

всегда бежал к Эльке за утешением. Старшая сестра выслушивала его, советов не давала, но Игорю советы и не нужны были. Главное – выговориться близкому человеку.

Сначала Игорь жаловался на родителей – в подробностях рассказывал, кто и как его обидел. А обижали родители часто, потому что характер у маленького Игоря был вредный и пакостный. Потом, когда подрос, стал жаловаться на обидчиков в школе. Характер у него остался таким же вредным и пакостным, но возможности расширились – теперь Игорь сначала рассказывал Эле, что он придумал для Сереги Ведерникова, а потом жаловался на то, что сделал с ним в отместку сволочь Ведерников. Эля покорно слушала, кивала, заваривала вкусный травяной чай. Напившись чаю, довольный Игорь уходил.

К концу школы он сформировался в умного злого подростка, поставившего перед собой незамысловатую цель заработать как можно больше денег. Игорь начал обдумывать разные пути. Для начала поступил в пединститут, потому что язык у него всегда был хорошо подвешен, а еще потому, что в пединституте училось очень много девочек и очень мало мальчиков. А в уме Игоря уже начал вырисовываться неясный план по обретению финансового благополучия.

Ко второму курсу план оформился окончательно. Он был прост и очень банален. Нужно было всего лишь выбрать состоятельную девушку из сокурсниц, охмурить ее и жениться на дурочке. А там – пусть рождает себе детей, ходит в бассейн и в парикмахерскую и готовит ему еду. А распоряжаться финансами будет он, Игорь.

В наполеоновских мечтах Горгадзе видел себя зятем преуспевающего столичного чиновника, которому восхищенный тесть передает какое-нибудь *дело*. А там – развернись, душа! И план был вполне осуществимый, и девочки подходящие, разумеется, нашлись, и внешность у Игоря была очень даже ничего – полугрузинского розлива. Иногда он загадочно намекал на княжеские корни и трагическую судьбу деда. Девочки таяли и жалели Игоря.

Возникла только одна небольшая сложность. Нет, даже не сложность, а так, неприятность. Сводная сестра Эля категорически отказывалась выслушивать рассказы брата о его планах. Более того, дала понять, что ей они противны. Пару раз он начинал ей жаловаться на провал с той или другой девочкой, но вместо сочувствия Эля – тихая, молчаливая Эля, никогда в жизни слова не сказавшая ему поперек! – хмурилась и уходила в другую комнату.

Сначала Игорь ничего не понимал, а потом догадался: она же ревнует, дуреха! Вот смех-то! Нет, к Эльке он всегда хорошо относился – и красавица, и мозги вроде бы есть. Но они же родственники, понимать надо! Нет, жену-то он себе все равно выберет, а сестра пусть сама со своими эмоциями справляется.

Эля была старше на три года, но Горгадзе очень удивился, когда на последнем курсе института она вышла замуж. Ее избранник Игорю категорически не понравился – высокий, худой, с непонятно откуда взявшимися барскими замашками. Ну конечно, потомственный москвич, само собой! Когда Игорь упомянул о своем княжеском происхождении, этот нахал с интересом спросил:

– А из какой именно княжеской фамилии? Вообще-то в Грузии их не так много...

Игорь попытался вывернуться, намекнул на трагическую судьбу деда, что всегда прекращало любые расспросы на корню. Ну как же, у человека такая трагедия!

– А при чем тут твой дед, прости, не понял? – удивился муж сестры. – Ты что, фамилию его не знаешь? Откуда же про княжеский род известно?

От неожиданности Игорь совершенно потерялся – начал блеять что-то, попытался перевести разговор на другое... Но Боровицкий оказался неожиданно упертым типом.

– Нет, ты постой, – вежливо сказал он. – Ты говоришь, у тебя княжеский род, так? Вот я тебя и спрашиваю – с чего ты взял? С того, что твоя бабушка рассказывала?

Вокруг засмеялись. Горгадзе не знал, что ответить. А самое обидное – что его вечная заступница Элька стояла рядом со своим мужем и молчала. Ни словечка не сказала! Как будто так и надо... Вот за это унижение Игорь пообещал себе отомстить и выскочке Боровицкому, и предательнице сестре.

Отомстил качественно и со вкусом; опять-таки с выгодой для себя. Правда, получилось, что не Боровицкому, а Эльке, но тоже неплохо. У сводной сестры была подруга – толстая дуреха с курчавыми, как у негра, волосами. Игорь с ней случайно познакомился у Эли в гостях, а там и план составил. Подруга по имени Катя была глуповата, влюбчива и происходила из правильной семьи: папа работал в облпотребсоюзе, мама шуршала секретарем в Союзе писателей. Два «союза» в работе родителей Катерины грели сердце Горгадзе. Недолго думая, он окрутил дуреху, и через пару

месяцев после близкого знакомства Катюша могла есть у него с рук все, чем бы он ни вздумал ее кормить.

А потом Игорь торжественно объявил об этом сестре.

Первый раз за все время, что он ее знал, тихая Эля вышла из себя. Начала какую-то ахиною выкрикивать – что-то вроде того, что не отдаст лучшую подругу на растерзание негодяю. В общем, очень красиво и пафосно. Игорь только посмеивался. А затем она вздумала поговорить с Катей. На что, собственно, Горгадзе и рассчитывал.

Эля жаждала раскрыть подруге глаза на ее жениха, но за два месяца Игорь успел провести хорошую работу. Дурочка Катя вывалила в ответ на Элю все, чем он успел напичкать ее кудрявую голову. И то, что Эля всегда мешала увлечениям брата, и то, что она сама влюблена в него, и даже то, что за своего сноба Боровицкого она вышла только назло ему, Игорю. «А теперь хочешь мне свадьбу расстроить? – зло кричала Катя. – Ничего у тебя не получится!» Эля выслушала ее молча, повернулась и ушла. Этим бы все и закончилось, но, спускаясь с лестницы, она неизвестно отчего потеряла равновесие, скатилась со ступенек и сломала себе ногу. И уже в больнице у нее случился выкидыш. «Ударилась сильно, – сказали потом Боровицкому врачи, – да еще переволновалась. Ничего, еще нарожаете».

Боровицкий начал с того, что избил Горгадзе до состояния свиной отбивной. В больницу к Игорю пришел хмурый мужик, взял у него заявление, и Горгадзе уже предвкушал, как ближайšie три года будет носить Боровицкому передачи. Но тут что-то пошло не так.

Когда, выйдя из больницы, он попытался узнать о ходе дела, то столкнулся с непробиваемой стеной. Следователь долго отфутболивал его, потом объяснил, что у Боровицкого алиби, а на возмущенные крики Горгадзе посоветовал придумать что-нибудь поинтереснее, чем клеветать на недругов.

Горгадзе метнулся к Кате и ее родителям, и вот тут-то выяснилось самое неожиданное: подонок Боровицкий успел провести с ними большую работу. Игорь не мог даже представить, что он им наговорил, но разговор самого Горгадзе с потенциальным тестем получился очень короткий.

– Еще раз увижу около своего дома – посажу, – веско пообещал Катеринин папаша и захлопнул дверь перед носом ошеломленного Игоря.

В последнюю секунду тот успел заметить за папашей курчавую башку и маленькие глазки, с ненавистью глядящие на него. Свадьба накрылась.

Из подъезда Катиного дома Горгадзе вышел с намерением мстить хитро и изощренно. Но вскоре узнал, что Эля с мужем уехали в другой город.

Спустя несколько лет они вернулись, однако к тому времени Игорь выкинул из головы планы мести, поскольку полностью переключился на новую стезю – он начал писать. И не просто писать, а писать вдохновенно, от души, развив одновременно бурную деятельность по проталкиванию своих опусов.

Сестру он искренне жалел. Игорь хотел с ней поговорить, но Боровицкий не пустил его даже на порог. Более того – после его неудачного визита Горгадзе отказали в толстом литературном журнале, куда уже почти гарантированно взяли один его опус и даже обозначили гонорар. Знакомый намекнул Игорю, что это дело рук Боровицкого, у которого повсюду связи и свои люди. Если «похищение» сестры Горгадзе еще мог простить, то несостоявшуюся публикацию – никогда! С тех пор все его несчастья принимали облик Боровицкого, и чем дальше, тем больше Игорь ненавидел мужа сестры. До самой ее смерти он так и не смог даже поговорить с ней, хотя не раз пытался. После ее похорон Игорь стоял у могилы и старался вспомнить лицо сестры, но в памяти всплывала только ее улыбка – детская, мягкая. А еще – как она кивала головой, когда он жаловался на родителей. И больше ничего.

* * *

– Глеб говорит, что его дядя, то есть Горгадзе, очень любил сестру, – сообщила вечером Даша Максиму за ужином. – После ее смерти он им обоим, Глебу и Олегу, звонил и даже встречался с ними.

– А откуда Глеб знает эту историю? – нахмурился Максим. – Кто ему рассказал?

– Не знаю, – пожала плечами Даша. – Я как-то не спросила. Понимаешь, момент был такой

удобный – он рассказал, а я сразу хватъ Прошку за шкурку и в подъезд. Только крикнула ему, что позвоню, и все.

– Вот самое главное ты и не узнала, – упрекнул жену Максим, ставя тарелку в раковину. – Если ему Горгадзе рассказал – одно дело. А если сам Боровицкий – то другое. Ладно, фиг с ними. Что в пансионате нового?

Даша подробно рассказала. Максим покачал головой и вышел из-за стола.

– Ну и ну... – хмыкнул он, принимаясь за мытье посуды. – Значит, во-первых, Боровицкий и репетиторша знали друг друга раньше. Горгадзе признался тебе в убийстве Боровицкого, во-вторых. В-третьих, за тебя почему-то заступился... как его...

– Ангел Иванович, – подсказала Даша.

– Елки-палки, что за имя! В общем, сумасшедший старикашка. Что у нас там еще было?

– А до того, – вспомнила Даша, – мне Денисов, главврач, сказал странную вещь.

– Какую? Ты мне не говорила.

– Я забыла. Он сказал, что бывший математик Яковлев по прозвищу Виконт на самом деле никакой научной работой не занимается. А занимается полной ерундой. Помнишь, мы с тобой фильм американский смотрели...

– «Игры разума», – согласно кивнул Максим. – Угу, понятно. А к Боровицкому это какое отношение имеет? Ну, съехал слегка дядечка крышей... Так они все в «Прибрежном», судя по твоим наблюдениям, с прибабахом.

В дверях появилась Олеся с книжкой.

– Мама, а ты уверена, что там не психушка? – заявила она, размахивая Дарреллом.

Только Даша собралась возмутиться предположением дочери, как Олесю неожиданно поддержал Максим:

– Вот-вот, у меня такое же подозрение возникло. Там хоть один нормальный человек есть?

Даша подумала.

– Есть, – кивнула она. – Самый здоровый – это управляющая, Раева.

– По законам жанра она и есть главный злодей! – провозгласила Олеся и протопала по коридору в туалет.

– Я тебе сколько раз говорил – в туалете с книгой не сидеть! – крикнул ей вслед Максим.

В ответ раздалось невнятное бурчание и щелчок закрываемой двери.

– Кстати, шутки шутками, – добавил он, – но Раева и в самом деле должна быть первой подозреваемой. Если в пансионате что-то нечисто, то она не может не быть в курсе.

– Понимаешь, – медленно начала Даша, – я тоже так думала до сегодняшнего дня. Но, когда она начала объяснять про Ангела Ивановича – ну, почему она его оставила при пансионате, – у нее было такое лицо... такое... в общем, просветленное, что ли.

– И ты на основании просветленности физиономии директрисы делаешь вывод, что она ни при чем? – скептически осведомился муж.

– Да нет, не делаю. Но я ее как будто с другой стороны увидела, понимаешь?

– Понимаю. Аргумент конечно, очень сильный.

– Максим, ты зря иронизируешь. Если б ты видел, как она на того бедолагу смотрела! Люди, которые могут так смотреть, стариков не убивают, – серьезно сказала Даша.

– Ладно, тебе виднее, знаток человеческих душ. Скажи-ка мне лучше: а ты сама Горгадзе веришь?

Даша задумалась.

– Не знаю, – сказала она наконец. – Как-то получается слишком просто: всю жизнь ненавидел Петра Васильевича и наконец-то убил. Да это и не объясняет, зачем Боровицкий делал записи, которые потом оставил мне.

– И не объясняет, отчего умерла Уденич, – добавил Максим. – И кого она увидела ночью, когда вышла из пансионата.

Виктория Окунева, много лет назад

Вика держала в руках сапоги, привезенные тетей Людой из Финляндии, и не могла оторвать от них глаз. Замшевые, мягкие, на маленьком устойчивом каблучке – мечта, а не сапоги. «И под сумочку

подходят», – представила Вика, вспоминая свою коричневую сумку с бахромой на боку.

– Что, нравятся? – раздался теткин голос. Вслед за тем Людмила вышла в коридор, завязывая халат.

– Не то слово! – выдохнула Вика.

– Уступить их тебе, что ли... – задумчиво протянула тетка, скептически глядя на сапоги. – Они мне, Вик, маловаты, честно говоря. Купила по глупости на размер меньше, чем нужно было, теперь вот не знаю, что и делать.

– Тетя Люда, тетя Люда, уступите! – взмолилась Вика. – Вы с дядей Пашей скоро опять куда-нибудь поедете – еще купите! Ну, пожалуйста, ну тетечка!

– Ладно, уговорила, – кивнула Людмила, ставя сапог на пол. – Такие сапожки только на твоих ножках и носить. Бери!

– А... сколько? – осторожно поинтересовалась Вика.

– Даром отдам. Сорок.

Показаться в училище в новых сапогах Вика не успела. Вечером она вышла пофорсить в обновке и в скверике наткнулась на Лариску Егорову с параллельного потока – с факультета русского классического танца. Цепким взглядом углядев Викины сапожки, Лерка взмахнула руками, поцокала-поохала-повосхищалась и, не задумываясь, предложила Вике за них... восемьдесят рублей.

Вика задумалась. Признаться, чудные сапожки оказались ей немного тесны – стопа у нее была хоть и маленькая, но широкая. Но сорок рублей на сапоги ей дал отец, и он мог не обрадоваться, узнав, что придумала его дочь. «Да и ладно, верну ему его рубли, и окончен разговор», – решила Вика.

– Завтра принесу деньги, а ты захвати сапоги, – подгоняла Лерка, косясь на замшевое сокровище. – Смотри, с утра меня найди!

– Сама найдешь, – отрезала Вика. – Кому сапоги нужны?

Лерка поджала губки, но возражать не стала.

На следующий день Вика проснулась с утра с больной головой и с температурой. Вызванный на дом врач сообщил, что у нее типичный грипп, и Вика, ругая противную Егорову, от которой она наверняка и подхватила заразу, осталась в постели.

А вечером заглянула Сонька Рабина, Викина подружка. Узнала, как дела у Вики, рассказала свои скудные новости и уже собиралась убегать, как вдруг увидела сапожки, скромно стоящие под старой кривоногой табуреткой.

– Ой, Вика, откуда у тебя такая прелесть? – восхитилась она, подхватив сапог и высматривая циферки размера на подошве.

– Тетка из Финляндии привезла, – хрипло ответила Вика, хлюпая носом.

– Мне бы такую тетку... Я бы ее на руках носила! Слушай, Вик, продай, а?

– Они дорогие, Сонь, – предупредила Вика, прекрасно зная, что деньги у Сониных родителей водятся.

– Не дороже денег, – отмахнулась Сонька. – Сколько?

– Ну... – задумалась Вика, боясь продешевить.

– Сто двадцать пойдет? – заторопилась Сонька, жадно заглядывая Вике в глаза.

Вика сглотнула. Восемьдесят рублей за сапоги, которые оказались ей не совсем впору, – это было гораздо больше того, на что она рассчитывала.

– Пойдет, – кивнула она. – Сапоги твои.

– А денежку я тебе завтра занесу, договорились? – заулыбалась Сонька. – Ну, побежала я. Выздоровлявай!

Первым же человеком, которого встретила Вика в училище после выздоровления, оказалась Лерка Егорова. Пока Вика раздевалась и сдавала дубленку в гардероб, Лерка следила за ее отражением в зеркале. Наконец, улучив момент, подошла к Вике, собиравшейся подниматься в классы, и на ухо спросила:

– А что с сапожками-то моими, а?

Вика вздрогнула и чуть не подскочила на месте.

– Егорова, ты так людей не пугай! – выдохнула она. – А то зайкой стану!

– Так что с сапожками моими? – повторила Лерка, и голос ее звучал недобро.

– С чего они вдруг твоими-то стали? – вскинулась Вика.

– Да вроде мы с тобой обо всем договорились, – пожала плечами Егорова. – Договоренность исполнять надо. Или нет?

Вика почувствовала себя не в своей тарелке. Белобрысая Егорова никогда ей не нравилась. Лицо у Лерки было красивое, но какое-то острое, будто его составили из треугольников. И еще от нее пахло духами «Красная Москва», которые Вике очень хотелось иметь самой. Поэтому она и не любила Егорову. К тому же, стоя сейчас на лестнице, она поняла, что Егорова прекрасно знает о том, кому достались сапожки. И спрашивает Вику не всерьез, а лишь для того, чтобы ткнуть носом: вот, мол, мне пообещала, а обманула!

Оттого, что упрек был отчасти справедлив, Вика особенно разозлилась и высокомерно заметила, глядя на Лерку сверху вниз:

– Ты, Лерочка, меня не учи, что надо исполнять, а что нет. Я не хуже тебя знаю!

Лерка постояла, покривила губы, развернулась и ушла, не сказав ни слова.

«Хамье, – мысленно обозвала ее Вика. – Такой только в колхоз ехать... дояркой работать». А через десять минут уже выкинула Егорову из головы.

Трое суток спустя Вика сидела в кабинете, стены которого были выкрашены в грязно-болотный цвет, и отчаянно рыдала.

– Хватит блажить, хватит блажить-то! – прикрикнул на нее следователь, молодой парень лет двадцати шести. Кожа на лице у него была гладкая и румяная, как у ребенка. – Давай рассказывай, что еще продавала, спекулянтка!

– Я... не... не спекулянтка, – заикаясь, проговорила Вика. Все происходящее казалось ей кошмаром. – Вы ошиблись, я ни при чем!

– За попытку ввести следствие в заблуждение знаешь сколько тебе добавляют? – следователь откинулся на спинку стула и закурил. – Много, голубушка, ой много. Ты же государство пытаешься обмануть, понимаешь? Хотя тебе не впервой...

– Я не виновата! – отчаянно выкрикнула Вика и снова заплакала. – Я правда не виновата!

– Не виновата? – тихо спросил следователь, встал со стула и обошел Вику сзади. Она съезжилась. – Не виновата, говоришь? А вот на это ты что скажешь, голубушка?

Он швырнул на стол какую-то бумажку, и Вика вздрогнула. Потом сквозь слезы выхватила из текста, написанного красивым почерком, одну фразу. «В том числе предлагала купить сапоги иностранного происхождения, которые продала потом Рабиной Софье Михайловне...»

– Это Лерка Егорова написала! – ахнула она.

– Вот и чудненько, – обрадовался следователь, возвращаясь на свой стул и начиная что-то писать на бланке. – Хорошо, что отпираться не стала. Рассказывай, кому еще вещи продавала: когда, что именно, за сколько, у кого взяла.

– Вы... вы что? – опять начала заикаться Вика. – Я никому! Ничего! Я только эти сапоги – и все!

– Ну конечно, конечно, – следователь наморщил гладкий лоб и стал похож на магазинного пупса. – Так и запишем: вину признала частично.

– Я не частично, я целиком... – всхлипывала Вика.

– Тогда подписывай, раз целиком, – неожиданно грубо заорал на нее гладколицый. – Выкобенивается тут: то признала, то не признала... Внизу ставь подпись, дура!

Вика не помнила, как она вышла из высокого серого здания. Ничего не соображая, прошла два квартала, свернула в первый попавшийся сквер, занесенный снегом, и села на холодную скамейку. Руки замерзли, но варежек в карманах почему-то не оказалось. Она прижала руки к лицу и разрыдалась.

Жизнь закончилась, Вика это точно знала. Балет, театр, училище, подруги – всему наступил конец. Как и мечтам о выступлениях в Большом, толпах поклонников, цветах, аплодисментах и всем остальном, что обязательно должно было наступить в ее жизни, но по нелепой случайности уже никогда не наступит.

Она не очень представляла, что ее ждет дальше и почему ее не сразу посадили в камеру, а отпустили, но понимала: деваться ей некуда. Вика перестала рыдать и посмотрела на мокрые красные ладони. Может быть, повеситься? Или броситься с крыши? Но она знала, что не сможет – слишком страшно, а главное – *навсегда*. Слезы у нее высохли, и она смотрела перед собой пустыми

глазами. Постепенно начало темнеть, зажглись фонари. Надо было вставать и идти домой, но Вика не могла подняться с места. Дома родители, дома ужин, дома была жизнь, которая теперь для нее закончилась. И возвращаться в эту закончившуюся жизнь было пыткой. Ведь предстояло рассказать родителям... Или им уже все рассказали?

У нее закружилась голова, потому что она очень давно ничего не ела. Вика попробовала встать, но снова упала на скамейку. Следствие, потом суд, затем – тюрьма. Вот что ее ждет. Она попыталась вспомнить, что было написано на том большом листе, который она подписала, но ей вспоминалось только «В том числе предлагала купить сапоги иностранного происхождения...». Иностранное происхождение сапог показалось ей вдруг очень смешным, и Вика истерично рассмеялась. Смех перешел в икоту, которая никак не прекращалась, потом в рыдания и опять в икоту. Так она и икала, сидя на холодной скамейке и глядя, как на сугробах становятся все ярче желтые круги от фонарей.

Мысленно она раз за разом возвращалась в тот вечер, когда Сонька пришла навестить ее, и переигрывала все по новой: вот Сонька предлагает ей деньги, а она отказывается. Или еще раньше – до прихода Соньки она прячет сапоги в тумбочку. Да, лучше спрятать, никому не показывать, чтобы Сонька и знать не знала про злосчастные чудо-сапоги. Или наоборот – показать, но отказаться от денег? Да, так, конечно, лучше, хотя Сонька наверняка обиделась бы. Впрочем, что ей за дело до Сонькиной обиды – главное, что у нее, у Вики, все тогда было бы в порядке!

Вика подняла красные глаза и огляделась. И поняла, что переиграть уже ничего нельзя – она все уже сделала. Показала Соньке сапоги. Продала. Отказала Егоровой.

Вика попыталась опять заплакать, но слезы почему-то не лились, и она тихонько заскулила, уткнув лицо в промерзлый рукав дубленки.

– Эй, ты что воешь? – раздался мужской голос, и кто-то решительно приподнял Викино лицо за подбородок.

Она закрыла глаза.

– Вика, ты, что ли? – удивился человек, и она посмотрела на него.

В первый момент она не поняла, что это за незнакомый вальяжный мужик, который так уверенно называет ее по имени, но в следующую секунду вспомнила. Иван Степанович! Иван Степанович Гузеев, отец Степки Гузеева, который учился раньше в училище, но на третий год бросил и перешел в какую-то элитную спецшколу.

Со Степкой Вика дружила, даже была у него на дне рождения, от которого у нее остались странные воспоминания: большущая квартира с громадной сверкающей люстрой в зале, свисающей почти до стола, очень много взрослых и совсем немного подростков. Только сам именинник Степка, она, да еще двоюродный брат Степки – толстый молчаливый мальчик. Ей тогда было скучно. Но Ивана Степановича она хорошо запомнила: гости говорили тосты, обращаясь почему-то к нему, а не к Степке, и, когда Иван Степанович в конце тоста что-нибудь говорил, все начинали смеяться. Она не понимала почему, но тоже послушно смеялась вместе со всеми. Даже странно – столько времени прошло, а она запомнила папу Гузеева. Наверное, потому, что он был очень самоуверенный.

– Здравствуйте, Иван Степанович, – прошептала она. – А вы что здесь делаете?

– А ты что здесь делаешь? – усмехнулся тот. – С мальчиком поссорилась?

Он лукаво подмигнул. На Вику нахлынуло все то, что случилось с ней сегодня, и она снова зарыдала.

– Да ты что? Эй, не реви! Или что серьезное случилось? – Голос Ивана Степановича из насмешливого стал обеспокоенным. – Ладно, хватит тут мерзнуть, пойдём-ка в машине побеседуем.

Вика послушно встала и побрела за широкой спиной старшего Гузеева. В большой машине было тепло, за рулем кто-то сидел. «Шофер», – догадалась она.

– Рассказывай, красавица, – приказал Гузеев, усевшись рядом с ней на заднее сиденье. – Коля, поехали.

Вике хватило двадцати минут, чтобы передать все события последних дней. Иван Степанович послушал, покивал, один раз одобрительно усмехнулся и заметил:

– Молодец, хорошо работает.

Но Вика не поняла, к чему это он. Закончив рассказывать, она закрыла глаза и постаралась не разреветься опять.

– В общем, не хлюпай, – посоветовал Иван Степанович. – Коля тебя сейчас домой отвезет. Слышь, Коль?

Шофер молча кивнул.

– А ты, Вика, больше всякими глупостями не занимайся, поняла?

Вика кивнула, глядя на Ивана Степановича ничего не понимающими глазами.

– Да не смотри ты на меня, как на икону! – рассмеялся тот. – Обещать не стану, но, думаю, никто твоим делом серьезно заниматься не будет.

– Это... как? – не поверила Вика.

– Да так. Вот ведь делать им больше нечего... – пробурчал он себе под нос. – Ну, не прощаюсь, увидимся еще с тобой.

Он вылез из машины и захлопнул дверь. «Волга» быстро тронулась с места, так что Вика не успела ничего сказать.

– Адрес какой? – обернулся к ней Коля.

Вика назвала улицу и некоторое время сидела словно в оцепенении. Иван Степанович сказал... сказал, что никто ее делом серьезно заниматься не будет. Но почему?

Начиная что-то соображать, она наклонилась к шоферу и вежливо спросила:

– Николай, скажите, пожалуйста, а Иван Степанович сейчас где работает?

Тот коротко глянул на нее в зеркало и, чуть помедлив, ответил:

– А что, сама не в курсах?

– Мы с ним давно виделись последний раз, – нашла с ответом Вика. – Может, что-нибудь изменилось...

– Уж не знаю, когда ты его видела, только Иван Степанович последние десять лет, сколько я его вожу, первый секретарь горкома, – буркнул шофер.

Вика откинулась на спинку сиденья. Не может быть... Она закрыла глаза, потом снова открыла и посмотрела на свои ладони. Они мелко тряслись.

Следователь больше не вызывал Вику. Зато у него побывала Лера Егорова, которой посоветовали не с рук вещи покупать, а в советских магазинах, в которых, как известно, продается все самое лучшее. Из кабинета Лерка выскочила перепуганной до смерти и до выпуска из училища обходила Окуневу стороной.

Вика встречалась со Степой Гузеевым целых три года – до тех пор, пока вся семья Гузеевых не переехала в Ленинград. Там Степа очень быстро женился на какой-то подходящей девочке из очень подходящей семьи и выкинул Вику из головы.

Вике забыть произошедшее оказалось сложнее. В конце концов она почти убедилась, что ничего страшного с ней произойти не могло. Но коричневую замшевую сумку с бахромой, так хорошо подходившую к финским сапожкам, Вика выкинула.

Глава 15

Сразу после завтрака Даша уселась на полу в зале, разложила вокруг себя истории Боровицкого, на колени положила тетрадь и карандаш и принялась размышлять.

Итак, Петр Васильевич загадал ей загадку. Очень странную загадку, в которой даже не очень понятен вопрос. Кто его убил? Зачем он записывал истории? Кто стал прототипами их героев? Но одними загадками Боровицкий не ограничился – он оставил приз, вознаграждение за правильный ответ. Зачем? Хотел отомстить своим детям или... или что-то другое? Он готовил ее – знакомил с пациентами пансионата, рассказывал про них... «Отец вас просто использовал», – вспомнились вдруг слова Глеба. Даша поморщилась и постаралась выкинуть их из головы.

Прежде всего ей нужно понять, кто есть кто. Вероятно, это и будет конец, ответ на все вопросы. А может быть, и нет. Но пока она ни на шаг не сдвинулась с того места, на котором находилась вначале, когда дочитала последнюю историю. Пора шагать.

Даша внимательно просмотрела листы, исписанные Боровицким, освежая в памяти прочитанное. Господи, как можно разобраться, кто из описанных людей сейчас находится в пансионате

«Прибрежный»? Никаких точек пересечения, совершенно никаких! Впрочем, если Боровицкий зашифровывал свои истории, то все как раз объяснимо.

Даша помотала головой и начала сначала.

Пять историй. Пять людей. И у всех пятерых – ничего общего.

Глуповатая, но славная девушка, искренне любящая своего мужа. Несчастливая девчонка, ставшая жертвой обстоятельств и собственной неприспособленности к жизни. Дама, строящая свой бизнес. Деловая женщина, попавшая в ловушку собственной совести. И – убийца. Впрочем, не исключено, что в этот ряд Боровицкий включил и убитую девушку Свету, которая, на свою беду, связалась с мужем Яны.

Дашу осенило. Она поднялась с пола, сделала круг по комнате и вернулась обратно, на свое место. Девушке, которую убила Яна, было всего двадцать два года. Вряд ли она была круглой сиротой. Значит, у нее должны были остаться родственники. Вот оно! Вот пересечение с обитателями «Прибрежного»! Кто-то из живущих там – ее отец, или мать, или сестра, в конце концов! Боровицкий ведь не указывал дату...

Воодушевленная собственной пронизательностью, Даша схватила телефон, чтобы поделиться с Максимом. И остановилась.

Но при чем тут убийство Петра Васильевича? Почему, например, сестра несчастной Светы непременно должна была ему мстить? Если только эта родственница не отомстила сначала Яне, а Боровицкий об этом узнал...

Додумать Даша не успела – в руке ее резко зазвонил телефон. Даша вздрогнула и выронила трубку. Быстро подняла, будучи уверена, что звонит Максим, но это оказался не он. Мама Никиты Барсукова просила ее приехать, причем именно сегодня. Удивившись такой срочности, Даша назначила встречу на одиннадцать часов, отложила телефон в сторону и задумалась.

Звонок сбил ее с какой-то важной мысли. Убийство, жертва, родственники жертвы... Елки-палки, что же тут не сходится? «Да здесь вообще все не сходится!» – заметила она сама себе и пошла собираться на занятие.

Подходя к подъезду Барсуковых, Даша заметила: во дворе что-то изменилось. Не хватало чего-то привычного... «Джипа» Инны Иннокентьевны нет!» – вдруг поняла она. Точнее, джип имелся. Но стоял он, скромно припаркованный у бордюра, и даже оставлял узкую дорожку для пешеходов. Даша усмехнулась и вбежала в подъезд.

Инна Иннокентьевна с дочерью Ириной встретили ее в дверях.

– А где Никита? – удивилась Даша. – Почему он меня не встречает?

– Ну... вообще-то Никиты сейчас нет... – смущенно ответила мать мальчика.

Ничего не понимающая Даша перестала дергать молнию куртки, которая никак не хотела расстегиваться, и вопросительно посмотрела на Ирину.

– Да вы проходите, проходите, – шумно начала Инна Иннокентьевна, подхватив Дашу под локоть и двигая ее в направлении гостиной. – Мы с вами поговорить хотели.

– Мама, пусть Дарья Андреевна хотя бы разденется!

– О, конечно, конечно!

Ничего не понимая, Даша сняла наконец куртку, разулась и прошла в комнату.

– Милочка, вы садитесь, – хлопотала Инна Иннокентьевна, – вот сюда, сюда... Ирина, принеси нам чай. Может быть, вы пообедают хотите? – обратилась она к Даше.

Даша отказалась. Она перебирала в уме варианты неожиданной любезности бабушки Никиты, но в голову не приходило ничего, кроме единственного соображения – ждать следует непременно какой-нибудь пакости. «Может быть, они хотят отказаться от уроков? Но зачем тогда нужно было просить меня приехать? Нет, здесь что-то другое... Может, хотят, чтобы я занималась с внуком какой-нибудь подруги Инны Иннокентьевны? Но тогда тоже можно было подождать очередного занятия...»

Ирина принесла чай, уселась на стуле, а ее мать расположилась в кресле. Даша сидела на диване в неудобной позе и ожидала разговора, но разговор не спешил начаться. Инна Иннокентьевна принялась рассуждать на общие темы о добре и зле, о морали современного общества. Ирина в разговор не вмешивалась и явно чувствовала себя неуютно, а Даша отхлебывала невкусный чай, периодически вставляя ничего не значащие междометия.

– Нет, вы согласны со мной?! – кипятилась Инна Иннокентьевна по какому-то поводу, уже благополучно забытому Дашей за пять минут монолога Никитиной бабушки. – Это безнравственно –

пользоваться минутной слабостью, может быть, даже болезнью. Конечно, в наше время и все такое... Но так можно оправдать все, что угодно, даже убийство!

– Я не оправдываю убийство, – осторожно встала Даша.

– Я так рада, что нашла в вас поддержку! Я говорила Олегу – нет, милый, ты не прав. Я знаю эту женщину – она никогда так не поступит. А Никита-то вас как любит, а? – В голосе Инны Иннокентьевны слышались ноты умильности. – Правильно говорят: дети – они людей чувствуют! Если плохой человек, жадный – никогда ребенок не будет с таким человеком заниматься. А на Олега вы не сердитесь, он вас не знает совсем... Он еще будет прощения просить!

– Да нет, зачем прощения? – окончательно запуталась Даша.

У нее мелькнула мысль, что Инна Иннокентьевна преждевременно впала в маразм, а ее дочь всячески старается скрыть болезнь, вот и идет навстречу маминым желаниям. Самое разумное в таком случае подыгрывать несчастной женщине, а потом попросить Ирину, чтобы она больше не повторяла подобной терапии с Дашиным участием.

– Обязательно прощения, – настаивала Инна Иннокентьевна, пытаясь над чашкой. – Я его заставлю, заставлю! Они, Боровицкие, все упрямые, да у меня на их упрямость своя есть!

Даша сначала отметила в ее речи знакомое слово, а потом уже до нее дошло, что именно было произнесено.

– Какие Боровицкие? – с изумлением спросила она, отставляя в сторону чашку. – При чем тут Боровицкие?

Бабушка Никиты замерла и тоже поставила чашку на стол.

– Ну как же... – осторожно начала она, поглядывая на дочь. – Вы же сами только что согласились, что поступили нехорошо... Нет, конечно, завещание, я не спорю! Но все-таки речь идет не о тарелках и чашках... не о коврах, в конце концов. Речь идет о жилье. Даже, я бы сказала, – о жилище!

– Откуда вы знаете про завещание? – резко спросила Даша.

– Да все знают про завещание! – воскликнула Инна Иннокентьевна. – Нет, вы все-таки меня удивляете. Неужели вы думаете, что в нашей семье могут быть тайны? Тем более – от меня?

– Да при чем тут ваша семья? – не выдержала Даша. – Вы что, издеваетесь?

– А вы считаете, что семья – это когда только по крови? Ни-че-го подобного! – Инна Иннокентьевна помахала перед Дашиным носом толстым пальцем. – Если моя дочь выбрала Олега, значит, он – тоже моя семья. А свою семью я привыкла защищать!

– Мама! – не выдержала Ирина.

– Нет, ты помолчи! Если она, – последовал кивок в сторону Даши, – не понимает, так я объясню. Сначала, видишь ли, соглашалась, а как дошло до дела, так ей ничего не понятно.

– Ваша вторая дочь замужем за Олегом Боровицким? – переспросила Даша, начиная что-то понимать.

– Вот, видишь, – Инна Иннокентьевна ткнула в Дашу пальцем, обращаясь к дочери, – уже делает вид, что не понимает! Да, представьте себе, Дарья Андреевна, Олег – муж Наташи. Между прочим, у них и сынок уже взрослый, в институте учится. А вы их семью лишаете самого необходимого – квартиры!

«Хватит, – решила Даша, неуклюже выбираясь из-за столика, – все уже слишком далеко зашло».

– Нет, а куда это вы собрались? – крикнула Инна Иннокентьевна, пока Даша торопливо одевалась в коридоре. Она наконец тоже вылезла из кресла и догнала Дашу. – Мы с вами по-хорошему поговорить хотели, а вы, значит, ни в какую, да?

– Я вас убедительно прошу, – Даша первый раз за все время взглянула в глаза Инне Иннокентьевне, – больше со мной не говорить ни по-хорошему, ни по-плохому...

– Ах, вот она как заговорила... Тогда зарубите себе на носу – никаких ваших уроков больше нашему мальчику не нужно. Ирина!

Мама Никиты кивнула, не глядя на Дашу. Даша хотела что-то ответить, но передумала и молча вышла из квартиры. Вслед ей на лестничную площадку донесся могучий голос Инны Иннокентьевны:

– А про квартиры чужие можете и не мечтать! Воровка! Самая настоящая! Совесть бы поимела, дрянь!

В состоянии закипающей ярости Даша доехала до дома, взяла Прошу и быстро пошла в лесопарк. Пес, почувствовав настроение хозяйки, держался рядом, далеко не отбежал и время от времени

искоса поглядывал на нее, словно проверяя: кипит? Даша кипела. Быстро идя мимо почти голых, без листвы, деревьев, огибая серый пруд, она выстраивала в голове свой обличительный монолог. Оставалось только определиться с адресатом.

«Как вы смеете? – заявляла Даша невидимому оппоненту. – Нет, как вы могли подумать, что... Это не просто хамство, это... Так на меня кричать! Я уж молчу про оскорбления! Нет, про оскорбления я не молчу, я...»

Даша оборвала монолог и остановилась. Вокруг было тихо. В лужах под ногами отражались ветки. Все ее возмущение испарилось, и осталось только нестерпимое желание заплакать от обиды. Ее оскорбили, ей отказали в занятиях, и все только потому, что она упомянута в завещании! Даше захотелось немедленно написать отказ от всех квартир в мире, лишь бы на ее пути больше не попадались Инны Иннокентьевны, Олеги, Глебы и им подобные. Самым обидным было то, что она чувствовала справедливость всех упреков. «Ведь квартира и в самом деле должна принадлежать детям... Получается, я просто пользуюсь ситуацией».

Даша пошла дальше, и Проша послушно засеменил за ней. Она шла, стараясь не вспоминать Инну Иннокентьевну, но слезы так и наворачивались на глаза. Ей вспомнился один случай. Когда Даша была маленькой, на нее накричала продавщица в магазине, неправильно рассчитавшая сдачу. Вместо ожидаемых бумажек девочка получила в руки одну мятую купюру и много мелочи. Монет было много, но вместе с тем было очевидно, что случилась какая-то ошибка, и Даша робко попросила пересчитать сдачу. В ответ продавщица разошлась по полной программе, обвинив Дашу во всем – и в наглости, и в хамстве, а заодно и в воровстве. «Ишь, по карманам, может, припрятала, а я за нее отвечаю!» – надрывалась тетка с синими кругами под выпученными глазами. Десятилетняя Даша опешила и от крика, и от абсурдности обвинений, и от неожиданного внимания людей вокруг... Она выскочила из магазина, по дороге рассыпала мелочь и долго собирала в карман, ревя от обиды и несправедливости. Дома она не смогла рассказать родителям, что произошло, и соврала, что потеряла деньги. Тогда ей попало еще и от родителей.

Даше стало так жалко себя, что она хлюпнула носом. И остановилась, обнаружив, что зашла слишком далеко, пора возвращаться. И тут за кустами раздались голоса.

– Нет, ты все выгребай, – говорил чей-то смутно знакомый голос, – всю свою ерунду. Лидии Михайловне покажем, чем ты тут занимаешься...

В ответ слышалось тихое бормотание и шуршание.

– Я сказал, выкапывай все! – повысил голос мужчина.

Тихонько приказав Проше сидеть на месте, Даша подкралась к кустам и раздвинула ветки. На маленькой полянке у самой ограды пансионата сидел на корточках Ангел Иванович, а над ним стоял Борис Денисов, покачиваясь с пяток на носки и обратно.

– Давай сюда свою банку! – приказал Денисов. – А потом разберемся, как ты через ограду перелез.

Присмотревшись, Даша увидела в руках старичка большую кофейную банку, выпачканную в земле, которую он прижимал к себе.

– Не дам, не дам, уйди! – замахал свободной рукой Ангел Иванович.

Лицо у него сморщилось, и Даше показалось, что он сейчас заплачет. Седые волосики вокруг лысины были спутаны, а куртка перемазана в грязи и порвана.

– Я тебе уйду! – грубо сказал главврач.

Он наклонился и вырвал банку из рук старика. Тот не вскочил, а остался сидеть на корточках, глядя снизу вверх. Вид у него был жалкий и больной.

– Так... – бормотал Денисов, открывая крышку и отбрасывая ее в сторону. – Что ж, полюбуемся, что ты здесь припас... Фу!

С этим возгласом он отшвырнул в сторону полусгнившую вареную картофелину. Картофелина прокатилась мимо старика, и тот бросился на нее, схватил и спрятал под курткой. С тем же брезгливым выражением лица врач достал за краешек кружевную салфетку.

– Что такое? А, это у нас для удовлетворения эстетических потребностей. Правильно, Ангел вы наш Иванович? Ну, ангелам салфетки ни к чему, у них и так красота вокруг.

– Отдай! – слезливо попросил старик.

Не отвечая, Денисов скомкал салфетку и сунул ее в карман. Затем из банки был извлечен ком туалетной бумаги. Когда врач развернул ее, внутри обнаружился маленький стеклянный заяц с

отбитым ухом.

– А это ты где взял? – усмехнулся Денисов. – Смастерил на досуге, что ли?

– Это мое! Я нашел, нашел! Выкинули вот там, где красная полосочка, а я нашел!

– Полосочка? А, значит, из мусорки! Вот и правильно, там ей самое и место.

Денисов замахнулся, собираясь выкинуть безделушку. Ангел Иванович вскочил на ноги и бросился к главврачу. Тот поднял руку вверх и с улыбкой смотрел, как подпрыгивает вокруг него маленький старичок, пытаясь достать до своей драгоценности.

– Что здесь происходит? – раздался возмущенный голос.

Денисов вздрогнул и выронил игрушку. Ангел Иванович бросился на нее, схватил и зажал в кулачке.

– Вы? – удивился главврач, глядя на Дашу, выбирающуюся из кустов. – А вы что здесь делаете?

– А вы что здесь делаете? – зло спросила Даша, глядя на Денисова. – Почему вы над стариком издеваетесь? Это такой у вас частный пансионат?

– Никто над ним не издевается, – пожал плечами врач. – Пациент опять ухитрился сбежать, я его разыскал. Оказывается, у него тут было сокровище зарыто. – Денисов захихикал, но, увидев лицо Даши, перестал. – А вообще-то я вам, милая девушка, не советую вмешиваться в лечебный процесс. Иначе я решу, что ваши посещения вредны для наших пациентов.

– Проша, ко мне! – громко крикнула Даша.

Из-за кустов вывалился Проша и уставился на врача. Тот шагнул назад, изменяясь в лице.

– Это ваше лечение вредно для пациентов, – отчетливо произнесла Даша. – Не так давно у вас Уденич умерла. Не от него ли? А о ваших издевательствах я сейчас же расскажу управляющей.

Она решительно взяла старика за руку, обогнула Денисова и пошла вдоль ограды. Старик лопотал что-то непонятное, но послушно бежал за ней. Он начал задыхаться, и Даша пошла медленнее, поняв, что ему тяжело. Она обернулась, но врача не было видно.

– Ничего, ничего, – успокаивающе бормотала Даша непонятно кому, – сейчас мы с ним, садистом, разберемся... Ничего он нам больше не сделает, и не обидит, и игрушки не отберет...

Она поймала себя на том, что говорит со стариком как с маленьким ребенком. «А как же с ним еще говорить? Он же болен! Он же ничего толком не понимает!»

– Осень-то какая теплая в этом году, – неожиданно произнес сзади Ангел Иванович.

Даша остановилась и посмотрела на него. Старик задрал голову и разглядывал верхушки деревьев. Лицо у него было задумчивое, сосредоточенное, и ни намек на сумасшествие не читалось в нем.

– Теплая, – подтвердила Даша, не сводя с него глаз.

– Хорошо. Люблю теплую осень. Я вообще тепло люблю, – он улыбнулся и втянул голову в плечи, как черепаха. – Вот бы на море погреться! Я раньше все работал, работал... А сейчас бы отдохнул.

– А кем вы работали? – осторожно спросила Даша.

– Много кем, – уклончиво ответил старик, – сейчас уж и не вспомню. А на море мне нравилось по камушкам ходить. Знаете, не по песку, а по камушкам.

– Знаю, – тихо ответила Даша.

– Камешки маленькие, под ногами перекатываются... – Ангел Иванович с улыбкой вздохнул. – Я даже самые интересные собирал, а потом домой привозил. Только они терялись, конечно. А на море хорошо – в ладонь камешков наберешь, в горсти сожмешь... Ой!

Он поморщился и разжал кулачок, в котором лежал стеклянный заяц. На указательном пальце Ангела Ивановича выступила кровь.

– Ухом отбитым порезался... – удивленно протянул он. – Надо же, заяц – и порезал меня... Заяц! Порезал!

Он залился тихим смехом, поглядывая на Дашу, словно приглашая посмеяться вместе. Но Даше было не смешно. Перед ней стоял прежний Ангел Иванович – жалкий, беззащитный, сумасшедший старик.

– Вон ворота впереди, – сказала она, чувствуя, что в горле пересохло. – Пойдемте.

Глава 16

В кабинете Раевой раздался звонок.

– Лидия Михайловна, к вам тут дамочка идет с нашим пациентом, – уважительно сообщил охранник.

Раева сразу поняла, о ком идет речь. И совершенно не удивилась, когда дверь распахнулась и в проеме показалась высокая светловолосая женщина. За ней виднелся маленький старичок, а за ним – еще какие-то смутные фигуры.

– Я хочу с вами поговорить, Лидия Михайловна, – громко сказала Даша, проходя в кабинет.

– Во-первых, здравствуйте, – отозвалась Раева. – Во-вторых... – Она пригляделась к старику и приказала: – Нина Ивановна, приведите Ангела Ивановича в порядок и покормите его. Он обед пропустил.

Пожилая санитарка поспешно закивала и потянула старика за собой, но Ангел Иванович проявил неожиданное упорство: вцепился Даше в рукав и не отпустил.

– Пожалуйста, покушайте, – негромко сказала Даша, начиная чувствовать себя неловко.

– Мне бы картошечки... – попросил Ангел Иванович, глядя на нее снизу вверх слезящимися глазами.

Даша посмотрела на управляющую.

– Нина Ивановна, посмотрите – на кухне картошка осталась? Если нет, попросите, чтобы сварили, – распорядилась Раева.

– Вам сделают картошку, – шепнула Даша, наклонившись к уху старика.

Тот мелко закивал и послушно пошел за толстой Ниной Ивановной. Даша закрыла за ними дверь и осталась с управляющей наедине. Раева молчала, глядя на нее.

– Ваш Денисов над ним издевался! – с места в карьер выпалила Даша. – Я гуляла в парке и все видела!

– Позвольте... – остановила ее Лидия Михайловна. – Не могли бы вы рассказать с самого начала?

Она показала на стул. Даша села и стала рассказывать. Лицо Раевой все время было непроницаемо, и только под конец, когда Даша упомянула про стеклянного зайца, управляющая поморщилась:

– Безделушку одна наша пациентка подарила другой, а та выкинула. Значит, Ангел Иванович ее подобрал...

– А как фамилия пациентки? – неожиданно спросила Даша.

– Красницкая, – удивленно взглянула на нее Лидия Михайловна. – А подарок был для Окуневой.

– А Виктории Ильиничне он, значит, не понравился, – кивнула Даша. – Понятно.

Раева молчала. Даша почувствовала себя неудобно: про Денисова она рассказала, нужно было вставать и уходить. Но просто так уйти тоже было глупо. Хотя... Требовать отчета у Раевой она не могла, угрожать заявлениями в милицию было и вовсе бессмысленно.

– С Денисовым я поговорю, – управляющая словно прочитала Дашины мысли. – А вас, Дарья Андреевна, я попрошу...

Она сделала небольшую паузу, и Даша интуитивно почувствовала, что сейчас будет произнесено. Но она же еще ничего не узнала!

– Лидия Михайловна, – перебила Даша Раеву, – скажите, а вам самой не страшно, что у вас в пансионате убийца?

– Вы о чем? – изумилась Раева, забыв, что хотела сказать.

– Горгадзе признался, что именно он убил Петра Васильевича Боровицкого. Вы ведь знаете об этом?

Даша испытующе смотрела в бледное лицо Раевой, но, к ее удивлению, та рассмеялась и встала из кресла.

– Дарья Андреевна, ну неужели вы и в самом деле думаете, что несчастного журналиста убил Игорь Кириллович? – Она покачала головой, достала из сумочки пачку сигарет и закурила у окна. – Вы знаете, наверное, что дело закроют?

– Знаю, – подтвердила Даша.

– Но, конечно, не знаете почему. Я вам скажу. В ту ночь окно в комнате Боровицкого было

приоткрыто. А подоконник тщательно протерт. Следователь предполагает, и я не могу с ним не согласиться, что кто-то посторонний забрался в комнату Петра Васильевича, увидев свет в его окне.

– Зачем?

– За ноутбуком хотя бы, – пожалала плечами Раева. – Для любого окрестного ворья, которого здесь немало, компьютер очень ценная вещь.

– Но на вашу территорию не так-то просто попасть! – возразила Даша.

– Однако возможно, несмотря на все мои старания, – вздохнула Раева. – Пример с Ангелом Ивановичем очень убедителен, вам не кажется?

– Лидия Михайловна, это... это глупость какая-то, – сказала Даша неуверенно, тщетно пытаюсь подобрать аргументы. – Грабитель залез, ударил ножом, ничего не взял... Полная ерунда, ну полная же! Следствие ошибается!

– Возможно, – легко согласилась Лидия Михайловна. – Но даже если и так, Горгадзе не имеет к произошедшему никакого отношения.

– Почему вы так уверены?

– Потому что я всех их знаю, – просто сказала Раева. – Поймите, Дарья Андреевна: я управляю миром, как ни смешно это звучит. Маленьким, но миром. Это мир нашего пансионата. И всех своих пациентов я знаю так хорошо, как они сами себя никогда не знали. Возьмите того же самого Игоря Кирилловича: он уверен, что мог бы уничтожить всех вокруг! Но на самом деле его раздраженность на мир – только на словах. Бодливой корове бог рогов не дает, знаете ли. Единственное, в чем он отличился за все время, – так это тем, что дал Красницкой сдачи в драке. И, между нами, был совершенно прав.

Раева потушила сигарету и открыла окно.

– А вон и господин Денисов, – задумчиво заметила она, глядя вниз. – Дарья Андреевна, вам пора уходить.

Даша поднялась и пошла к двери. У порога она обернулась и спросила:

– Лидия Михайловна, простите за нескромный вопрос – вам нравится здесь работать?

– Я вам сказала, что пансионат – особый мирок, – ответила управляющая, по-прежнему глядя в окно. – Но дело в том, что он еще и неправильный, как мир почти любого замкнутого социума с жесткими правилами. Скажу вам откровенно – наш пансионат, пожалуй, лучший в стране. Мы делаем для пациентов все. Но при этом...

Она замолчала.

– Что – при этом? – не выдержала Даша.

– Знаете, мои родители умерли очень давно, – внезапно сказала Раева, – погибли в катастрофе. Так вот, если бы мне дали возможность выбирать: либо все останется как есть, либо родители проживут долгую жизнь, но старость проведут в моем пансионате, – я бы без сомнений выбрала первое. Вы понимаете, о чем я? О том, что никому бы не пожелала такой участи на старости лет. Ведь, по сути, жизнь здесь – то же самое, что жизнь в больнице. В хорошей, дорогой, со всеми удобствами, но больнице. Такая жизнь уродлива и неправильна...

В дверь постучали.

– Войдите, Борис Игоревич, – повысила голос Раева. – Всего доброго, Дарья Андреевна.

Вечером Даша рассказала Максиму обо всех событиях, начиная со встречи с Инной Иннокентьевной и заканчивая случаем с Ангелом Ивановичем. Начала жаловаться, но неожиданно для себя не получила никакой поддержки.

– Я ученика потеряла, а ты меня даже пожалеть не хочешь! – возмутилась она.

– Знаешь что, Дашка, – без всякого сочувствия сказал Максим, – ты сама себя лучше всех жалеешь. Я даже тебе завидую.

Даша притихла и недоуменно посмотрела на мужа. Но тот молча перебирал какие-то рабочие бумаги и продолжать разговор не собирался.

– Нет, ты уж, пожалуйста, объясни, – попросила Даша, начиная злиться. – Что значит «сама себя жалеешь»?

– Только не выходи из себя, – спокойно попросил Максим. – Даш, ты мне все так трогательно описала: и как тебя в магазине обидели, и как старая дура на тебя накричала... Я понимаю, детские комплексы и все такое... Но, видишь ли, милая, тебе сейчас не десять лет и даже не шестнадцать. Ты

взрослая тетка. Но при малейшем наезде на тебя ты сразу поднимаешь лапки кверху и начинаешь с упоением себя жалеть. Что, разве я не прав? Как только выяснилось, что твои Барсуковы приходится родственниками детям Боровицкого, со всеми вытекающими отсюда последствиями, ты решила сдаться без боя.

– Ничего я пока не решила... – начала было Даша, но Максим перебил ее:

– Разве? Ты сама мне сказала пять минут назад, что собираешься вернуть квартиру законным владельцам. А все из-за чего? Из-за того, что кто-то нарушил твой душевный покой! Самое смешное, что не близкий тебе человек, а совершенно чужой и, кстати говоря, антипатичный. До мнения которого тебе и дела-то быть не должно.

– Да я клиента потеряла! – попыталась защищаться Даша.

– У тебя клиентов, между прочим, десять человек. Ты от них даже отказываешься. Так что не парь мне мозг по поводу клиентов, ладно?

Максим опять уткнулся в бумаги, а Даша осталась сидеть, обдумывая услышанное.

– Ну ладно, ты чего так разошелся? – примирительно спросила она спустя несколько минут. – Уж и пожалеть себя нельзя.

– Да ну тебя! – махнул рукой муж. – Пожалеть себя, конечно, можно и нужно. Вот только твоя жалость переходит все границы. Ты не словами ограничиваешься, а сразу хочешь от всего отказаться, лишь бы тебя не трогали. Ну так отдай квартиру, и черт с ней! Тем более что затея с расшифровкой историй Боровицкого кажется мне все более бредовой. Кстати, хотел тебе днем позвонить, да закрутился... – вспомнил он, и Даша насторожилась. – Я поговорил с одним из наших, с Лехой Макаренко, у него брат жены в политехе работает. Так вот, брат его уверяет, что мозги у бывшего ректора Яковлева получше наших будут. Не знаю, что он там придумывает с рыбками, но его последние статьи, которые он в прошлом году написал, весьма грамотные и продвинутые. И вообще он до сих пор большим авторитетом пользуется, хотя уже давно не ректор.

– Значит, Денисов мне соврал... – задумчиво кивнула Даша. – Я почему-то так и думала. Интересно только, для чего?

На следующее утро она собралась и поехала в театр, где когда-то танцевала балерина Окунева. Поездка оказалась неудачной.

– Ее там вообще никто не помнит! – разочарованно рассказывала Даша в тот же вечер, стругая огурец для салата. – Олеська, режь яйцо помельче. Что за ломти у тебя получаются?

– Да ладно, все равно будет вкусно, – отмахнулась дочь. – Мама, а она была хорошей балериной?

– Не знаю, – пожал плечами Даша. – Наверное, обычной.

– А с кем ты беседовала? – поинтересовался Максим, под шумок утаскивая малосольный огурец.

– Со всеми, – вздохнула Даша. – И со старенькими гардеробщицами, и с какой-то важной дамой из администрации. Никто даже фамилии Окуневой не вспомнил! Хотя про статью я говорила, кажется, убедительно... Максим, оставь огурец, нам для салата не хватит!

– Может быть, твоя Окунева все придумала? – предположил Максим. – Хотелось ей быть балериной, вот она и нафантазировала.

– А Боровицкий тоже попался на ее выдумку? – засомневалась Даша. – Вряд ли. Да и держится она так... в общем, как балерина.

– А ты много отставных балерин видела, дражайшая супруга? Судя по твоим рассказам, половина стариканов из пансионата все про себя фантазируют.

Даша задумалась. Она не могла вспомнить, говорила ли ей управляющая о том, что Окунева – балерина, или она слышала это только от самой Виктории Ильиничны и от Боровицкого? Да, а ведь есть еще Яковлев! Про которого Петр Васильевич говорил, что у него выдающийся ум, а Денисов утверждал, что он просто ненормальный... Интересно, кому же из них верить?

– Знаешь что, Максим... – решительно объявила Даша. – Завтра я сама спрошу у Окуневой и Красницкой про работу и их отношения с Боровицким!

– Так они тебе и скажут, – хмыкнул муж. – Хотя попробовать можно. Только, пожалуйста, держи Прощу при себе, хорошо?

– Да, мам, ты давай там поосторожнее, – попросила Олеся. – Вдруг тебя убьют? А у меня даже черного платья на похороны нет.

Максим с Дашей переглянулись и захохотали.

Утром ударил осенний морозец и выглянуло солнце. Когда Даша достала утепленную куртку, Проша в нетерпении подпрыгнул и попытался облизать капюшон.

– Безобразие, – строго заметила она. – Взрослый пес, а ведешь себя как щенок. Нет, даже как пудель.

На пуделя Проша обиделся и ушел на свой коврик – ждать, пока хозяйка оденется. Наконец они вышли на улицу, и оба зажмурились – солнце светило вовсю. Пока, не торопясь, брели через парк, Даша пыталась составить план разговора с Красницкой. Римма Сергеевна ей нравилась, и не хотелось обижать ее с ходу обвинениями во вранье. Приблизившись к воротам, Даша убедилась, что так ничего у нее и не придумалось, и осторожно прошла внутрь, косясь на охранника.

Все пациенты пансионата гуляли. Мимо Даши проехал на инвалидной коляске грузный мужчина, даже не посмотрев на нее. Проша отступил на шаг назад и наклонил голову от удивления. Вдоль дорожек на скамейках по одному и парами сидели старики. Кто-то беседовал, кто-то молча грелся на солнышке. «Это неправильный мир», – вспомнила Даша слова управляющей. Может быть. Но сейчас обитатели этого неправильного мира выглядели гораздо лучше пенсионеров из ее собственного дома, уютившихся на кривых лавочках возле переполненных мусорных баков.

На дорожке около пруда Даша заметила знакомую фигурку и поспешила к ней. Проша, не дожидаясь команды, покорно улегся за знакомыми кустами, прикрыл морду лапой и вздохнул.

– Римма Сергеевна, здравствуйте!

Даша с интересом разглядывала старушку. На ней было длинное черное пальто и кокетливый розовый шарфик. Седую голову с кудряшками закрывал крошечный беретик под цвет шарфа. «Ну вылитая новогодняя игрушка, – пришло Даше в голову. – Уменьшить ее, повесить на веточку – и будет этакая сказочная старушка. Еще корзинки не хватает».

– Ой, Дашенька! – обрадовалась Красницкая. – Добрый день! А вы посмотрите, день-то сегодня какой хороший, а?

Даша согласилась, что день замечательный, и они пошли рядом по дорожке. Время от времени Даша сходила с тропинки, чтобы пропустить бредущих навстречу старичков. Они дошли почти до здания пансионата, как вдруг Римма Сергеевна схватила Дашу за руку.

– Дашенька, давайте туда не пойдем! – шепотом попросила она.

– А что такое? – тоже шепотом спросила Даша, хотя поблизости никого не было. Только охранник виднелся за оконным стеклом около двери.

– Там... понимаете, там человек, с которым я не хочу встречаться...

Красницкая потащила Дашу за собой в противоположную сторону, но Даша, оглянувшись, успела заметить бывшую балерину Окуневу. Когда они обошли пансионат по кругу, запыхавшаяся старушка остановилась.

– Давайте посидим, Римма Сергеевна, – сочувственно предложила Даша.

Они сели на скамейку.

– Почему вы ее боитесь? – спросила Даша прямо.

– Я?! Боюсь?! – оскорбилась старушка. – С чего вы взяли?!

– А почему же тогда не хотите встречаться?

– Просто она мне неприятна, – пожал плечами Красницкая. – К тому же...

Красницкая помялась немного и в конце концов призналась, что они с Окуневой поссорились.

– Пришла она ко мне ночью... – рассказывала Красницкая, придвинувшись к Даше и теребя кончик розового шарфа. – Когда же это было? Ах, да! Как раз тогда, когда бедная Ирина Федотовна скончалась, упокой господь ее душу. – Красницкая мелко перекрестилась и продолжила: – Я как раз Виктории Ильиничне игрушку стеклянную подарила, зайчика, на именины ее. И вот, представьте себе, Дашенька: приходит она уже ночью ко мне в комнату и начинает скандалить. Да-да, именно скандалить! И так некрасиво...

– Но почему? – перебила Даша.

– Ах, да все из-за зайца! – всплеснула ручками Красницкая. – Несла какую-то полную чепуху – что фигурка, мол, намек, что все из-за несчастного Петра Васильевича...

– Боровицкого?!

– Ну да, из-за него. В общем, я так ничего толком и не поняла. А Окунева швырнула зайца об стену. Вы можете себе представить?! Он, правда, не разбился, но я все равно его выкинула, не

оставлять же разбитую вещь...

– У него ухо откололось, – задумчиво сказала Даша.

– Что? А, да. Откуда вы знаете?

Даша только махнула рукой. Теперь было ясно, откуда взялся стеклянный заяц у Ангела Ивановича, которого тот прибавил к своим сокровищам.

– Значит, вы так и не поняли, почему Окунева рассердилась?

– Нет, – покачала головой Римма Сергеевна. – Я только начала спрашивать, а тут Уденич, покойная, как начнет кричать из-за стены! А голос-то у нее солдафонский, сами помните... Виктория Ильинична шмыг – и за дверь... Так я ничего и не узнала. Попробовала на другой день в столовой к ней подойти, так она – не поверите, Дашенька, – зашипела на меня! Мне так нехорошо стало, я сразу и отошла. А теперь и встречаться не хочется...

Красницкая вздохнула и стала поправлять беретик. Даша посидела молча, глядя на качающиеся от ветра ветки боярышника, а потом негромко спросила:

– Римма Сергеевна, почему вы не рассказали, что были знакомы с Боровицким раньше?

Глава 17

Олеся выскочила из кабинета математики первой. Ура! Математичка отпустила их пораньше на целых десять минут! Поболтав с девчонками в раздевалке, Олеся нашла свою курточку, сунула шапку в карман и выскочила на улицу.

– Леська, шапку надень! – крикнула Светка. – Прасковья увидит – родителям наядбедничает!

– Фиг с ней, – махнула рукой Олеся, – тепло. Мне бы предки еще ушанку нацепили...

Девчонки рассмеялись и разбежались. Олеся прошла через школьный садик, остановилась, чтобы сорвать с ветки гроздь рябины, и заметила за оградой человека в кожаной куртке. Тот стоял неподвижно и, кажется, смотрел на нее.

Девочка поправила капюшон куртки и провела рукой по волосам. Пошла дальше, но через несколько шагов обернулась. Мужчина стоял на том же месте и смотрел ей вслед.

«Вот это да! Ирка помрет от зависти! Интересно, он за мной пойдет или нет? А может, он кого-то ждет?» От последней мысли Олеся сразу перестала веселиться. «Точно – ждет, наверное, кого-нибудь из старшекласниц...» Она независимо повела плечами, сунула рябину в карман и пролезла через дырку в заборе.

До хлебного магазина Олеся дошла за пять минут, стараясь идти помедленнее. А вдруг... вдруг тот взрослый мужчина – видно же, что взрослый! – все-таки решится и пойдет за ней? Она, конечно, родителям ничего не расскажет... Папа говорит, что одиннадцать лет – слишком юный возраст для романов. Глупость какая! Нет, маме можно рассказать. Интересно, он красивый или нет?

Не выдержав, Олеся обернулась и увидела, что кожаная куртка мелькает сзади в толпе. Она чуть не рассмеялась от радости – значит, он все-таки ждал ее. Когда же он подойдет познакомиться?

Девочка пошла дальше, стараясь идти как можно медленнее, но мужчина почему-то не торопился догнать ее и остановить с каким-нибудь глупым вопросом. Например, в фильмах обычно спрашивают: «Девушка, а который сейчас час?» Или: «Вы не знаете, нам с вами по пути?» А еще лучше: «Я вас увидел и сразу влюбился!»

Олеся обернулась снова, выглядывая поклонника, но тот нырнул за какую-то тумбу, она успела заметить только край куртки. Олеся нахмурилась – это было странно. Хочешь познакомиться – так познакомься! «Может быть, он очень робкий? – пришло ей в голову. – Но ведь он совсем взрослый... Странно».

Олеся завернула за угол, представляя, как будет рассказывать о случившемся одноклассникам, но ее радостное ожидание куда-то улетучилось. Она даже пожалела, что не пошла со всеми девчонками, которые болтали за школой – там, где курили старшекласницы. Она бы и болтать не стала, а просто постояла, но зато потом можно было бы быстро добежать до дома, а не оглядываться на каждом шагу.

Олеся остановилась у светофора. Улочка была неширокая, но родители приучили ее ни в коем случае не перебегать на красный свет. Она стояла, думая, что сейчас самый подходящий момент для знакомства. Осмотрелась словно невзначай, но мужчина в куртке пропал. «Нет, он, наверное, случайно за мной шел, – с неожиданным облегчением решила Олеся. – Подумаешь, мужик какой-то... А девчонкам все равно расскажу, пусть завидуют!»

Около мини-маркета она вспомнила, что мама просила купить хлеба. Стоя в кассу с батонном, Олеся рассматривала шоколадные батончики, когда в дверях появился мужчина в кожаной куртке, издали трудно было разобрать, тот же это человек или просто похожий. Она видела, как мужчина прошел по магазину, вертя головой в разные стороны.

– Девочка, у тебя только батон? – недовольно спросила кассирша, глядя на бледное личико.

Олеся сглотнула и кивнула.

– Клади на ленту, пожалуйста.

Олеся спохватилась, что прижимает к себе хлеб, положила его на транспортер и полезла в карман. Не выдержав, обернулась, но зал за ее спиной был пуст.

– Десять двадцать.

– Что? – вздрогнула она.

– С тебя десять двадцать, – терпеливо повторила женщина за кассой и вдруг добавила: – Ты что, двойку, что ли, получила? Небось родители заругают...

Олеся первый раз взглянула на полную тетку за кассой, глубоко вдохнула и быстро произнесла:

– Пожалуйста, помогите мне, за мной гонится какой-то человек!

– Какой человек? – удивилась та, приподнимаясь из-за стойки и оглядывая зал. – Девочка. Не выдумывай. Десять рублей с тебя. И двадцать копеек.

– Пожалуйста, я не выдумываю! – умоляюще прошептала Олеся. Взгляд ее упал на бейджик на униформе продавщицы. – Ирина Витальевна, за мной какой-то человек идет от самой школы. Он, наверное, маньяк!

– А я что сделаю? – растерялась Ирина Витальевна.

– У вас телефон есть? Можно я позвоню? Пожалуйста!

Номер телефона на мобильнике Максима определился незнакомый. «Опять ошиблись, наверное», – подумал он, но нажал зеленую клавишу.

– Папа, – сказал в трубке дрожащий голос. – Папочка, за мной какой-то человек идет от самой школы. Папочка, что мне делать?

– Олеся?! – изумился Максим, и тут до него дошло, о чем говорит дочь. – Леська, ты где? – рывкнул он на весь кабинет, так что шарахнулась проходящая мимо сотрудница.

– Я в «Семеновском», мне позвонить дали, – всхлипнул тоненький голосок.

– Дай мне того человека, который рядом стоит, – приказал Максим. – И чтобы никуда не выходила из магазина, поняла? Я сейчас приеду.

Олеся подняла глаза на недовольную тетку в накрахмаленной наколке:

– Поговорите, пожалуйста... Это мой папа.

Когда спустя тридцать минут Максим влетел в минимаркет, то сразу увидел Олеся. Девочка сидела на табуретке за витриной с тортиками и пирожными, а над ней возвышалась монументальная продавщица. Олеся подняла глаза и заметила отца.

– Папа!

Она слетела с табуретки, чуть не перевернув ее, и бросилась к нему. Максим подхватил маленькое худенькое тельце, прижал к себе, но попытку зарыдать пресек.

– Ну-ка цыц! – строго сказал он. – Все нормально, слезы и сопли отменяются. Сейчас мы с тобой отправимся в милицию, а по дороге ты мне все подробно расскажешь. Ладно?

После безрезультатной беседы в милиции Максим с Олесей пошли домой. По дороге Максим обдумывал, что теперь предпринять. «Сначала какой-то кретин гнался за Дашкой, теперь – за Олесей... Убил бы Боровицкого своими руками! – стиснул он зубы. – И никакой его квартиры не надо. Впутал нас непонятно во что, старая сволочь!»

Дома их ждала растерянная Даша, которой Максим позвонил по телефону.

– Олеся, Максим, что случилось? – бросилась она навстречу мужу и дочери.

– Что-что... – пробормотал Максим, стягивая водолазку. – Прогулялись, воздухом подышали... И нечего на меня так смотреть! – повысил он голос. – Доигрались со своим сумасшедшим домом, впору охрану к вам обеим приставлять!

– С каким сумасшедшим домом? – встряла Олеся. – Пап, да это просто какой-то придурок был! Олеся рассказала Даше, что с ней случилось.

– Я и милиционеру все рассказала, – закончила она, – только он, по-моему, не поверил.

– Поверить-то он, может, и поверил, – поправил Максим. – Только сделать они ничего не могут. Советуют на будущее быть осторожней, – выразительно взглянул он на жену, – и подарить ребенку дешевый сотовый.

Совсем растерявшаяся Даша опустилась на диван. Кто-то следил на Леськой... шел за ней всю дорогу из школы... А если бы он ее догнал?! Дашу передернуло, и она судорожно прижала дочь к себе.

– Да ладно, мам, не тискай меня, – отбивалась Олеся. – Мам, ну все же нормально! Меня папа спас. И сказал, что, когда найдет уroda, то они вместе с дядей Сашей из него фарш сделают.

Дядя Саша был давним приятелем Максима и по совместительству – тренером по боксу.

– А Сашка-то тут при чем? – ничего не соображая, спросила Даша.

– При том, что у него фарш хорошо получается, – буркнул Максим в ответ, стягивая свитер. – Он у нас известный мастер по котлетам.

– Олесь, а ты того парня можешь описать? – каким-то не своим голосом спросила Даша. – Ты что-нибудь запомнила? Одежду, лицо, какую-то деталь...

– Да я все запомнила! Он высокий, темноволосый, и на нем куртка кожаная. Взрослый, – прибавила Олеся.

Даша задумалась. Потом подняла глаза на Максима. Она хотела сказать, что по описанию человек очень похож на того, который гнался за ней в парке, но муж ее опередил.

– Процентом восемьдесят против двадцати, что это тот же самый козел, – сухо проговорил Максим. – Дарья, у тебя предложения будут? Нет? А у меня есть. Поскольку родная милиция нас явно не собирает беречь, вашей охраной должен заняться кто-то другой. Олеся, сядь поближе и слушай внимательно...

Вечером они пошли гулять втроем. Время от времени Даша нервно оглядывалась, но во дворе было пусто. Только несколько собачников не торопясь прохаживались на собачьей площадке, да ходил туда-сюда молодой паренек с коляской.

– Даша, перестань дергаться, – в сотый раз повторил Максим. – Не появится он, не появится. Если он следил за нами, то знает, что по вечерам я гуляю с Прошей.

– А вдруг он решил на тебя напасть? – высказала Даша мысль, которая давно ее мучила. – С Олесей и со мной у него не получилось...

– На тебя он напал, когда ты была без собаки, – напомнил муж. – Ты же сама говорила, что, похоже, видела его раньше, так?

– Так, – подтвердила она.

– Вот видишь. Значит, на меня он нападать побоится.

«Если только не случится что-нибудь, что его подстегнет, – со страхом подумала Даша. – Господи, зачем я только в это ввязалась?!»

– Может, и в самом деле попросить Сашку помочь? – умоляюще сказала она.

– Да не городи ерунды, – отмахнулся Максим. – Какая от него может быть помощь? Только очень грубая и очень физическая сила, а она нам сейчас ни к чему.

– Олеська, держись рядышком, – нервно скомандовала Даша. – И Прошу не отпускай, чтобы он не удрал.

Проша обернулся и укоризненно посмотрел на нее.

– А ты не подслушивай, – пригрозил псу пальцем Максим. – Вон, иди под кустик.

За четыре круга, что они сделали вокруг дома, Даша успела сообщить обо всех событиях в пансионате. Собственно, рассказывать было в общем-то и нечего.

– Красницкая даже не отрицала, что они с Боровицким были в близких отношениях. – Она продолжала держать Олесю за руку. – Только удивлялась, откуда я про них узнала.

– А ты что сказала, мам? – встряла Олеся.

– Знаешь, Лесь, я даже не сообразила, что говорить, – призналась Даша. – Сначала какую-то ерунду начала городить, а потом соврала, что мне сам Петр Васильевич рассказал. И вот тогда она такое устроила!

У Даши перед глазами встало злое лицо Риммы Сергеевны, и зазвучал ее голос.

«Не смейте мне врать! – трясла пальцем Красницкая. – Боровицкий не мог вам этого рассказать, я прекрасно знаю! Можете его не выгораживать!»

«Да при чем тут выгораживать? – защищалась Даша. – И почему не мог?»

Вся злость старушки улетучилась в один момент. Она ссутулилась, стянула с головы свой розовый беретик, скомкала его в руке и тихо произнесла: «Потому что он меня забыл. Вот почему».

– Представляете, у них и в самом деле был роман, – рассказывала Даша внимательно слушающим Максиму и Олеся. – Правда, недолгий – месяца два или три... Однажды Боровицкий уехал в какую-то командировку, а когда вернулся, о Красницкой даже не вспомнил. Она смертельно обиделась и, когда случайно увидела его на улице полгода спустя, решила не подходить.

– Не самый красивый поступок, – заметил Максим. – Я о Боровицком, естественно.

– Да, – нехотя согласилась Даша, – не самый. Но дело не в этом. Дело в том, что в конце концов их жизнь снова свела в «Прибрежном». И – представляете? – Петр Васильевич свою бывшую любовь не вспомнил! Вот это для нее оказалось самым обидным. Для нее-то он был большой любовью!

– А для него – так, сезонное развлечение, – неожиданно высказалась Олеся.

– Леська! – ахнула Даша. – Я в одиннадцать лет даже слов таких не знала!

– Ну, ты же сама говоришь, что я у тебя акселератка, – пожала плечами дочь, в глубине души очень довольная.

– А что, Олеся права, – поддержал девочку Максим. – Да, нехилый удар по самолюбию Красницкой получился.

– Поэтому она взяла ножичек и – чик! – Олеся махнула рукой и показала, что сделала Красницкая.

– Прекрати сейчас же! – нахмурилась Даша. – Этого мы не знаем. Но, по-моему, Красницкая не могла бы никого убить. Она даже мымру-балерину боится как огня, и все потому, что та на нее накричала. Игрушка ей, видите ли, не понравилась.

– А математика – то ли гения, то ли сумасшедшего – ты сегодня не видела? – внезапно спросил Максим.

– Нет, – покачала головой Даша, – не видела. Почему ты про него вспомнил?

– Да, знаешь, подумалось: вдруг в одной из историй Боровицкий зашифровал его? Попробуй с ним поговорить. А то мы с тобой ищем женщину, а может, искать надо мужчину?

– Видишь ли, – поразмыслив, ответила Даша, – у меня вообще стойкое ощущение, что мы не там ищем. Все неправильно, понимаешь? Совершенно все. Сколько я ни разговариваю со стариками, ничего нового не выясняется.

– Ты выяснила, что у них злой главврач, – напомнила Олеся.

– Да, только к нашей истории он никакого отношения не имеет, – возразил Максим. – Хотя... Слушай, а давай представим: Боровицкий узнает, что тот издевается над пациентами, обещает разоблачить, а Денисов-Борисов его за это убивает. Как тебе такой поворот?

Даша с Олесей остановились и посмотрели на него.

– А рассказы Петра Васильевича тут при чем? – настороженно спросила Даша.

– Вспомни: у той старушки, которую чуть было не убивает женщина по имени Инна, был зять. По сюжету Боровицкого он пишет письмо Инне с требованием не беспокоить ни его, ни жену.

– И ты полагаешь, что тем зятем мог быть Денисов? – задумалась Даша.

– Почему бы нет? Вопрос – как это выяснить. Ладно, пошли домой, уже поздно. Проша, ко мне!

Глава 18

«Нечего ее бояться... Нечего ее бояться...» Такую нехитрую мантру Даша начала твердить на подходе к пансионату. Помогло, но ненадолго: как только она подошла к ограде, ей сразу стало не по

себе. Встреча предстояла неприятная...

«Может быть, еще ничего и не получится», – сказала себе Даша.

Но она знала, что с одиннадцати до двенадцати у пациентов пансионата нет никаких процедур. День опять выдался ясный, и, значит, человек, с которым ей нужно было поговорить, скорее всего, сейчас мирно прохаживался по дорожкам или сидел на скамеечке. Оставалось только найти его и выяснить все, что нужно.

У ограды пансионата оказалось неожиданно шумно. Пара охранников стояли около будки навытяжку, а возле них раздраженно прохаживался крепкий бородатый дядька.

– Какого... Я спрашиваю, какого хрена вас не было на месте, Головлев?

– Я Илюху подменял, – пожал плечами парень.

– Здорово! Илюху! А Илюха где был? – с нескрываемым сарказмом осведомился бородатый.

– Семен Вадимыч, вы же сами сказали... – занял второй охранник.

– Я тебе, дурила, когда это сказал, а? – перебил его бородатый. – Свои-то мозги есть в голове или только чужими живешь? Вы что, сами не понимаете – раз Кораблева выпихнули, значит, подменить его надо по-быстрому, чтобы пост не пустовал. Вот балбесы! – со злостью махнул он рукой и тут заметил Дашу, старавшуюся бочком проскочить мимо.

– А ты что здесь суетишься, а? – неожиданно набросился дядька на нее. – Уже час, как спрашивали про тебя!

– Про меня? – испугалась Даша. – Зачем спрашивали? Кто?

– Да уж, наверное, не затем, чтоб калачами тебя угощать! – рявкнул мужик раздраженно. – Тебе смену пора принимать, а ты вопросы дурные задаешь.

– Мне смену не надо! – постаралась оправдаться Даша. – Я у вас не работаю!

– Так ты не сиделка? – удивился бородатый, приглядываясь к Даше повнимательнее. – А кто такая?

– Я... я к пациентам...

– Семен Вадимыч, она по разрешению Раевой, – негромко подсказал охранник.

– А, блин, и точно! – вспомнил Семен Вадимыч. – Прошу прощения, ошибочка вышла. Проходите, пожалуйста.

Даша поспешно зашла в ворота и побрела по дорожке, а спустя пару минут ее нагнал сердитый Семен Вадимыч.

– Бардак, никто своей головой думать не умеет! – ругался он себе под нос, обгоняя Дашу.

– Простите, а что у вас случилось? – робко спросила она, не надеясь особенно на ответ.

Бородатый приостановился и раздраженно махнул рукой, глядя в сторону корпуса.

– Говорю же – бардак, – повторил он. – Сиделку уволили, кретина Кораблева тоже, а из этих, блин, работнички, как из палки...

В последнюю секунду он вспомнил о Даше и не стал заканчивать фразу.

– А за что уволили-то? – осторожно поинтересовалась Даша.

– За то, что спать нужно было меньше на рабочем месте! – рявкнул бородатый так, что Даша вжала голову в плечи. – А если уж и спать, так поодиночке, а не вместе! Вон, больная из-за них померла, доигрались! Жульетты, блин... Думают, раз старики, так ничего не замечают? Нет, они похлеще нашего все замечают. И хозяйке жалуются. А та что? У той разбор быстрый. Виноваты? Виноваты. Ну так получите полный расчет. И ищи потом новых дураков. Эх!

Семен Вадимыч сплюнул в кусты и быстро пошел к корпусу, продолжая ворчать на ходу. Даша посмотрела ему вслед, подумала и решила идти к пруду. Нужный ей человек должен был быть именно там.

И оказалась права – Виктория Ильинична Окунева прогуливалась около прудика, из которого исчезли рыбки, и всматривалась в темную воду. На подошедшую Дашу она бросила недобрый взгляд, а на приветствие ответила кивком. Но Даша настроилась решительно.

– Виктория Ильинична, вы не согласитесь побеседовать со мной? – спросила она с улыбкой.

– О чем же? – хмыкнула старушка.

– О некоторых фактах вашей биографии, – прямо ответила Даша.

Окунева вскинула голову и окинула Дашу пренебрежительным взглядом. Волосы ее, убранные в гладкий пучок, казались серебристыми под лучами солнца, и Даша опять вспомнила аккуратных фарфоровых кукол. Кукла Балерина.

– Опять собираетесь перетряхивать чужое белье? Как покойный Боровицкий? – скривив губы, поинтересовалась Виктория Ильинична.

– А он разве перетряхивал?

– А как же? Здесь, – Окунева широким жестом повела вокруг себя, – завистники, бездари, ничего не добившиеся в жизни. Вот им и хочется... хотя бы прикоснуться к чужой судьбе, особенно если она неординарна, самобытна... Все это подслушивание, пересказы, мелкая месть... Противно и недостойно, а люди упиваются!

Даша сочувственно покивала.

– Виктория Ильинична, но ведь вы можете исправить ситуацию, – осторожно предложила она. – Не нужно никаких пересказов – расскажите все сами. Я обещаю, что запишу все так, как вы захотите.

Окунева с интересом взглянула на нее.

– А вам-то это зачем понадобилось? Что вы вообще околачиваетесь у нас? Место себе заранее присматриваете?

От последнего вопроса Дашу передернуло, но она постаралась улыбнуться.

– Понимаете, Виктория Ильинична, здесь есть очень интересные люди. Я хочу написать большую статью в журнал. Вот, собственно, поэтому...

– А-а, так вы протезе Боровицкого! – поняла Окунева. – Ну что ж, если вы обещаете не идти по стопам своего учителя, не станете ничего додумывать от себя, то ваша статья может получиться. Подождите здесь, я принесу свою шаль. В моем возрасте нельзя безответственно относиться к своему здоровью.

Окунева легко поднялась со скамейки и пошла по дорожке, а Даша вытащила из сумки блокнот и задумалась. На сколько затянется беседа, было неизвестно, а впереди ждало еще одно дело. И оно было куда важнее биографии Виктории Ильиничны.

Спустя два часа она неторопливо возвращалась по парку, переваривая услышанное. Пожалуй, кое-что начало проясняться. Даше в который раз вспомнились слова Раевой: «Это неправильный мир». Сейчас она начала понимать, что управляющая, пожалуй, права.

Даша шла медленно, в парке было тихо, и, когда справа за кустами хрустнула ветка, она сразу услышала. «Не паниковать! Это просто упала сухая ветка», – приказала она самой себе, но сердце предательски провалилось куда-то к желудку и никак не хотело возвращаться обратно на место. Даша обернулась и за стволами деревьев увидела силуэт.

На сей раз человек в кожаной куртке не стал повторять прошлых ошибок. Во-первых, он натянул на лицо старый капюшон с прорезями для глаз. Во-вторых, он ждал бледную сучку не около выхода, а в самой глубине парка. «Хрен ты теперь сбежишь, тварь!» – довольно подумал он, разглядывая замершую женщину. Кастет в кармане приятно охлаждал руку. Человек не стал отказывать себе в удовольствии полюбоваться испуганным лицом женщины. К тому же простое нападение его не интересовало – нет, сучка должна была сначала испугаться! Авось лучше дойдет, что можно делать в жизни, а чего нельзя...

Даша отступила на шаг назад и оглянулась вокруг. Никого. Неудивительно – в эту часть парка не забирались даже собачники вроде нее самой. Она вспомнила о Проше, оставленном сегодня дома, и мысленно прикинула расстояние, которое ей нужно пробежать. Но что-то удерживало ее на месте. Как и в прошлый раз, человек за деревьями не торопился выходить, но теперь у нее не было никаких иллюзий насчет его намерений.

– Слушай, это ты мою дочь преследовал? – неожиданно крикнула она громко.

Человек стоял неподвижно. «Что, совсем обоссалась от страха? – с удовольствием подумал он. – Ничего, еще минута – и будешь передо мной на коленях ползать».

– Что молчишь, урод? – вызывающе спросила Даша. – Думаешь, ты меня легко догонишь? Ну, попробуй.

Она побежала и тут же услышала шелест веток за спиной. Быстро обернувшись, она увидела преследователя и заметила, что сегодня он закрыл лицо маской. Мелькнула ассоциация с бойкими ниндзя из старых фильмов, а в следующую секунду Даша осознала, что расстояние между ними неумолимо сокращается. Тяжелые осенние ботинки на ногах не давали разогнаться, и она боялась,

что упадет, поскользнувшись на листьях. Она завернула по какой-то тропинке влево, потом вправо, пробежала под кленами, нависающими над головой, и нырнула между кустов к старой, заброшенной детской площадке.

Сначала он удивился, а потом обрадовался. Эта дура даже не сообразила бежать к выходу. Конечно, это ничего бы не изменило, но так все упростилось до предела. Все-таки риск нарваться на какую-нибудь прогуливающуюся брюхатую бабу или, еще хуже, на собачника был велик, и на такой случай у него не было запасного плана – он решил действовать по ситуации. Но раз добыча сама исключила неудобный для него вариант – значит, удача наконец-то на его стороне.

Даша выскочила на площадку и попыталась срезать путь, но сразу же поскользнулась на мокрой земле. Проехав ногами вперед и падая навзничь, она успела заметить мужика, выскочившего на открытое место следом за ней и что-то достающего из кармана на ходу. В следующий миг она попыталась вскочить, схватилась за какую-то деревяшку, но оцарапала руку о торчавший из нее гвоздь и опять упала, ударившись затылком об землю. На секунду она закрыла глаза, и перед ее мысленным взглядом встал Ангел Иванович, укоризненно качающий головой.

Все получилось даже проще, чем он думал, и это его слегка разочаровало. Все-таки он настроился на изматывающую погоню, на упоение страхом бабы, понявшей, что ей никуда не деться... А она еще и грохнулась так нелепо, будто жизнь решила поднести ему сегодня все на блюдецке с голубой каемочкой. Он остановился и не спеша сделал пару шагов вперед, наблюдая, как дура морщится от боли. Дышать в капюшоне было неудобно, и он подумал, не стащить ли его таким красивым жестом, чтобы она надолго запомнила и жест, и его лицо, но решил, что не стоит. Сделал последний шаг, остановился над женщиной, лежащей на земле, и выдал давно заготовленную фразу, которая наконец-то дождалась своего часа:

– Ну что, сука, есть справедливость на земле! К каждому она приходит по-разному...

Он вынул руку с кастетом из кармана и хотел эффектно закончить фразу, но ее завершили за него.

– Вот именно, – произнес сзади мрачный голос. – У тебя это будет вот так.

Он обернулся, успел заметить только кулак, летящий прямо в глаза, и инстинктивно зажмурился. Почувствовал страшный удар и рухнул без сознания на землю.

– Саша, ну и рука у тебя! – осуждающе сказала Даша, вглядываясь в лицо своего преследователя, начинающее наливаться красноватым цветом. – А если бы ты ему сотрясение мозга устроил?

– А он и устроил, – пожал плечами Максим, заканчивая обматывать руки пленника веревкой. – Жалко, что все мозги козлу не выбил. Так, моя часть работы закончена. Ну и где наши славные менты?

– Где-где... – отозвался Саша, курящий в стороне. – Они раньше чем через три часа не появятся. Я же говорю – нужно его самим в отделение вести!

– Что-то у меня нет желания тащить этого урода на себе, – Максим сплюнул и отошел в сторону.

– Он, кажется, в себя приходит, – встревоженно сказала Даша. – Ребята, вы посмотрите...

Все трое склонились над парнем, лежащим на земле. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он совсем молод, не старше двадцати лет. Кого-то он Даше смутно напомнил, но она никак не могла понять кого. Кастет нападавшего лежал в кармане у Саши, заботливо обернутый в пакет.

Он с трудом разлепил глаза и увидел над собой три лица. Одно из них – этой стервы! Она смотрела на него внимательно, но без злости. Рядом с ней стоял высокий мужик, и выражение его лица было очень нехорошим. А сзади маячил здоровяк, который – он смутно вспомнил – и ударил его.

– Ну что, догонялки закончились, – процедил высокий мужик сквозь зубы. – А теперь объясняй, что тебе понадобилось от моей жены и дочери.

– Да пошел ты... – пробурчал пленник, и тут же его коротко ударили под дых.

– Максим! – вскрикнула Даша.

– Так, ступай домой, – распорядился тот, кого она назвала Максимом, – а мы сами с маньяком разберемся. Без милиции.

Он сказал это с таким выражением, что парень сразу понял – мужик не шутит. И ему первый раз за все время стало страшно. Когда он охотился за теткой, когда выслеживал ее девчонку, ему и в голову не приходило, что за его действия последует какое-то наказание. Нет, он, конечно, догадывался, что в худшем случае его задержат, но надеялся, что дядя с его деньгами как-нибудь отмажет. В конце концов, все знают: купить можно кого угодно, а уж ментов и подавно. Только купюрками пошелести – они сами прибегут. Нет, лично он этого никогда не проверял, но знал, что так оно и есть, поэтому ничего не боялся.

Но сейчас он лежал на холодной мокрой земле в неудобной позе, руки у него были связаны и затекли, а скула болела. Накачанный мордovorот смотрел на него без всякого выражения, и это тоже было страшно.

– Саша, скажи ему! – просительно обратилась баба к мордovorоту.

– Не, Дашка, я ему ничего говорить не буду, – покачал тот головой. – Я согласен: такое чмо мочить надо. А фиг ли: ну возьмут его менты, так ведь отпустят через пару месяцев... И что, он опять пойдет за Олесей охотиться?

– Вы чего, серьезно, да? – парень почувствовал, что голос у него сел. – Мужики, да вы охренели, что ли?

– Иди, Даш, – спокойно попросил Максим.

Та вздохнула, повернулась и сделала пару шагов. Парень понял: если она сейчас уйдет, его уже ничто не спасет, двое мужиков тогда точно убьют его и бросят здесь, на детской же площадке. Идиот! Он так радовался, что сучка побежала в безлюдное место, а теперь сам лежит в этом месте и ждет-надеется, не пройдет ли мимо кто-нибудь из придурковатых собачников.

– Стойте! – заорал он. – Да стойте вы! Я не собирался ее насиловать!

Двумя руками Максим поднял его, встряхнул со всей силы, так что голова парня замоталась из стороны в сторону, и рявкнул прямо ему в лицо:

– А что?! Что ты собирался с ней делать, тварь?!

Он отшвырнул парня от себя. Тот ударился о землю и застонал.

– Я... хотел только поучить ее маленько... Сначала – чтобы она к деду не липла, а потом – чтобы на чужое не зарилась.

Наступило молчание. Парень всхлипнул и попытался перевернуться, но мордovorот Саша пнул его ногой.

– К деду не липла? – переспросила Даша, не веря своим ушам. – Кто ты такой?

– Я Виктор, Виктор Боровицкий! – выкрикнул парень. – И если вы меня убьете, вас отец с дядей на том свете найдут! Понятно?

«Черт, как же я мог так по-идиотски попасться? На такую дебильную ловушку для дураков! Сразу, сразу нужно было понять, что сучка удирает не просто так, а с замыслом. Мерзкая жадная стерва... Не зря дед ее выбрал – себе искал под статью. И нашел.

Что же теперь будет, а? Не, я ведь не хотел ничего плохого! Я только хотел, чтобы дед отдал то, что он должен, мне, а не какой-то вонючей своей любовнице. Ведь я его внук! Единственный внук, между прочим. Он мне обещал, что квартира будет моей, что там буду жить я! Как он мог так со мной поступить?

Я правда не хотел ничего плохого. Я только хотел получить свое. Хотеть получить свое – никакое не преступление! Но почему тогда они так смотрят на меня? Почему?!»

Глава 19

Олег с Глебом ехали в машине молча. Олег кипел от злости, но сдерживался, а Глеб был полон холодной ярости по отношению ко всему окружающему миру, но в первую очередь – к своему племяннику, безмозглому выродку.

– По-хорошему, – нарушил он молчание, – не нужно бы вмешиваться. Может, Витьке промывка

мозгов на пользу пойдет.

– Ты то же самое Наталье моей предложи, – покосился на него Олег. – Знаешь, что с ней было, когда я ей сообщил, что ее обожаемый сыночек находится в отделении?

Глеб хотел сказать, что Наталья сама виновата – вырастила сына-идиота. Но промолчал. Ссориться с братом сейчас было бы совершенно некстати. Достаточно того, что ситуация испортилась до предела.

– Что он тебе по телефону-то хоть сказал? – спросил он наконец.

– Да что, что! – взорвался Олег. – Что поймали его в парке, когда он за любовницей отца следил, и муж любовницы его избил, а потом с каким-то своим приятелем отвел в отделение. Заявление написали, что он якобы не только за любовницей, но и за ее дочерью следил!

– А он следил?

– Да черт его знает! – заорал Олег, совершенно уже не сдерживаясь. – За дамочкой точно следил, как только с дедом ее засек. Ну, вот вырастил дурака на свою голову! Он, видите ли, решил, что квартира деда должна ему достаться, вот и надумал справедливость восстановить – настучать развратнице кастетом по голове.

Глеб резко вильнул и остановился у обочины.

– У него что, и кастет нашли? – с расстановкой спросил он, глядя на брата в упор.

Олег махнул рукой и выругался. Господи, и за что такое наказание! Мало того, что отец при жизни ему нервы помотал, так после его смерти стало еще хуже.

– Да, папаша, наверное, на том свете отрывается по полной программе, – проговорил Глеб, словно подслушав его мысли. – Ладно, давай думать, что делать...

Придя домой, Даша первым делом опрокинула стопку коньяка, а Максим налил себе полстакана водки. Олеся смотрела на родителей округлившимися глазами.

– Mam, пап, что случилось? Вы чего, а? Вы ж так алкоголиками станете!

– Не станем, – выдохнул Максим. – Лучше корочку принеси, чем морали читать.

Понятливая Олеся умчалась на кухню и вернулась, прижимая к себе буханку. Хлеб был немедленно раскрошен по всем поверхностям. Проша недовольно фыркнул и ушел в угол комнаты – запах спиртного он терпеть не мог. Даша изучила крошки на недавно почищенном диване, но возмущаться не стала. Она была слишком измотана всеми последними событиями – и обсуждением идеи Максима под названием «ловля на живца», и утренним разговором с Окуневой, и недавней идиотской погоней, которая воспринималась как нечто театральное, а больше всего тем, что страшный маньяк и убийца оказался родным внуком Петра Васильевича, недовольным поведением своего деда. «Он ведь был совершенно уверен, что я специально познакомилась с Боровицким и окрутила его, – размышляла Даша, покачивая пустой стопкой. – Охотница за наследством! Конечно, меня нужно было наказать. Как он там говорил? Восстановить справедливость, вот!»

– Максим, а что бы он со мной сделал, как ты думаешь? – спокойно спросила она.

– Кастетом бы ударил, – после паузы сказал Максим. – Ты бы потеряла сознание, и он бы тебя еще отдубасил. И записку бы потом засунул в твой карман – «Помни о семи смертных грехах».

– Папа, так вы его поймали! – завопила Олеся, поняв, в чем дело. – Ура! Он страшный, правда? У него глаза такие ужасные, и сам он весь бледный... Ну мама, ну правда?

– Нет, Леська, – покачала головой Даша. – У него лицо румяное и глаза голубые. Пустые-пустые и очень жадные. И вообще – это не взрослый человек, а юноша.

– Как... юноша? – растерялась Олеся. – А зачем он за мной шел?

– Тоже стукнуть хотел и записку подбросить. Решил, что, раз со мной разделаться никак не получается, нужно попробовать на тебя напасть. Он читал, что детей больше любят, чем взрослых, вот и выбрал тебя. Ты больше не беспокойся, его теперь посадят.

– Да я и не беспокоюсь, – пожала плечами Олеся. – Я его не очень и испугалась.

Максим посмотрел на дочь, вспомнил ее дрожащий голосок в трубке, вспомнил жалкую, несчастную фигурку на табуретке за витриной с тортами, и его окатила такая волна ненависти, что самому стало страшно.

– Я в ванную, – пробормотал он, заметив удивленный взгляд жены, выскочил из комнаты и долго, настойчиво умывал лицо ледяной водой, пока кожу не начало колоть. «Ишь, сучонок, справедливость решил восстановить... Испугать Дашку хотел, чтобы от квартиры отказалась! Теперь

тебя напугают... в колонии...»

В дверь коротко позвонили. Максим промокнул лицо полотенцем, крикнул в зал: «Даш, я открою!» – и пошел в прихожую. За дверью оказались двое крупных мужиков лет тридцати пяти – один в костюме, другой в свитере. Стильно стриженные, хорошо одетые... «Квартирой ошиблись», – решил Максим.

– Добрый вечер, – сдержанно поздоровался мужик в свитере. – Дарья Андреевна дома?

Даша подошла к дверям и высунулась из-за спины мужа.

– Глеб Петрович? – изумилась она. – И Олег Петрович? Что вам нужно?

– А-а-а, так это те самые господа... – недобро протянул Максим.

– Вы не против, если мы побеседуем? – спросил Глеб. – И, может быть, мы не будем стоять на лестничной клетке?

Даша отошла в сторону, чтобы пропустить неожиданных визитеров, но услышала голос Максима:

– Нет, любезные мои, именно на лестничной клетке. В моем доме ноги вашей не будет.

Даша никогда не слышала, чтобы муж разговаривал таким тоном, и ей стало не по себе.

Полминуты царило молчание, потом раздался примирительный голос Олега:

– Хорошо, на площадке так на площадке. Мы приехали, чтобы извиниться перед вашей женой.

Тут Даша не выдержала. Она решительно пролезла вперед и сказала:

– Максим, хватит ребенка морозить. Олеську сейчас продует на сквозняке. Зайдите в квартиру.

Когда Олег и Глеб уселись на диване в зале, Даше вспомнилась встреча у нотариуса. «Это ведь не так давно было, – с удивлением сообразила она, – а кажется, что целый год прошел». Глеб начал что-то говорить, но она не вслушивалась, а только следила за движением его губ на лице, лишенном всякой мимики. Спыхватилась, когда к ней обратились с вопросом.

– Дарья Андреевна, вы согласны? – повторил Глеб.

Даша чуть не покраснела, но ее выручил Максим. Он шагнул от окна и остановился перед братьями.

– Вы что, серьезно предлагаете? – заинтересованно спросил он. – Ваш племянник собирался избить мою жену и выслеживал дочь, а теперь вы хотите, чтобы мы забрали заявление?

– Но мы же не просто так предлагаем! – вмешался Олег. – Ваша супруга получит половину стоимости квартиры вместо предложенной трети. Мы понимаем, что ей нанесен моральный вред, и постараемся его компенсировать. Но поймите и вы нас – Виктор мой сын! Я понимаю, что его поступок нельзя оправдать... но у мальчика был шок...

– Что было у мальчика? – прищурился Максим. – Шок?

Проша, лежащий в углу, зарычал, услышав в интонациях хозяина что-то странное. Пес уже собирался встать, но тут раздался голос Даши:

– Олег Петрович, а ваша свекровь – Инна Иннокентьевна?

Голос ее звучал беззаботно, и Проша успокоился.

– Да, – недоуменно подтвердил тот. – Откуда вы знаете?

– Да так... выяснилось случайно... – уклончиво ответила Даша. – Так вы приехали нас уговаривать, чтобы мы забрали заявление? И решили предложить мне какие-то деньги?

– Не какие-то, а очень неплохие, – поправил ее Олег.

– Знаете что? – легко сказала Даша. – Проваливайте-ка вы все со своими деньгами, а? И вы, и ваш брат, и ваша свекровь – все! Ваш сынок преследовал мою дочь и пытался напасть на меня. И за это он будет нести ответственность по закону.

Она замолчала. Максим посмотрел на жену с изумлением, но, заметив на ее щеках два красных пятна, все понял. «Коньяку хлебнула на голодный желудок!» – расхохотался он про себя. Даша своеобразно реагировала на спиртное: не пьянела, но становилась совершенно бесшабашной. Вот и сейчас она вызывающе смотрела на Олега Боровицкого, набычившегося на диване.

– У вас, Дарья Андреевна, будут большие проблемы. И у ваших родных тоже, – негромко произнес Олег.

Максим быстро шагнул ему навстречу, но его остановил голос жены:

– Милый, не надо. А вы – пошли вон отсюда оба, – спокойно сказала Даша. – Что вы на меня так смотрите? Я сказала – пошли вон. Проша, проводи.

Черный пес встал, прошел по ковру, оставляя вмятины от лап на ворсе, и остановился около

дивана. Квадратная блестящая морда с брылами оказалась так близко от коленки Олега, что тот пододвинулся. Пес потянулся следом за ним, и на дорогие серые брюки упала ниточка слюны.

– Дарья Андреевна, мы позвоним, когда вы будете более вменяемы, – Глеб поднялся с дивана.

– Не утруждайте себя, – ответила Даша. – Скажу вам сразу и окончательно: заявление мы забирать не будем, даже если ему не будет дан соответствующий ход, и квартиру я вам не отдам.

Глеб секунду пристально смотрел на нее, а потом быстро вышел из зала. Помедлив, за ним последовал Олег, и Даша с Максимом услышали, как хлопнула входная дверь. Проша вернулся в зал, подошел к Даше, положил голову ей на колени и глубоко вздохнул.

– Дашка, ты что, правда квартиру Боровицкого хочешь себе оставить? – находясь по-прежнему в состоянии легкой оторопи, спросил Максим.

– Не себе, а нам, – поправила она, глядя Прошу по голове. – Да, Максим, надоели мне мои муки совести, я решила с ними расправиться.

Максим присел на корточки возле дверного косяка и почувствовал, что его разбирает смех. Попробовал сдержаться, но не выдержал и захохотал. Глядя на него, засмеялась и Даша, и на их дружный смех из комнаты прибежала Олеся.

– Как ты им: «Проша, проводи!» – утирал выступившие от смеха слезы Максим.

– А Прошка-то, Прошка! – вторила Даша. – Вышел, проводил и вернулся обратно. Голубчик ты мой!

Она чмокнула пса в морду, и голубчик брезгливо отвернулся.

– Что случилось, скажите, а? – просила Олеся, суетясь вокруг.

– Да все в порядке, – ответил Максим. – Но мама наша была хороша! Дашка, а что ты с рукописью Боровицкого решила?

– Ничего. Я поняла, что разобраться в ней не смогу. Не знаю, чего хотел от меня Петр Васильевич, но он явно меня переоценил. Все от меня зависящее я сделала, поэтому совесть моя чиста.

– Слушай, так Окунева тоже ни при чем? – вспомнил Максим. За последними событиями он совсем забыл об утреннем визите Даши в пансионат.

Даша покачала головой и рассказала все, что узнала от Окуневой.

Та в ответ на вопросы долго описывала свою жизнь в балете, омраченную кознями завистников и бездарностей, но ни один факт ее биографии не совпадал с историями Боровицкого. Всю жизнь она жила в свое удовольствие, на пенсию ушла очень рано и ничем интересным в жизни не занималась. Родила незаметно сына и не замечала его до тех пор, пока он не начал приводить в дом невесток. Вот тогда таланты Виктории Ильиничны развернулись в полной мере – уж что-что, а делать скандалы из ничего она умела в совершенстве! Однако сын повзрослел, многое понял и отправил мать в дом престарелых.

Виктория Ильинична не ухаживала за больной умирающей старухой, не делала карьеру вместе с мужем. Да у нее и мужа-то никогда не было! Правда, были многочисленные любовники, и Даша не сомневалась, что ради них Окунева была бы способна на убийство. Но в последней истории Петр Васильевич писал о муже, а не о любовнике, и, значит, бывшая балерина не годилась в подозреваемые.

– И знаешь, Максим, – добавила Даша, – я уверена, что Уденич никто не убивал. Мы с тобой ошиблись.

– Откуда ты знаешь? – вскинулся Максим.

– В пансионате уволили санитарку и охранника. Кто-то из больных, видимо, пожаловался, что ночами их периодически не бывает на своих местах, Раева провела собственное дознание, и оно оказалось вполне успешным. – Даша невесело улыбнулась. – Эти двое просто прониклись друг к другу теплыми чувствами...

– И развратничали по ночам, – закончил Максим.

– Ну да. Ирина Федотовна, наверное, звуки подозрительные услышала и вышла из палаты. А на улице с ней случился приступ.

– Не знаю... – с сомнением протянул Максим. – Сиделка с охранником запросто могли ее напугать до смерти. Или укол какой-нибудь сделать...

– Могли. Только зачем, Максимушка? Мы с тобой до сих пор не получили никаких подтверждений тому, что в пансионате и вправду убивают стариков. Так только Ирина Федотовна говорила, но она была... в общем, сам помнишь, я тебе рассказывала. Нездоровой она была. И

многое могла придумать.

– А что с зайцем? – вспомнил Максим, немного помолчав. – Помнишь, с тем, которого нашел сумасшедший старик?

– С зайцем все так просто, что даже грустно, – ответила Даша. – Виктория Ильинична рассказала, что давным-давно какая-то балерина зло обозвала ее: сказала, что она прыгает по сцене, как заяц. Окунева запомнила те слова на всю жизнь. Наверное, потому, что они были правдой – балерина-то она была посредственная. Так, общий эшелон. Откуда-то об этом узнал Боровицкий и упомянул в разговоре. Она ужасно оскорбилась, прекратила с ним всякое общение. А потом, когда Красницкая случайно подарила ей безделушку, приняла зайца на свой счет.

– Даш, – подумав, спросил Максим, – а тебе не кажется странным, если человек выходит из себя из-за какой-то игрушки?

Даша вздохнула.

– Максим, я кое-что поняла, – ответила она, глядя в окно. – Помнишь, я передавала тебе слова управляющей, что жизнь в пансионате – это неправильная жизнь? Так вот я поняла, почему она неправильная. Не потому, что у этих стариков нет семей. Точнее, не только поэтому. Сам посмотри: Окунева всю жизнь помнит, как над ней посмеялись, и впадает в ярость при малейшем намеке на давний эпизод. Красницкая худшим событием своей жизни считает, что давний любовник не узнал ее спустя двадцать лет. А сокровища Ангела Ивановича – игрушка с отбитым ухом и старая салфетка.

– К чему ты ведешь?

– К тому, что для этих людей каждое мелкое событие раздувается до вселенских масштабов. Убрали рыбок из пруда, и Яковлев, математик, сразу заболел. Мне санитарки сегодня сказали. Для пансионатских стариков любая мелочь становится таким огромным событием, каким в жизни большинства людей может быть рождение детей, смерть родственников или что-то еще, значимое, действительно важное... А у них стеклянный заяц, напомнивший об оскорблении полувекковой давности, или книжки, которые принесли Уденич ее приемные дети... Лишние слова, бестактные фразы, мелкие ссоры – и вот уже готов их мир со всеми его страстями. Теперь ты понимаешь, какую бурю там поднял своим появлением Боровицкий?

– Да уж... в стакане воды... – пробормотал Максим.

– Но в этом стакане его убили. Причем преступником мог стать кто угодно, потому что у каждого нашлась бы тысяча поводов для ненависти. Мы с тобой, мой милый, никогда не выясним, кто на самом деле виновен.

– Но при чем же тут рукописи?

– Не знаю, – пожала плечами Даша. – Я начинаю думать, что ни при чем. И если убийца – Денисов, то мы тоже никогда его вины не докажем, потому что сегодня утром он просто отказался говорить со мной. Сказал так злобненько: мол, сначала Боровицкий отнимал время у всех, начиная с управляющей и заканчивая пациентами, а теперь вы на его место пришли. Зыркнул глазами на меня и ушел.

– Ну что ж... – задумчиво пробормотал Максим. – Может быть, все и к лучшему. А что ты сделаешь с историями Боровицкого?

– Больше всего хочется их сжечь, – честно призналась Даша. – Они меня пугают. Особенно – последняя.

– Вот завтра и займись. Приедешь от учеников и сожги листки в раковине.

* * *

«Смерть ходит за мной по пятам, но меня она больше не пугает. Смерть наконец-то обрела очертания. Не беззубая болезнь, присосавшаяся ко мне кровоточащими деснами и вытягивающая мою жизнь по капле, а человек. Человек, чье лицо я вижу каждый день. Человека я не боюсь.

Вот только неплохо было бы закончить мою книгу. Мне не нужно дописывать ее – зачем эта необязательная фиксация на бумаге? Нет, я давно понял: хорошая книга – это сама жизнь. В ней обязательно должна быть развязка, кульминация событий. Я подготовил все для кульминации, но осуществит ее кто-то другой. И я даже знаю кто – славная девочка, которая так привязалась ко мне. Она мне нравится. Будет жаль, если она пострадает, но хорошая книга стоит любой человеческой жизни.

Поэтому на самом деле я жалею только об одном – что не смогу посмеяться, когда все закончится. И оттого авансом смеюсь сейчас – когда слышу шаги за дверью, когда вижу человека, входящего в мою комнату, и чувствую запах смерти от его руки, в которой зажат нож.

Моя последняя шутка вышла очень удачной».

Глава 20

Назавтра у Олеси поднялась температура, Даша отменила все визиты и вызвала врача. Выяснилось, что у дочери простуда, и Даша уложила ее в кровать, обставила со всех сторон морсом и велела лежать тихо и думать о хорошем, а еще лучше спать. Олеся немножко поканючила, прося книжку, но Даша была непреклонна: при температуре никакого чтения! Только отдых голове и глазам. Сама она ушла в зал, достала из коробки листочки рукописи и письмо, уже потертое на сгибах. Развернула его и пробежала глазами по строкам.

«...Жаль, что обстоятельства сложились таким образом... очень близкие люди... закончить начатую мной книгу... Решайте сами, когда Вам остановиться...»

– «С уважением и благодарностью...» – повторила она вслух. – Ну что же, вот и пора остановиться.

Ей было жаль сжигать письмо, и она отложила его в коробку. Потом еще раз просмотрела листочки с историями, словно надеясь, что они натолкнут ее на какую-то мысль. Мысль не появлялась.

– Черт бы вас не видал, Петр Васильевич! – пробормотала Даша себе под нос. – Не могли вы яснее выразить, что именно я за вас должна была дописать, а? Ну вот такая я глупая! Да, не могу сообразить, и все тут.

Уголок письма белел из коробки. Даша покосилась на него, просмотрела листы снова, хотя помнила все истории наизусть, и нехотя взяла со стола новый листочек.

«Лена. Ирина. Диана. Инна. Яна» – вывела она в одном столбце.

«Роман. Алексей. Егор. Виктор. Антон» – во втором.

И отдельно – «Света». Убитая девушка.

Пару минут Даша без всяких мыслей смотрела на листочек. Из соседней комнаты раздалось:

– Ма! Иди сюда на секундочку!

Даша поднялась и зашла к дочери.

– Во-первых, мамочка, у меня всего тридцать семь и три! – торжествующе объявила Олеся. – Во-вторых, это значит, что я могу читать!

– Фиг с тобой, поганка, – сдалась Даша. – Что тебе дать?

– Дай учебник по истории, первую часть, – попросила Олеся. – Там такая тоска – только во время болезни читать.

– Сознательная ты моя! – похвалила ее Даша и достала из школьной сумки потрепанный учебник. – Держи. Только читай недолго!

Она вернулась в зал, уселась на ковер и с отвращением посмотрела на свои корявые буквы. Проша в углу поднял голову, вопросительно взглянул на хозяйку, но понял, что прогулки пока не предвидится.

– Лежи-лежи, – посоветовала Даша. – Тебя Максим утром выводил, так что нечего на меня тарашиться.

«А я и не тарашусь, – явственно говорила Прошкина морда. – Кто из нас тарашится – еще большой вопрос».

Даша вздохнула и опять перебрала записи Боровицкого. Надо выкинуть его истории – и буквально, и из головы, но что-то не давало ей сделать это. У нее было ощущение, словно она прошла мимо ответа, а ответ был прост и лежал на поверхности. «Как там говорил Максим... Кто-то мог быть свидетелем преступления. Допустим, Денисов. И он теперь шантажирует убийцу... Господи, бред какой! И при чем тут остальные истории?»

Мысль, почти оформившаяся, ускользнула. А ведь она уже так реально представила себе и

глуповатую Лену – серьезную, сосредоточенную, плачущую на кухне из-за того, что соседка оказалась стервой. И совсем молоденькую Ирину, с замершим, бараньим взглядом собирающую подавание в коробку от конфет. Умную, пробивную Диану, вытаскивающую себя и своего мужа в относительно цивилизованную жизнь с хорошим достатком и интересной работой. Инну – сдержанную, строгую, скрывающую бурю эмоций под маской бесстрастности. И даже маленькую взъерошенную Светочку – вертлявую, истеричную, легко плачущую и так же легко успокаивающуюся. И только один человек оставался тенью с размытыми краями, бумажной фигурой, на которой не было ничего, кроме имени. «Яна».

Даша легла на диван, посмотрела на Прошу и вспомнила, как познакомилась с Петром Васильевичем, как он рассказывал про свою работу, как они беседовали... В памяти ее мелькали картины: вот они гуляют по парку, вот заходят в пансионат, вот Боровицкий похлопывает Прошу по спине, и пес весело виляет хвостом в ответ. В воздухе почудился легкий запах старомодного одеколона. Деревья наклонялись над скамейками, а по дорожкам бродили бестелесные фигуры. Ирина Федотовна Уденич прошла мимо Даши, строго качая головой и подволакивая одну ногу. Яковлев показал издали золотую рыбку, помахивающую хвостом на его ладони. «Я ни при чем», – улыбнулся он, и Даша сразу ему поверила. Маленькая Красницкая закружилась в танце, и получалось у нее гораздо лучше, чем у балерины Окуневой. «Деточка, так ведь и я ни при чем», – помахала она тонкой морщинистой ручкой.

«Да, вы все ни при чем», – согласилась Даша, – и даже страшный и ужасный Горгадзе, который на самом деле еще более уязвим, чем большинство из вас. Но к кому приложить истории, скажите мне? К каждому из вас можно прилепить листочек с надписью: история такая-то».

Даша замахала листками и попыталась приложить их то к одному, то к другому. Но люди вокруг нее не давались, разлетались в стороны, таяли в воздухе и проявлялись уже далеко, в самом конце дорожки. В конце концов Даша поняла, что она зря старается, схватила свои листы, ставшие неожиданно твердыми, и сложила их в воздухе, как веер. Веер закрылся с громким стуком – и кто-то громко сказал над ухом:

– Мам, а где моя вторая книжка?

Даша вздрогнула и открыла глаза. Пару секунд смотрела, ничего не понимая, на Олесю, стоявшую над ней с первым томом «Истории» в руках.

– Господи, Олесья, это ты... – пробормотала Даша, протирая глаза. – Ты мне такой сон досмотреть не дала... Что тебе?

– Мам, я второй том найти не могу, – жалобно протянула Олеся. – Его, наверное, папа взял.

– Сейчас посмотрим.

Даша с трудом поднялась с дивана, всунула ноги в тапочки и побрела к столу, в котором Максим хранил книжки. «История» оказалась на самом верху.

– О, спасибочки! – обрадовалась Олеся. – Я пошла лежать. Да, мам, мне надо таблетку выпить, ты не забыла?

– Выпьешь, выпьешь, – рассеянно покивала Даша, пытаясь уловить то, что явилось ей в полудреме. Но ничего не ловилось. Странное ощущение витало вокруг, но расплывалось в воздухе все быстрее и необратимей.

– Олеся, а зачем тебе второй том? – морщась, как от боли, спросила Даша. – Ты же первый еще не прочитала...

– Да ну, зачем первый целиком читать? Я прочитала тот отрывок, который нам задавали, и мне стало интересно, что случилось во Франции потом. А про то уже во второй книге, понимаешь? Глупость, вообще-то говоря: история одна, а книг две, – добавила Олеся по-взрослому. – Ладно, ма, давай таблетки – я в кровать пошла.

Олеся вышла из комнаты, а Даша осталась стоять на месте. В голове ее громко прозвенел колокол, и чей-то голос – то ли Боровицкого, то ли кого-то похожего – сказал: «Вот видишь, я же говорил». И в долю секунды все сложилось так ясно и просто, что сразу стало очевидно, по-другому и быть не могло, и только казалось странным и нелепым, что все они не разглядели этого раньше.

«История одна, а книг две. Смешно. А мы все пытались разобраться – пять историй, пять историй... Боровицкий пытался мне подсказать и написал: „Завершите мою книгу“, а я ничего не поняла. Ведь все так просто – нет никаких пяти историй, а есть одна книга. Можно разделить ее на главы, но от этого не появится десять новых книг. И историю Боровицкого можно разделять на части,

но это все равно одна история. Только одна».

Она все же подняла с пола листочек со своими записями, но, еще не поднеся его к глазам, поняла, что ее догадка – не просто догадка, а истина. Можно было и не оставлять последней подсказки, такой простой и чуточку детской – как раз как любил Петр Васильевич. Даша опустилась на ворсистый ковер и, когда к ней подошел Проша, погладила его по голове.

– Да, мой хороший, – без выражения сказала она. – Вот, значит, как оно бывает... Пойдем-ка мы с тобой прогуляемся.

Она дала Олесе таблетку и сообщила, что уходит на час-полтора, не больше. Быстро оделась, сунула в карман сложенные листки рукописи и вышла из дома.

Крики и причитания она услышала, еще не дойдя до ворот – на тропинке, которая вела вдоль ограды. Не раздумывая, Даша завернула на тропинку, и пес побежал за ней, насторожившись. Сначала она быстро шла, потом не выдержала и побежала. Крики затихли. Но когда она выскочила на поляну, на которой стояли люди, кто-то опять запричитал:

– Ой, беда у нас, беда! Не усмотрели, недоглядели!

Потом они заметили Дашу с Прошей и замолчали. Даша сразу увидела все – и толстую нянечку в синем халате, которую она хорошо помнила по пансионату, и присевшую на корточки медсестру, убиравшую шприц в белый пластиковый чемоданчик, и трех шушукующихся женщин, стоящих полукругом над телом. Даша подошла ближе и присела на корточки.

Ангел Иванович лежал, съежившись. Глаза его были закрыты, а на лице застыла странная гримаса – то ли боли, то ли усмешки. Прозрачный пух на его голове шевелился от ветерка, сквозь волосы просвечивало осеннее солнце, и казалось, что над головой светится маленький нимб. Проша ткнул тело носом и тихо заворчал.

– Господи, как Лидии Михайловне сказать?! – опять запричитала нянечка. – Убежал, опять убежал!

– А все охранники виноваты, – вставила бледная медсестра, – они ограду не проверили. Он сетку внизу отогнул и вылез.

– Да ведь она разбираться не будет, кто виноват! Ай-яй-яй! Как же вы так, Ангел Иванович!

– Как же вы так, Ангел Иванович? – как эхо, повторила за ней Даша.

Медсестра отозвалась:

– Сердце старое, вот и не выдержало. Он быстро умер, не мучился. Охранник пошел его искать, нашел дыру в сетке, вылез – а он уже здесь мертвый лежит.

Она перекрестилась, и три женщины тоже торопливо перекрестились вслед за ней.

Сзади раздался шорох, и на поляну выбежал перепуганный охранник. За ним показалась Раева. Охранник хотел было что-то сказать, заметив Дашу, но закрыл рот и отошел в сторону. Лидия Михайловна подошла к телу, секунду стояла неподвижно, а потом без сил опустилась на землю рядом с ним.

– Лидия Михайловна! – одновременно кинулись к ней охранник и медсестра.

Раева остановила их взмахом руки.

– Уйдите все, – тихо приказала она.

Люди вокруг нее замерли в неуверенности.

– Я сказала, все свободны, – повторила Раева без выражения.

Сначала попятился охранник, потом женщины. Последней ушла нянечка, поминутно оглядываясь. У тела остались Раева, Даша и черный пес, отошедший подальше от тела.

Сейчас, под солнечным светом, Даша смогла разглядеть лицо Раевой – и ей стало страшно. Каждая черта жила на этом лице отдельно. Отдельно была белая пергаментная кожа, отдельно – обвисшие щеки, отдельно – подергивающийся, почти неразличимый тонкий рот. Правое веко подергивалось в своем ритме.

Управляющая подняла на нее безжизненные глаза, которые были сейчас не голубыми, а темно-серыми, и проговорила:

– Охранников накажу. Он бы остался жив, если бы не убежал из «Прибрежного».

Даша покачала головой.

– Нет, не остался бы, – тихо, но твердо сказала она. – Он все равно бы убежал от вас. Ведь он от вас убегал, а вовсе не из пансионата, правда? Так далеко убежал, что больше вы его не догоните.

Раева подалась к ней всем телом, но Проша вскопился, оскалив клыки, и одним прыжком оказался

около хозяйки. Управляющая замерла, глядя на собаку, и опять села на землю.

– Как вы узнали? – спросила она, помолчав.

– Петр Васильевич оставил мне пять историй, – проговорила Даша медленно, – и попросил закончить его книгу. Это были совершенно обычные истории – да вы наверняка знаете... История любви, история страданий, история карьеры... А последняя – история убийства.

Раева кивала в такт Дашиным словам, а Даша продолжала:

– Я догадалась, что он не зря приводил меня в пансионат и что разгадку нужно искать здесь. Но я никак не могла понять – к кому же из пациентов подходят его истории. Я и к вам пыталась их прикладывать, но у меня ничего не получалось. И не получилось бы, если бы не моя дочь. Она бросила простую фразу – книги две, а история одна.

Даша замолчала на минуту, а Раева все так и кивала головой.

– Боровицкий любил ребусы, – продолжила Даша спокойно. – Он написал пять историй, назвав их героинь разными именами. Но книгу он писал одну. И героиня у него была одна – вы. Правда, Лидия Михайловна? Петр Васильевич оставил мне вовсе не пять историй, как мы думали. Он оставил одну историю. Всего одну. Все, что я читала, – об одном человеке.

Даша расстегнула куртку и вынула из внутреннего кармана сложенную вдвое рукопись. Протянула листки Раевой, но та с силой ударила ее по руке, и листы бумаги, исписанные красивым почерком Боровицкого, рассыпались вокруг Ангела Ивановича. Одна страница упала ему на лицо, и Даша не стала трогать ее.

– У вас была очень сложная и яркая жизнь, – тихо сказала Даша, глядя на эту страницу. – Вы были хорошей домашней девочкой и собирались жить долго и счастливо, но в автомобильной катастрофе погибли ваши родители. И бабушка с дедушкой тоже умерли. Вы были совершенно не приспособлены к жизни и оказались на кладбище – просили там милостыню и сходили с ума. Вы помните это, Лидия Михайловна?

Раева молчала.

– Вы бы, конечно, умерли, – продолжила Даша, – но вам повезло. Вас подобрал бывший сокурсник, который случайно оказался на том кладбище. Он был в вас влюблен, и вы вышли за него замуж и в самом деле зажили счастливо. Он был очень хороший и умный, правда? Такой умный, что и вы постепенно начали умнеть и стали превращаться в другую женщину. Он учил вас всему – как общаться с людьми, как работать, да вообще – как жить. И вы, Лидия Михайловна, очень хорошо учились. Вы изменились и внешне, и внутренне. Вы поставили на ноги свой бизнес и стали состоятельной женщиной. Вот только интересно, откуда Петр Васильевич узнал тот эпизод со старушкой из вашего подъезда?

– Я ему сама рассказала, – безразлично произнесла Раева. – Он так расспрашивал, почему я выбрала работу со стариками, хотя могла бы успешно заниматься бизнесом... Вот я и объяснила.

– Понятно, – кивнула Даша. – Знаете, а мы с мужем подозревали, что героиня этой истории все-таки убила бедную больную старуху... Зря. Боровицкий описывал все очень точно. Никаких метафор, аллегорий и прочей ерунды. Ему не нужно было ничего придумывать. Он просто хотел показать, каким бывает один человек на протяжении всей своей жизни. А он бывает очень разным. И глупым, и умным, и сильным, и слабым. Всяким. И если показать пять кусочков из его жизни, то вполне можно представить, что речь идет о пяти разных людях... Хотя это не так.

Раева повела плечами, и Даша замолчала, но Лидия Михайловна только скрестила руки на груди. Она по-прежнему сидела на земле, и к ее черным брюкам приклеились рыжие листья.

– А потом ваш муж полюбил другую, – грустно сказала Даша. – Ваш собственный муж, который подобрал вас на кладбище, который учил вас жизни, который ставил с вами свой бизнес, вас разлюбил. Вы были с ним счастливы всю жизнь, и он с вами тоже. Но это ведь ничего не гарантирует – правда, Лидия Михайловна?

– Не гарантирует, – хрипло ответила Раева. – Я этого не знала.

– А когда узнали, то восстановили справедливость, – закончила Даша. – Девушку вы убили, а любимого мужа отправили в тюрьму.

– Любимого мужа... – как эхо, повторила Раева. – Знаете, а вы правы. Я все время думала, что просто мщу, что муж стал мне чужим человеком... – Она провела рукой по голове Ангела Ивановича. – А оказалось, что он и в тюрьме оставался родным. И после тюрьмы. Никуда я не смогла от него деться.

– Скорее он от вас не смог, – жестко сказала Даша. – Я не знаю одного: ваш муж действительно случайно оказался у ворот пансионата или вы сами организовали его появление?

Лидия Михайловна улыбнулась, вспоминая что-то, и от ее улыбки Дашу передернуло.

– Случайно... – эхом повторила Раева. – Нет, Дарья Андреевна, никаких случайностей у меня не было. Я ведь его ждала. Понимаете? – со странной надеждой в голосе спросила она, глядя на Дашу. Та молчала. – У тюрьмы ждала... Не сама, конечно, а этот... А Антоша совсем плохой вышел. Такой плохой, что и делать ничего не пришлось. И в машину сам сел, и ко мне приехал... Я же не могла позволить, чтобы он вот так просто взял и ушел.

– Ну да, – кивнула Даша. – Вы ему, должно быть, скормили кучу всяких препаратов, от которых он и вовсе стал овощем. А потом оставили перед воротами пансионата, разыграли перед всеми мать Терезу.

Раева отвела от нее взгляд и уставилась на рукав Ангела Ивановича.

– Да нет, кучи не понадобилось, – словно про себя произнесла она. – Он и так уже был... не помнил многого... почти все забыл.

– А знаете, Лидия Михайловна, когда я перестала вас подозревать? – спросила Даша. – После нашего разговора об Ангеле Ивановиче. Вы так смотрели на него тогда... И сказали: если в силах одного человека хоть как-то компенсировать страдания, то это должно быть сделано. И еще, что вы не верите в божье воздаяние. Я ошиблась – подумала, что вы говорите о старике и его страданиях. А вы говорили о себе и о муже. Это свои страдания вы компенсировали. Вы своими руками воздавали своему мужу за то, что он полюбил кого-то, кроме вас.

– Он меня предал, – негромко сказала Раева. – Предательство – самый страшный грех по всем людским законам.

– Вот-вот, – кивнула Даша. – И вы его наказали. Потому вы и улыбались тогда – от радости. В тюрьме муж был далеко от вас, не так ли? Вы больше не могли его... наказывать. А здесь, в пансионате, он оказался в полной вашей власти. И главное – никто никогда не догадался бы, что Ангел Иванович – ваш муж. Он выглядел таким старым! Неудивительно после стольких-то лет тюрьмы. Странно, как он вообще остался жив. Ваша улыбка была улыбкой хозяина, вот чего я не поняла. Вы так хорошо улыбались... так счастливо... Конечно, теперь-то он никуда не мог деться от вас! Господи, Лидия Михайловна, неужели вы за все эти годы не простили его?

Женщина на земле покачала головой.

– Вы страшный человек, – тихо сказала Даша. – Вы не только убили человека и отправили невиновного в тюрьму, лишив его счастья. Вы каждый день наслаждались видом его страданий, болезни, мучений...

Внезапно Дашу начал разбирать истерический смех.

– Вы... вы хоть раз давали ему картошку? – спросила она, стараясь подавить его. – Скажите, Лидия Михайловна?

– Конечно, нет, – отозвалась та. – Он ее очень любил раньше...

– Денисов, наверное, догадался, – сказала Даша скорее себе самой. – Может быть, не знал наверняка, но догадывался. А вот Петр Васильевич не догадывался – знал точно. У вашего мужа случались просветления в его сумасшествии. Вы знали, Лидия Михайловна? Иногда он начинал вести себя как здоровый человек. Я видела такой момент только один раз, когда застала его с Денисовым. Но Петр Васильевич... Петр Васильевич бывал здесь каждый день и беседовал со всеми подолгу. И с Ангелом Ивановичем тоже. Всю историю он мог узнать только от него. В минуту просветления ваш муж рассказал ему ее. Может, не за один раз, а за несколько, неважно. Важно то, что Боровицкий все понял, а поняв, написал пять своих маленьких историй про двух людей. И еще... – Даша сделала паузу. – Он ведь все вам рассказал, да?

– Не рассказал, – покачала головой Раева, – дал понять. Намекнул, что собирается установить над Антошей опеку... взять его к себе... Вы же понимаете, что я не могла такого допустить.

– Петр Васильевич хулиганил. Он вовсе не собирался забирать у вас Ангела Ивановича, – с истерическим смешком, который не смогла сдержать, возразила Даша. – Просто хотел, чтобы вы его убили.

– Что?! – Раева так стремительно вскочила на ноги, что Даша вздрогнула и тоже встала. – Что вы сказали?!

– Боровицкий был смертельно болен. Он умирал! – побледнев, бросила ей в лицо Даша. – Ведь

Петр Васильевич не сопротивлялся вам, правда? Он хотел, чтобы вы его убили. Боровицкий очень хорошо разбирался в людях и знал, что вы предпримете. Он специально доводил вас до такого решения, зная, что вы не остановитесь ни перед чем. Но перед смертью оставил мне свои рукописи. Знаете, в какой-то степени он был совершенно бессердечным человеком, потому что судьба вашего мужа его не беспокоила. Но он хотел посмеяться над вами напоследок – вот и все! Над вами, над своими детьми, над всем вашим пансионатом, в котором он поднял столько шума. Делал вид, что пишет книгу об обитателях! Приносил с собой ноутбук! Наверное, и в самом деле собирался ее писать, но, когда узнал вашу историю, понял, что она гораздо интереснее. Из нее могла бы получиться настоящая книга.

– Но он ее никогда не напишет! – выкрикнула ей в лицо управляющая.

– Он ее уже написал! Написал для себя, для меня и для вас, а потом ушел! Сделал все так, как сам захотел, понимаете?! А вы, вы были для него просто персонажем, который действовал по его указанию.

– И вы тоже! – яростно бросила Раева.

– И я тоже, – согласилась Даша. – Но я сейчас уйду из его книги. А вы останетесь в ней навсегда. Как зверь в клетке. Потому что вы и есть зверь, а пансионат – ваша клетка, из которой вы больше нигде не денетесь. Будете ходить, вспоминать, как мучили своего несчастного мужа, и жить этими воспоминаниями, как другие живут воспоминаниями о счастье!

С глухим звериным рычанием Раева бросилась на Дашу, повалила ее на землю и вцепилась в горло, но в следующую секунду закричала и разжала пальцы. Клыки собаки впились в кожу на ее шее.

– Проша, нельзя! – крикнула Даша. – Отпусти ее!

Она поднялась с земли и отряхнулась.

– Фу, Проша, – повторила она спокойно псу, который по-прежнему стоял над женщиной, поставив передние лапы ей на грудь. – Оставь ее.

Проша разжал зубы и отошел. Раева села, провела рукой по горлу, а потом, как слепая, – по лицу Ангела Ивановича.

– Ушел, ушел... – пробормотала она негромко, раскачиваясь вперед-назад. – Он от меня ушел... Как же я жить дальше буду, а? – неожиданно спросила она Дашу, подняв на нее пустые глаза. – Что же мне дальше делать?

Даша молча смотрела на Раеву. Затем развернулась и пошла прочь, оставив за спиной скорченное тело старика и женщину, раскачивающуюся около него. Листки рукописи так и остались брошенными на земле.

Не успела она пройти и сорока шагов, как навстречу ей метнулась фигура в белой рубашке. Даша чуть не вскрикнула, но в следующую секунду узнала Денисова. Главврач так торопился, что даже не накинул ничего поверх легкой летней рубашки с короткими рукавами.

– Где она? – хрипло спросил Денисов. По лицу его текли капли пота, он запыхался. – Держите вашу собаку, пожалуйста!

– Там, – махнула рукой Даша, придерживая смирно стоящего Прошу за загривок. – И Ангел Иванович тоже там, – прибавила она, с отвращением глядя на главврача.

– Упокоился – и ладно, – выдохнул Денисов и совершенно неожиданно для Даши медленно, неумело перекрестился.

Она завороченно смотрела, как он тянет щепоть ко лбу, как опускает волосатую руку вниз, как старательно подносит ее то к одному плечу, то к другому... Перекрестившись, Денисов сделал шаг по тропе, и тут Даша поняла, что она увидела.

– Так это были вы... – с удивлением сказала она.

Денисов остановился и затравленно обернулся на нее. Проша насторожился.

– Что? Что, что вам нужно? – быстро забормотал Борис Игоревич.

Но Даша не смотрела на него. Она смотрела на его правую руку, над локтем которой белел толстый рубец, заканчивавшийся где-то под рукавом рубашки.

– Это про вас говорил мне тогда Боровицкий... – ошеломленно произнесла она, по-прежнему не сводя глаз со шрама. – Он еще сказал, что вы панически боитесь собак, потому что вас какой-то пес покусал в детстве. И не просто покусал, а чуть руку не оттапал, – он так и сказал. Значит, вы – тот самый мальчик, который приносил Свете цветы. Который потом все понял, но боялся рассказать...

Денисов молча смотрел на Дашу. Потом открыл рот, облизал пересохшие губы и покосился на собаку.

– Но как же... как же вы оказались потом у Раевой? – скорее у себя, чем у него, спросила Даша.

– Работу пришел просить, когда жизнь приперла. Знал, что не откажет, – внезапно ответил Денисов, дернув уголком рта. – И не отказала! Найти-то ее было несложно, следил я за ее милостью, знал о ее жизни...

– Не понимаю! – Даша чувствовала, что в голове у нее все перемешалось. – Как же вы смогли рассказать обо всем Боровицкому? Зачем?

– А я и не рассказывал, – истерично рассмеялся Денисов. – То есть рассказывал, конечно, только давно. Двадцать лет назад. Когда был юным мушкетером, случайно встретившим хитроумного кардинала и сдуру выболтавшим ему все, что только можно. И про Атоса, и про Портоса, а самое главное – про миледи. Располагал он к себе, покойный-то. Вы и сами, поди, все свое грязное белье ему показывали, по себе знаете, – скривился он. – А когда встретил его здесь, пожалел тыщу раз о том, что дураком болтливым был. Думал – не узнает он меня, но узнал, узнал... Притворялся только, что не узнал, старая падаль! Гнида...

– Знаешь что, Проша, – задумчиво сказала Даша, – хочешь, я тебе «фас» скомантую?

Денисов споткнулся на ругательстве. Проша поднял на хозяйку удивленный взгляд и ощерил клыки.

– Да, покусай его как следует, – кивнула Даша, глядя в умные собачьи глаза. – Можешь даже загрызть, я разрешаю.

Она сняла руку с загрызка, и пес сделал шаг к Денисову. Тот замычал что-то невнятное, не отводя глаз от собаки, на глазах сначала бледнея, а затем становясь какого-то мертвенно-серого цвета.

– Н-н-н-не... не... – начал заикаться Денисов, закрывая горло трясущимися руками. – М-м-ма-ма-а-а-а-а-а-а-а...

Даша пару секунд смотрела на него, потом сказала:

– Пойдем, Проша. Не надо тебе это грызть. Еще заразу подцепишь...

После того как женщина с собакой ушли, Денисов постоял на месте, приходя в себя. Но когда он вышел на поляну, руки его еще дрожали. Раева сидела на земле, рассеянно проводя пальцами по руке Ангела Ивановича. Рука была жалкая, сморщенная – как цыплячья лапка, и Денисова передернуло от отвращения. Хотя и при жизни этот убогий был ненамного лучше.

– Чуть не загрызла меня, – хрипло сказал он, сжимая пальцы в кулаки, чтобы они перестали трястись. – Собака. Почти прыгнула. Слышите вы, чуть не загрызла!

Раева не отозвалась.

– Знает она все, – продолжал Борис, оглядываясь по сторонам. – Ей Боровицкий рассказал, девке этой. Она донесет. Уже пошла доносить. Да что вы сидите-то?! – не выдержав, закричал он в неподвижную спину. – Оставьте вы свой злосчастный трупик в покое! Все, все, уже все закончилось для него! А вот нам с вами...

Раева обернулась, и Денисов подавился словом.

– Нам с вами? – повторила она медленно, будто вслушиваясь. – Нам с вами? Почему же нам с вами, Борис? Только вам.

По лицу ее скользнула странная полуулыбка, от которой Денисову захотелось отпрыгнуть, как от змеи.

– Что значит – мне? – пробормотал он, пытаясь отвести взгляд от ее губ. – Вы о чем, а?

– О том, Боренька, что вы издевались над несчастным Антошей, и девка, как вы выразились, тому свидетель. – Она по-прежнему говорила медленно, только прислушивалась теперь не к тому, что было вокруг, а к голосу, нашептывавшему что-то в ее голове. – Вы его мучили.

– Я-а?! – Денисов на секунду потерял дар речи. – Да вы что?! Вы сами сгноили его в вашем пансионате, про то все знают! И убили его бабу тоже вы!

Раева помолчала, затем улыбнулась еще шире.

– Боюсь, Боренька, что это совершенно недоказуемо. – Она наконец убрала руку с тела мужа и теперь перебирала листья на земле. – Он ведь сам признался на суде, бедняга. А то, что я потом привезла его в пансионат, вовсе не преступление. Мне хотелось заботиться о нем. Любая сиделка или охранник подтвердят. А вы – вы довели его до смерти.

– Вы разговаривали с Прониной, – прошептал Денисов. – Она про вас все знает.

– А, разговоры... – Раева сделала слабый жест рукой, из пальцев посыпались листья. – Всего лишь разговоры, Боренька, вы это понимаете... – Она наклонила голову, потому что голоса раздавались все громче, подсказывали правильные фразы. – Поэтому лучший совет, который я могу вам дать, – напишите добровольное признание в том, что вы доводили Антошу до самоубийства. Много вам не дадут, я напишу самое...

Договорить ей не удалось. С хриплым взвизгом Денисов бросился на нее, повалил на лежащее рядом тело и изо всей силы сжал пальцы на тонкой змеиной шее. Гадина почти не дергалась, но он все равно делал одно судорожное усилие за другим, боясь, что она вырвется, и тогда ему уже никуда не деться. Под пальцами что-то хрустнуло, обмякло, но он знал, что это притворство. Потому что она всю жизнь притворялась как никто другой. Нет, его не проведешь! И он сжимал, сжимал пальцы, зная, что разжимать ни в коем случае нельзя.

И даже когда выскочивший на поляну охранник ударил его по голове и Денисов бесчувственным кулем повалился на бок, его цепкие пальцы все равно продолжали сжимать горло женщины, умершей уже несколько минут – а на самом деле много лет назад.

Эпилог

– Знаешь, я уверена, что Раева это сделала специально, – сказала Даша, кутаясь в плед на диване. – Все равно она не смогла бы жить дальше. Даже тогда, когда она на меня набросилась, у меня было ощущение, что меня не живой человек пытается придушить, а какая-то кукла с механизмом. Вроде бы еще движется, но завод уже закончился и она через пару минут замрет.

– М-да, – задумчиво проговорил Максим. – Столько лет питаться ненавистью и мщением, а потом обнаружить, что ненавидеть больше некого... Сейчас, после ее смерти, мне ее даже жалко. И стариков всех жалко. Что с ними-то будет?

– Я думаю, что с ними все будет хорошо, – пожала плечами Даша. – Точнее, вот как: для них ничего принципиально не изменится. Придет новый управляющий, и если он будет заботиться о них так же, как заботилась Раева, то большего и не потребуется. Все равно каждый из них живет в своем мире.

– Дашка, а как ты догадалась, что это именно Раева?

– Главное было понять, что Петр Васильевич написал не пять историй, а одну, – объяснила Даша. – А дальше очень просто: Раева сама как-то сказала мне, что ее родители погибли в катастрофе. Помнишь второй рассказ? Только Боровицкий расположил их не в хронологическом порядке. Но была еще одна подсказка, про которую я Раевой не сказала.

– Какая?

– Однажды Боровицкий рассказал мне, что много лет назад выслушал признание в соучастии в убийстве. Говорил, что признавшийся ему человек очень боялся, и этот страх передался ему. Петр Васильевич ничего не рассказывал мне просто так. Я уверена, что так и было на самом деле, а тот человек...

– Парень, который приносил цветы убитой Свете, чтобы выманить ее из квартиры, – закончил Максим. – Он же – главврач Денисов-Борисов.

– Точно. В пятой истории Боровицкого о нем больше ничего не рассказывается, кроме того, что он молчал.

– Получается, не молчал.

– Да, он признался Боровицкому – не знаю, где и при каких обстоятельствах. Денисов сказал, что двадцать лет назад, но на самом деле могло пройти сколько угодно времени. Кстати, думаю, именно он встретил Ангела Ивановича, когда тот из тюрьмы вышел. Раева сказала – «этот», не называя имени, но больше никто, кроме главврача, это не мог быть. А остальное просто дело случая: Боровицкий попал в пансионат и узнал Денисова, потом разговорился с Ангелом Ивановичем, выстроил картину его жизни из рассказов бедного старика и догадался, что перед ним одна из жертв той давней истории. Но самое смешное, Максим... Мы с тобой все старались понять, разобраться,

разгадать ребус и не видели, что Петр Васильевич оставил нам подсказку. Даже думать не нужно было, только ее разглядеть!

– Какую?! – поразился Максим. – Покажи!

Даша достала свой листочек с именами героев историй Боровицкого и стала переписывать их в два столбика.

«Лена. «Роман.

Ирина. Алексей.

Диана. Егор.

Инна. Виктор.

Яна» – в первом. Антон» – во втором.

Когда закончила, протянула листок Максиму.

– Ну и что? – не понял тот.

– Максим, но ведь все так просто! Прочитай первые буквы женских имен и мужских.

– «Лидия Раева», – прочел Максим. – Твою мать, вот гнусный старикашка!

Даша невесело рассмеялась.

– Он не гнусный старикашка, он мангуст, – сказала она. – Несчастный мангуст, который никак не мог вылезти из своей карусели. Петру Васильевичу нужно было любую жизнь превратить в книгу, понимаешь? Это в конце концов его и убило. А мы с тобой подозревали Окуневу, и Красницкую, и весь пансионат целиком, и даже безобидного Виконта... Искали среди больных, а нужно было искать среди здоровых. Господи, какое счастье, что все закончилось!

Она подошла к мужу и уткнулась носом в его плечо. Максим провел рукой по ее волосам, глядя в окно – туда, где солнце садилось в глубину оранжевых и желтых деревьев.

– Дашка... – помолчав, позвал Максим.

– Ну что тебе?

– Мы когда будем переезжать в большую квартиру?

Даша подняла глаза на мужа и улыбнулась во весь рот.

– Весной, Максим! Переезжать надо весной! А велосипеды купим зимой, и пусть они у нас стоят!

– Четыре велосипеда! – Максим покружил Дашку по комнате на руках под ее радостные вопли, посадил жену в кресло, а сам плюхнулся на диван. – Два мне, два – вам с Леськой!

– Нет, три!

– А еще лучше – пять!

– Куда тебе пять велосипедов?!

– И еще один – про запас!

Проша посмотрел на двух счастливых людей, швыряющих друг в друга диванной подушкой, и положил подбородок на лапу. Вот теперь все было хорошо. И даже то, что вечером с ним погуляли только до угла дома, можно было простить хохочущим хозяевам.

Он поворчал для приличия, стукнул хвостом по полу и задремал. День завтра обещал быть солнечным – это он точно чувствовал.

Иван Сергеевич Яковлев по прозвищу Виконт стоял у черного пруда, в котором не было рыбок, но смотрел не на пруд, а на заходящее солнце. Ему пришлось прищуриться, потому что оно было еще ярким. Он бросил короткий взгляд на дорогу и увидел, что машина подъехала.

– Все-таки уезжаете, Иван Сергеевич? – раздался голос. Повернувшись, Яковлев увидел Красницкую – маленькую и отчего-то сторбившуюся. Заходящее солнце освещало ее грустное лицо.

– Да, – помолчав, кивнул он. – Хватит мне от мира прятаться, Римма Сергеевна. И знаете – я ведь работу-то свою закончил. Стыдно мне должно быть, ослу старому. Если бы не Боровицкий, так и бросил бы на полпути. А в разговорах с ним как-то все стало на свои места: понял я, что нельзя под конец жизни дело любимое бросать... Хороший он был человек, упокой господи душу его.

– Хороший, – эхом отозвалась Красницкая. – И правда хороший. Ну что ж, прощайте, Иван Сергеевич.

– Прощайте, Римма Сергеевна, – улыбнулся Виконт. – Буду теперь там доживать. – Он

неопределенно махнул рукой куда-то за ограду, туда, где только край красноватого круга виднелся из-за деревьев.

Он повернулся и пошел к машине, сначала неторопливо, а затем все ускоряя и ускоряя шаг.

И, только сев в такси, в котором уже лежал его багаж, вдруг понял, что сказал Красницкой неправду – такую неправду, что впору было бы вернуться и сказать то, что на самом деле чувствовал старый профессор Яковлев по прозвищу Виконт.

«Не доживать!» – покачал он головой, и таксист с удивлением взглянул в зеркальце на красивого седого старика, смутно напомнившего ему кого-то из героев книжек, которые он читал подростком. «Не доживать, – улыбнулся Виконт, и таксист смущенно отвел глаза от морщинистого лица, по которому текли слезы. – Жить! Жить...»